

В О Е Н Н Ы Й   Б Е С Т С Е Л Л Е Р

СПАРТАНЦЫ XXI ВЕКА

«АЛЬФА»

МИХАИЛ БОЛТУНОВ

Annotation

Автор – едва ли не единственный писатель и публицист, кому участники легендарного специального подразделения рассказали всю правду о себе.

Самолет оторвался от взлетно-посадочной полосы, набрал высоту и взял курс на Батуми. Когда он был уже на предпосадочной прямой и выпустил шасси, в дверь пилотской кабины постучались. Один из летчиков посмотрел в глазок и увидел лицо бортпроводницы. Не заметил, что она ранена. Открыл дверь. И тотчас получил в лицо пять пуль.

Никто сначала не понял, что произошло. В кабину ворвались двое. Лица, перекошенные злобой, мат, истошные вопли: «Самолет захвачен!!!»

В это время в Москве шли плановые занятия по огневой подготовке у бойцов группы «Альфа». Сигнал тревоги заставил их мгновенно собраться для получения приказа. Спустя несколько минут они в полном боевом снаряжении уже ехали в аэропорт...

-
- [Михаил Болтунов](#)
    - [Предисловие](#)
    - [Старик Андропов их заметил...](#)
    - [Первая тридцатка](#)
    - [На правах оперативного отдела](#)
    - [Командировка в Цюрих](#)
    - [«Таких ребят меняем на подонков...»](#)
    - [Остров зари багровой](#)
    - [«Ставь жизнь свою на кон...»](#)
    - [«Русским Афганистан не отдадим...»](#)
    - [Первый «Зенит»](#)
    - [Просьба афганской стороны](#)
    - [«Поверь мне, старику...»](#)
    - [Правая рука «великого учителя»](#)
    - [Выйти на объект](#)
    - [Готовится спецоперация](#)
    - [Этот узел не развязать](#)
    - [Вдовья дорога](#)
    - [«Говорить все, кроме правды...»](#)
    - [«Сделаем из них циркачей»](#)

- [Столик для советских офицеров](#)
  - [«В семь пятнадцать начало...»](#)
  - [«Тогда считать мы стали раны»](#)
  - [Утро долгой войны](#)
  - [Лавры героя](#)
  - [«Мы принесли с собой...»](#)
  - [Без опубликования в печати](#)
  - [Бабрак Кармаль поздравляет](#)
  - [Через военное горнило афгана](#)
  - [Без сучка и задоринки](#)
  - [Послужной список «Альфы»](#)
  - [Сарапул. Восемьдесят первый год](#)
  - [«На линию огня – марш!»](#)
  - [Крылья террора](#)
  - [Кровавая «свадьба» в Тбилиси](#)
  - [Взять шпиона «без шума и пыли»](#)
  - [Террористы из МВД](#)
  - [Собаки «Альфы»](#)
  - [«Взбесившийся» автобус](#)
  - [Без единого выстрела](#)
  - [Цена теракта](#)
  - [Пострадавших не было](#)
  - [Горячая командировка в Баку](#)
  - [Захват в Сухуми](#)
  - [notes](#)
    - [1](#)
-

Михаил Болтунов
Спартанцы XXI века

Предисловие

«Альфа»... Легендарное, суперсекретное подразделение антитеррора. История ее удивительна. Переворот в Кабуле и обмен Луиса Корвалана на диссидента Буковского, охрана афганского лидера Бабрака Кармаля и штурм мятежного Сухумского изолятора, захваченного преступниками, гражданский подвиг у стен Белого дома и освобождение заложников в «Норд-Осте».

«Альфа»... Мощная, мобильная, высокопрофессиональная группа специального назначения. История ее необычна. Она пережила годы секретности и забвения, годы любви и ненависти. Ею гордились и ее боялись. Бойцов и командиров группы «А» называли «профессиональными убийцами» и «душителями свободы». А они просто были сыновьями Отечества.

Они гибли в борьбе с террором ради нас с вами. Ради жизни на Земле. Бойцы «Альфы» каждый день на войне. Без малого сорок пять лет.

Все, о ком говорится в книге, «родом» из «Альфы» – легендарного антитеррористического подразделения. Они – бойцы и командиры группы антитеррора России. И рассказать о них есть что, поверьте.

В «Альфе» вольно или невольно собрались люди особенные. Судьбы на редкость интересные, а порой и уникальные. На их долю выпала трудная миссия – первыми вступить в бой с терроризмом в нашей стране.

Это сейчас вам каждый школьник скажет, кто такой террорист. Но полвека назад и слова-то подобного не знали. А уж как бороться с этой страшной болезнью, прозванной «чумой XX века», не ведали и подавно.

Бойцы и командиры группы стали первопроходцами. Так уж случилось, что даже в самые мирные и спокойные для страны годы «Альфа» всегда воевала, всегда была в бою. Ибо террор жесток и кровав. Он постоянно развивался и крепчал. Изобретал новые, невиданные способы и орудия борьбы, становился более изощренным, жестоким, бесчеловечным. Но всегда на его пути встают ребята в черных беретах с буквой «А».

В этом сражении у группы «А» много подвигов, много побед. Они отмечены Золотыми Звездами героев.

У «Альфы» их целое созвездие. Вряд ли какое другое подразделение или воинская часть может похвастаться таким количеством Героев. Достаточно сказать, что три первых командира группы «А» – Виталий

Бубенин, Геннадий Зайцев, Виктор Карпухин были удостоены высокого и почетного звания Героя Советского Союза. Начальник штаба группы полковник Анатолий Савельев стал Героем России посмертно.

Под стать своим начальникам и подчиненные – бойцы группы «А». Среди них также есть Герои, кавалеры боевых орденов.

Терроризм стар, как мир. Он не за далекими горами, синими лесами. Он на пороге вашего дома.

Эта книга не о фантастических похождениях российских «Рэмбо». Она о реальной силе, которая противостоит террору. Эта книга о лучших людях России – о солдатах антитеррора.

Старик Андропов их заметил...

29 июля 1974 года председатель Комитета государственной безопасности Юрий Владимирович Андропов своей рукой написал приказ о создании группы «А». Приказ был с двумя нулями, что значит «совершенно секретно», да еще и «особой важности». Предполагается такой уровень секретности, что первый приказ существовал в единственном, рукописном экземпляре. Его не отдавали на перепечатку даже самым проверенным машинисткам КГБ. О формировании группы в Комитете знали буквально единицы людей, без участия которых никак нельзя было обойтись.

Новую группу решили создать в 7-м управлении КГБ СССР. Точнее, в службе охраны дипломатических представительств «семерки». Командовал в ту пору управлением генерал-майор Михаил Михайлович Милютин.

В октябре 1974 года на этом посту его сменил генерал Алексей Дмитриевич Бесчастнов. Вся тяжесть по вводу в строй подразделения антитеррора легла на его плечи.

Юрий Владимирович Андропов был весьма прозорливым человеком. Надо отдать должное – он первым почувствовал опасность терроризма. Тревожным звонком прозвучали мюнхенские события, когда на Олимпийских играх в Германии в 1972 году палестинские террористы расстреляли израильских спортсменов.

В те дни корреспонденты «Пари Матч» писали: *«Эта маска, эта сатанинская тень, возникшая внезапно посреди олимпийских торжеств, как танцор, нарядившийся смертью на средневековых балах, – это, к сожалению, стало символом целой эпохи. Большой и зловещий праздник насилия... пришел к нам, он стал реальным кошмаром, когда на балконе под израильским флагом появился этот террорист в черном колпаке. 11 израильских заложников и их палачи умрут».*

Террористический акт на Олимпиаде 1972 года нанес сокрушительный удар по престижу Германии. Теперь кошмар Мюнхена преследовал руководителей многих стран. В подобной ситуации они оглядывались назад и... отступали перед террористами.

В 1973 году в Париже произойдет захват посольства Саудовской Аравии. Франция удовлетворяет требования террористов. В 1975 году семь вооруженных бандитов-молукцев нападут на поезд Амстердам – Бейлен и захватят его. Через два дня вторая группа террористов займет консульство

Индонезии в Амстердаме. Голландские власти прибегнут к переговорам, несмотря на гибель двух заложников.

В том же году известный террорист Ильич Рамирес Санчес, более известный по кличке «Карлос Шакал», вместе со своими подельниками предпримет захват самолета израильской авиакомпании «Эль Ал» в парижском аэропорту Орли.

Они убьют двух полицейских, захватят восемь пассажиров, включая женщину с ребенком, и забаррикадируются в туалете.

Долго шли переговоры и правительство, наконец, решило погрузить Карлоса и его бандитов с заложниками в самолет, летевший в Египет. Собственно, как и требовал Карлос. Жандармы во главе с лейтенантом Кристианом Пруто (он станет известен позже, после проведения операции по освобождению заложников в Джибути) готовы были уничтожить «Шакала». И можно с уверенностью сказать, уничтожили бы, когда террористы поднимались друг за другом по трапу на борт самолета... Но команды на открытие огня не прозвучало.

Правительство в очередной раз отступило.

Что же было потом? Карлос через несколько месяцев вернулся во Францию, разумеется, не с благими намерениями. При попытке ареста он убьет двух агентов спецслужб и сбежит. Вскоре появится в Вене. Возьмет в заложники участников конференции нефтедобывающих стран и с большим выкупом скроется в Ливии.

Через год с небольшим молукские террористы вновь овладеют поездом Ассен Де Пунт в Северной Голландии и возьмут в заложники 51 человека.

Наконец, даже самым либеральным политикам станет ясно: мира у террористов не выпросишь. Это осознание будет ознаменовано созданием в своих странах специальных подразделений по борьбе с терроризмом.

Для борьбы с ирландскими террористами в составе 22-го полка английских САС сформируют группу, получившую название «крыла противодействия революционному экстремизму». К концу 1974 года антитеррористическая команда САС имела статус штатного подразделения, расквартированного в Херефорде, со своим штабом, службами транспорта и связи. Командиры и бойцы получили свободу выбора любого оружия вне зависимости от его стоимости и страны производителя.

После провала в Мюнхене правительство Западной Германии создало специальное подразделение по борьбе с терроризмом, названное ГСГ-9. Первоначально оно насчитывало 50 человек и вошло в состав Федеральной пограничной полиции. Возглавил подразделение Ульрих Вегенер, который

являлся экспертом по вопросам терроризма. Он поддерживал тесные контакты как с израильскими силами специальных операций, так и с английскими сасовцами.

В эти годы свое антитеррористическое подразделение создает и Франция. Группа вмешательства национальной жандармерии (ГИГН) – *Groupe d' Intervention de Gendarmerie Nationale*, GIGN, численностью 200 человек, со штаб-квартирой в Версале.

В том же 1974 году председатель КГБ Юрий Андропов собственной рукой написал приказ № 1 о создании группы «А». Он не желал, чтобы «сатанинская тень» террора накрыла Москву или какой-либо другой город Советского Союза.

А тень эта уже маячила за горизонтом.

Нельзя сказать, что в те годы в Комитете госбезопасности не доставало хороших оперативников, отменных стрелков-снайперов, спортсменов. Но этого было мало. С терроризмом нельзя бороться временными, наспех сколоченными группами. На пути бандитов-профессионалов должны стать профессионалы антитеррора. Такова была главная мысль председателя КГБ, когда он формировал первую в нашей стране группу, известную ныне как «Альфа».

Подразделения антитеррора в ту пору лишь зарождались. Известно было, что несколько школ по борьбе с терроризмом имеет Израиль.

Израильтяне, после захвата террористами самолета в 1968 году, уже больше не позволяли никому угонять свои самолеты. Их инструкторы были весьма популярны в мире. Они работали в Парагвае, Гватемале, Сальвадоре, Тайване.

О ГСГ-9 – сведений самый минимум. Только то, что подразделение входит в состав командования пограничной охраны и подчиняется лично министру внутренних дел. Решает задачи по пресечению тяжких преступлений, связанных с убийством, взятием в заложники, разбоем, а также с покушениями на жизнь политических и государственных деятелей ФРГ.

Так что брать пример было особенно не с кого. Как, впрочем, и учиться. Путь был один – работать, искать, ошибаться и вновь искать, набивая синяки и шишки.

Первую тридцатку антитеррора поручили возглавить Герою Советского Союза пограничнику майору Виталию Бубенину.

Это назначение было не случайным. Как признался позже начальник погранвойск КГБ СССР генерал армии Вадим Матросов, когда Андропов приказал ему представить три кандидатуры на должность командира

группы «А», фамилии Бубенина в этом списке не было. И Матросова можно понять. Их родной пограничник, боевой командир заставы на Даманском, Герой Советского Союза. В ту пору звание Героя – это большая редкость. Весь Союз его знает, да что там Союз – весь мир. Портреты героев-пограничников с Даманского обошли многие газеты и журналы планеты.

Но Андропов прочел данные по кандидатам и листки отложил в сторону. «Командиром группы «А» назначим Бубенина», – подвел он итог разговору.

Почему Председатель КГБ выбрал именно Бубенина? Да потому что он был мудрым руководителем и сумел осознать роль группы антитеррора в судьбе страны.

Это теперь «Альфа» такая известная и легендарная. А тогда никто бы не взялся предположить, что из всего этого получится.

Когда будущий начальник штаба «Альфы» полковник Анатолий Савельев, еще молодым прапорщиком, уходил в группу из своего подразделения, ему говорили: «Зачем это тебе нужно? Сколько таких групп создавалось под конкретные задачи... И где они теперь?»

Говорившие по-своему были правы. Действительно, в КГБ нередко формировались временные подразделения для выполнения конкретных задач. Но после решения задач они распадались, расформировывались. Кто о них знал, помнил? Многие считали, что и «Альфу» постигнет подобная судьба.

Однако был человек, который думал иначе. Этот человек не сомневался: путь «Альфы» окажется трудным, но, безусловно, славным. Что ж, решение председателя КГБ для подчиненных закон.

Прилетел Бубенин с границы. Ему объяснили, что за группа, каковы задачи, цели. В свою очередь присмотрелись к пограничнику. Офицер действительно боевой, авторитетный, со звездой Героя. Сам Виталий Дмитриевич сомневался, но дал согласие. Человек военный: надо – значит, надо.

Правда, через несколько лет он все же напишет рапорт – попросится опять на границу. Что поделаешь, тут как в любви: насильно мил не будешь. А насильно в группу никого не тянули. Она сама, как магнитом, притягивала к себе. Многим хотелось боевой работы.

Юрий Владимирович остался доволен. Он верил – рождалось подразделение, которое сможет защитить людей от терроризма.

Руководство группы понимало: традиционные методы отбора, принятые в КГБ, не годятся. Подразделение уникальное, и методы отбора

должны быть уникальными.

Самое пристальное внимание – моральным и деловым качествам, умению работать в единой команде, одним коллективом.

Изучали кандидата, его наклонности, способности, коммуникабельность, реакцию, умение думать и принимать самостоятельные решения, идти на разумный риск. Излишне эмоциональных, взрывных, конфликтных старались не брать.

Словом, шли опытным путем. Ведь каких-то научных разработок в ту пору не было. Зато было большое желание создать крепкий, сколоченный коллектив единомышленников. И, как показала последующая жизнь, не ошиблись.

Что конкретно могли предложить вчерашний начальник погранзаставы майор Виталий Бубенин или его заместитель – офицер 7-го управления КГБ Роберт Ивон? Никто из них ничем подобным прежде не занимался. Опыта, что называется, ноль. И взять его негде.

Андропов хоть и разрешил набирать людей из штата всего комитета, но одним из условий для закрепления в группе будущего сотрудника была московская прописка.

Вот как о том времени вспоминают ветераны группы «А».

Валерий Емышев:

– В 1974 году я окончил очное отделение Высшей школы КГБ. Сказали, пойдешь в 7-е управление, хотя, признаться, планы у меня были другие.

Так распорядилась судьба. Наверное, в моем распределении сыграло роль и то, что я раньше служил в «семерке». Активно занимался спортом, был чемпионом управления.

О группе тогда практически ничего не знали, секретность полнейшая. Даже при зачислении в ее состав все беседы тет-а-тет, шептали на ухо. Мне, например, сказали, что будущая работа связана с риском для жизни. И только. Ну что ж, с риском так с риском.

В семьдесят четвертом мне уже было 32 года. Для нашей работы немало. Голов старше на год, немного помоложе Бодров и Федосеев, Савельеву меньше на четыре года. Самым старшим был Леденев, потом Ивон.

Помню, первая наша операция – освобождение Министерства здравоохранения в Рахмановском переулке. Тогда студенты-иностранцы захватили министерство...

Валентин Шергин:

– Родился в семье военнослужащего. Как и положено, отслужил срочную службу. Активно занимался спортом. Входил в сборную Москвы, мастер спорта по легкой атлетике.

Работал на ЗИЛе, окончил автомобильный техникум, поступил в Институт физической культуры.

В 1971 году пришел в Комитет госбезопасности, на самую низкую должность. А мне уже к тому времени 26 лет стукнуло.

Но рос по службе быстро, работа нравилась. За два года до прихода в группу был назначен начальником военно-физической работы управления.

Первый набор – 30 человек – оказался на редкость сильным во всех отношениях. Еще бы, выбирали из многих тысяч.

Работали мы за идею, никаких дополнительных льгот, выплат. Позже стали доплачивать 10 процентов. Часто сидели «на казарме», разъезды, вызовы. Бывали моменты, когда ко мне гости в дом, а я из дому. Вызывают на службу. Хорош хозяин, что и говорить...

Нина Зудина, вдова погибшего при штурме дворца Амина капитана Геннадия Зудина:

– Как Геннадий попал в «Альф»? Случай по-своему курьезный. Он рассказывал, их было несколько кандидатов в группу. Беседовал с ними какой-то генерал и Ивон, заместитель начальника подразделения. Спрашивают: «Водку пьешь?» Геннадий замялся и говорит: «Пью, конечно. В гостях, по праздникам». «Ну а норма какая у тебя?» – «Не знаю, по обстоятельствам, от настроения зависит». – «Бутылку выпьешь?» – допытывался генерал. «Выпью». – «А больше?» – «И больше выпью». Засмеялся генерал и отпустил. А следом Ивон из кабинета выбежал, стал стыдить: «Ну как же ты, Зудин, с этой водкой!» – «Я ведь правду сказал, как есть».

А сам потом переживал крепко, думал, не возьмут в группу. Оказывается, взяли.

Михаил Картофельников:

– Отец у меня офицер, семья военная. Закончил десятый класс, поступил в школу тренеров при Московском институте физкультуры. Занимался лыжными гонками.

После школы направили в Свердловск тренером в «Локомотив». Дальше – армия, спортивная рота. В армии женился. Жена моя закончила химико-технологический институт, известную Менделеевку. Ну и я туда. Потом работал пять лет химиком. В 15-м Главке было такое

подразделение. А в 1978 году мне предложили перейти в группу.

Как со мной беседовали в подразделении, до сих пор помню. Вопросы тогда казались странноватыми. Ну например: «Как у тебя дела с тщеславием?» О предстоящей работе ничего не говорили. Разве что спросили: «С парашютом прыгнешь?» – «Отчего не прыгнуть?» Я тогда здоровый был, мастер спорта по лыжам, горел душой и телом. Желание огромное работать.

Первым мне глаза раскрыл начальник отделения Шергин, когда я уже был зачислен в подразделение. Мол, есть необходимость бороться с международным терроризмом. Но как с ним бороться, никто не знал. Хотя общефизическая и огневая подготовка уже тогда оказалась весьма серьезной.

Помнится, выехали в Тулу: прыжки, ориентирование, огневая, марш-броски, переходы, минно-подрывное дело, гранатометание.

После этого выезд в Ярославль. Прошли колоссальную программу. Стрельба из всех видов оружия, включая бронетанковое: БМП, БТР, танки. Возждение всех средств.

Там много заброшенных деревенок. Мы их использовали для отработки различных вопросов: освобождение заложников, захват языка, нападение на часовых...

Виктор Блинов:

– Пришел в группу во втором потоке. Готовил себя упорно – занимался легкой атлетикой, единоборством, гиревым спортом, многоборьем. Был призером «Динамо» по боксу.

Но дело не только в физической готовности. В нашей работе очень важно уметь принять решение, не теряться, не делать квадратные глаза. Когда ситуация неординарная, надо сохранить холодный ум, всегда помнить, что рядом с тобой действуют товарищи и ты не должен поставить их в невыгодное или опасное положение.

Твои противники, хоть и преступники, тоже люди. Не говоря уже о заложниках. Этому нас и учили с первых дней пребывания в подразделении «А».

Михаил Максимов:

– Отбор в группу был очень жесткий, серьезный. В первый раз не прошел. Работал, готовился и через два года оказался в подразделении. Почему в группу «А» отбирали прежде всего спортсменов? Да потому, что спорт закаляет характер, кристаллизует волю, учит побеждать.

В подмосковных лесах мы тренировались в суточных, двухсуточных переходах, шли по колено в снегу. Назад ходу нет, сожмешь зубы и вперед. У незакаленных людей рвота от напряжения. А ты закусил удила и идешь.

То же самое в Афганистане. Там приходилось преодолевать огромные расстояния по горам. Или в пустыне, когда жара 70 градусов.

Первая по-настоящему боевая операция группы – террорист Власенко в американском посольстве в 1979 году.

С тех пор прошло уже без малого сорок пять лет, но первая «бубенинская» тридцатка и поныне считается лучшей. Почему?

Возможно, на этот вопрос ответят сами сотрудники группы «А». И в первую очередь из того первого набора.

Вот мнение полковника Анатолия Савельева, погибшего при освобождении заложников у шведского посольства 20 декабря 1997 года. Интервью у меня с ним состоялось в марте 1992 года.

Корреспондент:

– Как вы думаете, первый набор группы «А», первая тридцатка, был удачным?

Савельев:

– Да, очень удачным. Этот первый призыв и еще набор 1978 года – самые лучшие. Без сомнения. Хотя и позже выбор был большой...

Корреспондент:

– А почему так? От чего зависит?

Савельев:

– Мне кажется, это было совсем другое поколение людей. Иное отношение к делу. Ведь многое из того, что мы делали, нам никто не говорил, в шею не гнал, мол, делай добросовестно. Это как разумеющееся само собой.

Вот Сергей Александрович Голов. Он был уже майор, а я – лейтенант. Но если надо мыть туалет, никто не возражал. У нас ведь в ту пору уборщиц не было. Сейчас чуть что, слышишь от молодежи: «Давай уборщицу, мы – офицеры. Почему мы должны этим заниматься?»

Когда надо попахать немножко, сразу вспоминают: они офицеры. А когда речь идет о чести, достоинстве, других профессиональных качествах, нередко забывают, что они офицеры.

А в первой тридцатке ребята были здоровые от природы, занимались спортом, имели голову на плечах.

Очень важно, что большинство сотрудников первого набора пришли

из «наружки». Там работа очень самостоятельная. Ты остаешься один на один. Надо думать.

Такой видел «бубенинскую» тридцатку изнутри Савельев, которому было посмертно присвоено звание Героя России.

Итак, в группу набирали прежде всего лучших сотрудников КГБ, высокоподготовленных в физическом и профессиональном отношении. Эти офицеры и прапорщики имели среднее специальное и высшее образование. Многие успели до прихода в подразделение поработать в других управлениях, службах на заводах, в трудовых коллективах.

Так, Виктор Карпухин, будущий командир «Альфы» и Герой Советского Союза, до прихода в группу окончил Ташкентское танковое училище, командовал ротой, учился в педагогическом институте; Виталий Демидкин был дипломированным фельдшером, поработал в «Скорой помощи», врачом в хоккейной команде; Анатолий Савельев – выпускник авиационного техникума, сотрудник НИИ, Игорь Орехов – студент института электронного машиностроения. Все они, разумеется, спортсмены – мастера спорта, кандидаты в мастера, перворазрядники, чемпионы управлений Комитета госбезопасности, столицы, а порою и страны.

Однако при особой важности физподготовки, других специальных дисциплин, таких как ведение огня из всех видов оружия, вождение автомобилей и бронетанковой техники, на первое место ставилось умение думать, мыслить оперативно, безошибочно принимать решения, быстро и наверняка действовать при их выполнении.

Да, со временем у группы появилось психологическое и медицинское обеспечение, собственные разработки. Изучался и применялся зарубежный опыт. И все-таки, какие инструкции ни пиши, какими специалистами ни обставляй сотрудника, в операции, лицом к лицу с преступником, он всегда один. И чаще всего помочь ему не могут ни начальник, ни старший товарищ.

Создавая принципиально новое подразделение в недрах КГБ, руководство Комитета видело его в будущем центром борьбы с терроризмом. Надо отдать должное прозорливости и профессиональному чутью Юрия Владимировича Андропова – он обогнал, опередил хваленых американских экспертов, специалистов по антитерроризму. Пока ветеран частей особого назначения Чарльз Беквит ходил по кабинетам и убеждал пентагоновских чиновников в необходимости создания спецподразделения антитеррора, председатель КГБ СССР собственноручно написал приказ

номер один и начал комплектование группы «А».

Впереди были новые заботы. Первый командир «Альфы» майор Бубенин не мог, подобно Беквиту, поехать в Англию и пройти стажировку в знаменитом полку САС и потому шел единственно возможным путем. Путем проб и ошибок. Самое пристальное внимание – моральным и деловым качествам, умению работать в единой команде, одним коллективом.

Изучали кандидата, его наклонности, способности, коммуникабельность, реакцию, умение думать и принимать самостоятельные решения, идти на разумный риск. Словом, шли опытным путем. Ведь каких-то научных разработок в ту пору не было. Зато было большое желание создать крепкий, сколоченный коллектив единомышленников. И, как показала последующая жизнь, сделать это удалось.

Первая тридцатка

Волей председателя Комитета государственной безопасности группа «А» родилась. Тридцать сотрудников зачислены в ее штат. Ребята боевые, спортивные, полные энергии и веры в себя. В своих прежних подразделениях они были лучшими. О прошлой работе знали все или почти все.

Теперь пришлось начинать с нуля. Что ж, удивляться – это наша традиция. Помню, слышал по телевизору выступление космонавта Алексея Леонова. Он рассказывал, что долгое время кандидатов первого «гагаринского» отряда преследовало странное чувство «дублеров». Будто бы где-то в другом месте тренировалась основная группа, а они были вроде как на запасных ролях.

А ощущения эти имели под собой вполне реальную почву. Казалось бы, первый отряд космонавтов, дело планетарного значения затевали, а поселили офицеров в наспех подготовленную казарму, учебно-тренировочной базы никакой. Ездили тренироваться на испытательные заводы.

Вот и сложилось у людей мнение, особенно на первых порах, что есть где-то основной состав, для которых созданы все условия, а они так, на подхвате, на всякий случай.

Увы, никакого основного состава не было. Первый набор, в который пришел и Алексей Леонов, и являлся главным и единственным в ту пору.

Нечто подобное происходило и с первой «альфовской тридцаткой».

Жили на правах бедных родственников. Когда создается новое подразделение, резервных помещений, конечно же, нет. Потеснился один из отделов, и кое-как разместились. Дежурная смена спала на раскладушках. Негде было хранить оружие. Учебный процесс выглядел куце. Но коллектив подобрался хороший, ребята что надо, с жизненным и чекистским опытом.

Конечно, и сам командир группы, и его заместитель, да и бойцы подразделения прекрасно понимали, что их главная задача – выполнение антитеррористических задач, таких как освобождение самолетов, кораблей, иностранных представительств. Но поначалу надо было, как говорят в войсках, «сколотить» воинский коллектив, решить проблему слаженности боевого подразделения. Чтобы они чувствовали себя единой семьей, прежде всего на поле боя. А для этого следовало отработать тактику,

организовать взаимодействие, связь.

А тем временем в мире уже происходили угоны самолетов, захваты террористами заложников. Надо было спешить.

Командир группы «А» и сам понимал – пора начинать тренировки на самолетах. Но чему учить людей? Сначала надо бы понять, как будут действовать террористы.

Не забудем, что в ту пору террористические акты в нашей стране были достаточно редки. А уж захваты самолетов и тем более.

Виталий Бубенин с Робертом Ивоном перелопатили кагэбэшные архивы. Оказалось, попытка угона самолета за границу в послевоенный период (в довоенный их вообще не было) пришлось на далекий 1954 год. Самолет «Ли-2» угоняли из Эстонии. Ее сорвал бортмеханик Тимофей Ромашкин, вступивший в борьбу с бандитами. Он погиб. Посмертно был удостоен звания Героя Советского Союза.

В 1970 году отец и сын Бразинскасы захватили самолет «Ан-24», убили бортпроводницу Надежду Курченко и приказали лететь в Турцию. Самолет совершил посадку на аэродроме турецкого города Трабзон. С тех пор об угонщиках ничего не слышно. МИД СССР потребовал выдачи убийц. Только кто же их выдаст. Им теперь предоставят политическое убежище и сделают из них борцов с коммунистическим режимом.

И наконец, в 1973 году четверо вооруженных преступников захватили самолет «Як-40», следовавший по маршруту Москва – Минск, и потребовали вылета за рубеж. Спецоперацию по освобождению заложников проводили московские милиционеры и сотрудники УКГБ по Москве и Московской области.

Если первых два захвата в 1954 и 1970 годах мало что могли дать Бубенину и его бойцам, то операцию 1973 года они разобрали по косточкам.

А дело происходило так. После захвата экипажу удалось убедить бандитов сделать посадку в Москве, якобы для дозаправки топливом. Посадку сделали во Внуково-2.

Первыми в переговоры с бандитами вступили министр внутренних дел Николай Щелоков и первый заместитель председателя КГБ Семен Цвигун. Они оказались в аэропорту после завершения межгосударственного визита. А тут и «Як-40» с террористами подружил.

Высокие начальники начали переговоры. Вскоре в аэропорт прибыл шеф Управления КГБ по Москве и Московской области генерал Виктор Алидин.

Террористы требовали дозаправку самолета, передачу 1,5 миллиона

долларов и вылет в Швецию. Если их требования не будут выполнены, угрожали взорвать самолет с пассажирами и экипажем.

Щелоков и Цвигун решили удовлетворить требования угонщиков и выпустить самолет за границу, но поставили условие – вылет только после передачи раненых. Террористы приняли условие.

К самолету были направлены заправщик и машины «Скорой помощи». Когда машины возвратились, сотрудникам КГБ удалось узнать, со слов эвакуированных пассажиров, что в салоне находятся четверо захватчиков, вооруженных ружьями.

Относительно взрывного устройства раненые отвечали отрицательно. Никто из них не видел у террористов бомбы, взрывчатки или что-нибудь подобное.

Было принято решение провести спецоперацию по нейтрализации террористов и освобождению заложников.

Группу захвата возглавил начальник Московского уголовного розыска. Штурмующих одели в бронежилеты, вооружили табельными «макаровыми», и они, выстроившись в цепочку, незаметно для террористов расположились под фюзеляжем самолета.

Когда сотрудник с чемоданом в руке, в котором были приготовлены деньги для передачи, подошел к лайнеру, бандиты открыли двери. Прозвучали выстрелы. Двое террористов упали замертво у двери, а группа захвата быстро проникла в самолет и арестовала угонщиков.

Никто из пассажиров во время штурма не пострадал.

На первый взгляд спецоперация прошла успешно. Однако когда Бубенин и его сотрудники стали тщательно анализировать все этапы, оказалось, что успеха добиться помогла цепь счастливых случайностей. Но полагаться только на удачу, везение в борьбе с террористами нельзя. Значит, надо думать, искать, анализировать... Пробовать, ошибаться и вновь искать.

Каждый день Бубенин и его заместитель Ивон начинали эту странную игру. Ставили себя на место террористов. Захват. Что дальше? Бандиты должны выдвинуть требования. Каким образом? Варианта три. По радио с самолета, в форточку кабины, в открытую дверь, как летом 1973-го во Внуково-2.

Аккумуляторные батареи быстро садут, да дверь в кабину заблокирована, и пилоты ее не откроют, значит, остается дверь лайнера. Использовать тот же багор или нечто подобное, чтобы угонщики не могли ее захлопнуть. Использовали. Что дальше? Вопросы, вопросы, вопросы...

Самолеты, которые предстояло штурмовать, бойцы первой тридцатки

излазали «от» и «до» на собственном пузе: где какие люки, лючки, двери, как они открываются, закрываются, куда падают, в проход или на кресла. Изучали и наиболее уязвимые места воздушных лайнеров, ознакомились с порядком заправки горючим, смены экипажей, загрузки и выгрузки багажа, посадки пассажиров.

Словом, работали. А вскоре провели и свои первые учения по освобождению захваченного «террористами» самолета. Посмотреть, чему научились сотрудники группы «А», приехал заместитель председателя КГБ.

Противостояли «альфовцам» опытные оперативники Комитета. Им была поставлена задача обнаружить бойцов штурмовой группы еще на подходе, до проникновения в самолет.

Оперативники глядели во все глаза в иллюминаторы. Они понимали: «альфовцы» где-то здесь, рядом. Чувствовали даже покачивание самолета, какие-то едва различимые шорохи, но ничего не видели. Вокруг лайнера никаких людей, плоскости крыльев пусты.

И вдруг в мгновение ока в полупустом самолете – толпа людей. В униформе, в касках, с пистолетами. Ослепляющий взрыв, резкие крики: «Руки за голову! Голову на колени!» Оперативников, которые играли за террористов, быстро скрутили, спустили вниз, положили носом на бетонку у самолета. Зампред КГБ остался доволен.

Но чего это стоило «альфовцам»? Например, найти «мертвое» пространство на крыле самолета, считай, целое открытие. Оказывается, есть такое, и бойцы группы антитеррора вполне успешно используют его для скрытного выдвижения к люку лайнера.

Тогда же, в ходе тренировок на самолете, сотрудники подразделения поняли, что при проникновении в салон главное – скорость, быстрота броска. Неожиданное появление бойцов, с применением светозумовых гранат и других спецсредств, парализует волю захватчиков, дает выигрыш во времени, а значит, возможность завершить операцию успешно.

Через два года, в 1977-м, жизнь подтвердит правильность теории быстрого штурма. Самолет «Боинг» немецкой авиакомпании «Люфтганза», совершавший рейс из аэропорта Пальма на острове Майорка во Франкфурт-на-Майне, был захвачен группой террористов. Бандиты приказали лететь на Кипр. Потом самолет делал перелеты и посадки в Бахрейне, Дубае, Южном Йемене. Наконец, авиалайнер совершил посадку в столичном аэропорту Сомали – Могадишо.

В этот же день в Могадишо спецрейсом из Германии прибыли бойцы подразделения ГСГ-9 во главе со своим командиром Ульрихом Вегенером. Вместе с германскими спецназовцами прилетели два офицера английской

антитеррористической группы САС. Они, кстати, привезли с собой светозумовые гранаты, которые при штурме сыграют важную роль.

На проникновение в самолет и уничтожение первых террористов ушло всего семь секунд. Это сыграло решающую роль в успешном исходе операции. Несмотря на ожесточенное сопротивление, террористы были ликвидированы, заложники – освобождены.

Однако до 1977 года было еще далеко, и Бубенин со своими бойцами не ждал практического подтверждения правильности отработанных приемов. Он шел вперед. Кстати говоря, приемы эти в работе до сих пор. Разумеется, они совершенствуются, но основы, разработанные первой тридцаткой, остаются прежними.

Что характерно, они универсальны и применяются подразделениями антитеррора во всем мире.

На правах оперативного отдела

После Бубенина группу принял подполковник Геннадий Николаевич Зайцев. Они хорошо были знакомы с Бубениным, их подразделения находились рядом. Однако Геннадий Николаевич и не подозревал, что именно его кандидатура рассматривается на должность командира группы. Теперь, когда прошли десятилетия, понимаешь, сколь мудрое это было решение. Зайцев посвятил всю жизнь созданию и укреплению этого легендарного управления, при нем группа выросла в мощное антитеррористическое подразделение. А Геннадий Николаевич получил звание генерал-майора и удостоен высшей награды Отечества – звания Героя Советского Союза.

Срочную службу рядовой Зайцев проходил в кремлевском полку. Остался на сверхсрочную. Начинать старшиной в Управлении коменданта Московского Кремля. Потом, несмотря на свое старшинское звание, попал в так называемый офицерский батальон. Службу в этом подразделении несли только офицеры на наиболее ответственных постах.

После того как в 1959 году произошло слияние 9-го управления КГБ и Управления коменданта Московского Кремля, старшина Зайцев угодил под сокращение. Однако вскоре он был принят в 7-е управление КГБ. С тех пор там и служил.

Геннадий Зайцев был первым, кто возглавил группу чекистов, которым поручили охранять председателя КГБ Андропова. До этого личной охраны у Юрия Владимировича не было.

Потом были другие подразделения, иные задачи. Будучи в звании старшего лейтенанта, Зайцева назначили начальником отделения. Как сказал его куратор: «Впервые встречаю, чтобы в Комитете госбезопасности старшего лейтенанта назначили на подполковничью должность».

Но тем не менее это случилось. Коллектив отделения по штату был большой, в подчинении сотрудники и выше по званию, и старше по возрасту. Однако Зайцев находил с ними общий язык. На этой должности он прослужил пять лет, затем стал заместителем начальника отдела.

В ноябре 1977 года, когда Зайцев возглавил подразделение, статус группы «А» стал иным. Если раньше она занимала некую промежуточную позицию между отделением и отделом, то теперь численный состав был увеличен с 30 до 56 человек. А статус ей повысил лично Юрий Владимирович Андропов. Своей рукой написал: «Группа действует на

правах оперативного отдела». Соответственно, должность у командира тоже повысилась, стала полковничьей.

Роберт Петрович Ивон, заместитель начальника группы, занимался разработкой и проведением тренировок, учений, полевых выходов, Михаил Михайлович Романов – еще один зам – тащил свой участок: физическую и специальную подготовку.

Что за группа антитеррора, которая не знает, как нейтрализовать террористов и освободить заложников в самолете, в доме, в автобусе, в железнодорожном вагоне? Сперва надо было разработать модель освобождения, иметь соответствующее вооружение, оптику, спецбоеприпасы – химические, осветительные, взрывные.

Одной из первых разработок было создание автобуса-ловушки. Известно, что террористы для доставки в аэропорт требуют, как правило, машину или автобус. А если по дороге их усыпить? Определенная доза газа подается в салон – и их берут, что называется, «тепленькими», не успевшими опомниться.

Идея была привлекательная, что и говорить. Вот только на пути к ее осуществлению пришлось столкнуться с массой проблем. Удавалось усыпить подопытных животных (для этого использовались три обезьяны и две кошки) на 5–7 минут. Но успеют ли бойцы группы за такое короткое время нагнать автобус и взять террористов? Ведь группа захвата следует всегда несколько позади, чтобы ее не обнаружили.

А если будет потерян из виду автобус и террористы, очухавшись, поймут, в чем дело, и расправятся с заложниками?

Были проблемы и сугубо технического характера. Как, например, в салоне погасить шум выхода газов? Да, замаскировать под шум работающего двигателя. Но, оказалось, сделать это практически очень трудно. Так и осталась эта идея неосуществленной.

С первых шагов группы «альфовцы» столкнулись с вопросами концептуально-правового подхода. В борьбе с террористами некоторые страны, такие как Аргентина, Колумбия, Турция, считают нецелесообразным вступать в переговоры с террористами. По их мнению, в случае захвата заложников надо осуществлять операцию с применением силы.

В подразделении избрали другой путь, считая эффективным разрешением конфликта проведение переговоров, иногда идя и на частичные уступки.

Перед группой поставили задачу – использовать боевое оружие только в исключительном случае. Эта концепция перевернула все взгляды на роль

вооружения. Теперь они нуждались в принципиально новом оружии – газовом, например, которое приобрели за рубежом. Однако в ту пору не было опыта его применения.

Какой тут выход? Попробовать на себе. Вот как о том давнем эксперименте рассказывает **Михаил Романов**: *«Помнится, мы перевели на русский язык инструкцию. Внимательно прочли ее. Если попал под выстрел – как лучшее успокоительное средство инструкция рекомендовала воду. Вода так вода. Разделись с Ивоном до трусов и устроили дуэль на газовых пистолетах. Дозы небольшие. Выстрелили друг в друга и бросились под воду. А она, оказывается, когда попадает на кожу после выстрела, вызывает страшную резь. Такое впечатление, что все, приходит конец, прощайся с жизнью.*

Позже, в ходе тренировок, поняли – оружие для нас не очень подходящее: сквозняков боится, встречного ветра. А под самолетом или на крыле кто же может гарантировать отсутствие ветра? Так что пришлось искать замену «газовикам».

Вообще, причина всех мучений группы антитеррора – отсутствие учебно-тренировочной базы.

Допустим, какие-то теоретические занятия можно провести в кабинете. А постоянные стрелковые тренировки? Без тира не обойтись. Необходимы и другие помещения. Как устроить тренинг по теме «бой в доме»? Там ведь и тактика действий имеет свои специфические законы, и стрельба совсем иная, и проникновение в дом, и многие другие элементы.

А в чужой тир то пускают, то не пускают, то в одни часы, то в другие. В общем, все шло с большим скрипом...»

Неизбежно встал вопрос с транспортом. Одно дело – выехать на стрельбище, другое – мчаться по боевой тревоге. Тут и скоростные машины нужны, и водители экстракласса, виртуозы. Их ведь тоже где-то обучать надо – не в школе же ДОСААФ.

Мне рассказывали бойцы группы: *«Доходило до смешного. Автобусы выделили маломощные, слабенькие «пазики». Погрузились туда сотрудники, с собой экипировка, оружие, боеприпасы, спецсредства, бронежилеты, и... автобус не тянет, не везет. Это вам не «мерсы» у группы ГСГ-9 в ФРГ. Попытались было кивнуть на Германию, мол, хорошо бы транспорт помощнее, в верхах лишь развели руками: какие «Мерседесы»...»*

Правда, подвесные системы «Роллглисс» для работы на вертикальных плоскостях и радиофицированные, пуленепробиваемые жилеты за границей закупили.

Многое придумывали сами. Например, замечательные «альфовские» кейсы, в которых укладывалось оружие. Удобно, скрыто от посторонних глаз, сокращает время на сборы. Однако вскоре кейсы не выдержали «боевой нагрузки», стали разваливаться. Пришлось укреплять, выдумывать новую конструкцию.

Вообще «придумки» были разные. Руководство поощряло самые фантастические предложения. Ну, например, группе иметь свой вертолет. А что, здорово? Сегодня в Москве такие пробки, заторы на дорогах, в аэропорт по тревоге иной раз только на вертолете и можно прорваться.

Однако сегодня это предложение звучит так же фантастично, как и много лет назад.

Все понимали – не последнее дело экипировка... Она должна была полностью соответствовать многим жестким требованиям. Пришлось пересмотреть буквально все, во что одеваются солдаты и офицеры Вооруженных сил, КГБ, МВД.

Многое позаимствовали у летчиков, удобными оказались комбинезоны летных техников, кожаные куртки, сапоги. Спасибо, армия всегда шла навстречу: обувала, одевала.

В этом поиске бывали и ошибки. Решали, помнится, из джинсовки заказать на фабрике комбинезоны. Долго колдовали над фасоном, думали, где, какие карманы и карманчики пришпандорить, чтоб комбез multifunctional, удобным, словом, «боевым» получился. Что ж, отвезли швейникам свои предложения, ждали с нетерпением. Каковы же были удивление и досада, когда наконец получили заказ. Все оказалось на месте, и даже многочисленные карманы и карманчики, но комбез... стоял. Что делать, таково качество нашей продукции.

Не было проблем со штатным вооружением. Стрелковые упражнения рассчитаны на применение практически всех видов оружия – пистолета Макарова, автомата Калашникова (всех его модификаций), пулемета, снайперской винтовки Драгунова и даже крупнокалиберных пулеметов Владимирова.

Для ближнего боя использовался автомат «Скорпион». Конечно, были у бойцов другие иностранные марки, но они оказались хуже наших. К тому же для них нужен запас патронов. И ведь именно для штатного оружия подогнаны кобура, комбинезон. Словом, в применении зарубежных

«образцов» больше хлопот, чем пользы.

Но это что касается штатного оружия. Если же говорить о спецоружии, его разработка и внедрение растягивались на годы. Нет, оно создавалось, но не для подразделения «А». «Альфовцы» порою с трудом пробивали себе несколько единиц. У нас ведь как: хотите – берите партию пять тысяч штук, а сотню кто будет делать?

Кстати говоря, рядовые сотрудники НИИ всегда относились к просьбам группы с открытой душой: помочь, подсказать, рассчитать – пожалуйста. А вот начальство морщило лоб: «Вы у нас не в плане...» И хоть головой об стену.

Мучительно долго решался очень важный вопрос о создании титанового бронежилета, который позволил бы приблизиться к мине или предполагаемой взрывчатке, заряду, рассмотреть их, а возможно, и нейтрализовать.

Наша страна – морская держава, и потому в составе группы «А» было создано подразделение для борьбы с подводными диверсантами и террористами. Готовили людей на Балтике, на Кубе. Разрабатывали свои программы, кое-что позаимствовали у кубинцев.

Конечно, с завистью смотрели на зарубежные группы подобного типа, западногерманскую ГСГ-9, например. Но что сравнивать несравнимое? У них и штат иной, и обеспечение. Под Бонном своя резиденция, учебная база, которая «Альфе» и не снилась. Транспорт сверхнадежный – автобусы, скоростные автомобили «Мерседес», специально изготовленное вооружение. Интересно, что огонь автомата «шмайссер» последнего выпуска, которым вооружена ГСГ-9, ощутили на себе в Афганистане, при штурме дворца Амина.

Вот таким было начало...

Командировка в Цюрих

Помните старую веселую частушку: «Поменяли хулигана на Луиса Корвалана»? В середине семидесятых она была популярна в народе. Теперь мы доподлинно знаем: в декабре 1976 года Советский Союз обменял известного диссидента Владимира Буковского на Генерального секретаря Коммунистической партии Чили товарища Лучо.

Обменяли их в Цюрихе. Приехавший в Москву через пятнадцать лет Буковский в телеинтервью обмолвился о людях, которые сопровождали его из Владимирской тюрьмы и потом за границу, но кто они, оставалось гадать. Ни имен, ни фамилий Буковский не знал, да и знать не мог.

А люди были из «Альфы». Операция по обмену диссидента стала своеобразным дебютом группы. Правда, за эти два года их несколько раз поднимали по тревоге: студенты блокировали эфиопское посольство, устроили демонстрацию у диппредставительства африканского государства Того. Требовали повышения стипендий. Сначала их уговаривали, а потом заходили в посольство, выводили на улицу, упирающихся просто брали на руки, выносили, рассаживали в автобусы. На этом борьба с «террористами» закончилась. Еще двое сотрудников были в командировке в Ливане, обеспечивали безопасность посла. Но разве о таком мечтали бойцы группы антитеррора? Хотелось настоящей боевой работы. Два года только и занимались тем, что стреляли, бегали кроссы, водили машины, прыгали с парашютом, действовали на учениях в качестве разведывательно-диверсионной группы.

Всякий раз, когда в подразделение наведывался генерал Бесчастнов, терзали шефа «семерки». Тот пытался успокоить: мол, не спешите, ребята, на ваш век работы хватит. И всякий раз повторял: главное, чтобы вы были готовы к работе в любое время дня и ночи. При этих словах бойцы всегда шумели, пытались затащить Алексея Дмитриевича в тир, на деле доказать, что стрелки они отличные. И в стойке, и с колена, и в падении цели подражали отменно.

Бесчастнов удовлетворенно кивал, улыбался, но упрямо гнул свое. А однажды заставил призадуматься, спросив: как они считают, умеют ли стрелять снайперы западногерманской антитеррористической группы ГСГ-9? Сомнений не было, группа считалась одной из лучших в мире.

— Значит, вы признаете, что их ребята стреляют так же лихо? — усмехнулся генерал.

Получив утвердительным ответ, он задал главный вопрос:

– Тогда почему на Олимпиаде в Мюнхене два немецких снайпера, державших террористов на прицеле, не смогли выстрелить?

Действительно, почему? Оказывается, мало уметь метко и быстро стрелять, надо быть еще и психологически готовым. Ведь террорист тоже человек, не робот. Значит, надо быть психологически готовым убить человека... Такого человека, который ставит себя вне закона. Жестоко? Нет, гуманно. В высшей степени гуманно. Ибо речь идет о чудовище в человеческом обличье, которое угрожает детям, как в Орджоникидзе, или убивает несколько человек подряд, как в Тбилиси. И все же вопросы остаются. Искать на них верные ответы учит старый генерал. Опытный контрразведчик Бесчастнов. Ах, как он окажется прав!

Пройдут годы, бойцы группы с улыбкой вспомнят свое нетерпение. Но это будет потом. А тогда им предстояло выполнить конкретное задание – обменять Корвалана на Буковского. Никто из них, кому поручено проведение операции – Ивон, Леденев и Коломеец, – за границей, в том числе в Цюрихе, никогда не бывал. Да и многочисленные начальники, которые инструктировали бойцов группы «А», сами не очень представляли, как осуществится обмен. Общие слова и призывы к постоянной бдительности, предупреждения о возможности провокаций только нагнетали нервозность.

...Для полета в Цюрих Андропов дал свой самолет. «Ту-134» ждал Буковского и сопровождающих его сотрудников группы в Чкаловском. Накануне Буковского забрали из Владимирской тюрьмы и перевезли в Лефортово.

Утром 17 декабря за ним приехали. Из камеры вывели бледного, щупленького мужчину. В тусклом свете тюремных ламп лицо Буковского напоминало серую гипсовую маску, и только глаза были живые, тревожные... О чем думал в те минуты диссидент, «хулиган», непроходящая «головная боль» советской верхушки? Об обмене, о будущей эмиграции, о стране, которую покидает. Она не очень приветлива была к нему – тюрьмы да лагеря, и все-таки это – его Родина.

А может, размышлял о человеке, который ждал его в конце коридора с наручниками? Может быть...

Буковский протянул руки, на запястьях щелкнули металлические обручи.

Они вышли в тюремный дворик, сели в «рафик». Теперь путь лежал в Чкаловское. По дороге забрали мать и сестру Буковского, потом племянника. Мальчик лежал в онкологическом отделении больницы, был

тяжело болен, но диссидент настаивал: племянник должен лететь с ними.

Разрешение получено, и бойцам группы «А» оставалось лишь исполнить свою миссию: доставить Буковского в Цюрих, а оттуда забрать Корвалана.

Вылетели ближе к полудню. Полет прошел спокойно, обыденно.

– Подлетаем, – сказал Ивон, и в ту же секунду качнулся и вздыбился горизонт огней за иллюминатором. Самолет заходил на посадку. Не успели пилоты заглушить двигатели, как у трапа тормознула «Скорая помощь» – шикарный «Мерседес», весь в мигающих огнях. С борта самолета перенесли в машину больного мальчишку. «Мерседес» взвыл сиреной и рванул на выезд из аэропорта.

Лайнер был окружен вооруженными швейцарскими полицейскими. Ивон прикинул: человек семьдесят, не меньше.

– Многовато что-то, Дмитрий, – наклонился он к Леденеву.

– Уважают, Роберт Петрович, – мрачно пошутил тот.

– Кого? Нас или Буковского?

Леденев не ответил: к самолету через летное поле приближался огромный автомобиль. Такие машины приходилось видеть лишь в заграничном кино. Сверкая черными боками, он резко затормозил.

– Ну вот и Корвалан, – сказал с облегчением Ивон, узнав среди покинувших машину Генерального секретаря и его жену. Теперь оставалось проводить Буковского. Однако тот отказался выходить из самолета:

– Это же американцы! Мы хотим в Швейцарию, а не в Америку. Я протестую...

Корвалан с женой поднялись в самолет, в передний салон, а Буковский не соглашался покидать борт. Внизу у трапа произошло замешательство: Корвалан в самолете, а Буковского нет. Люди, приехавшие в лимузине, выхватывают автоматы и окружают Дмитрия Леденева: «Господин Буковский! Господин Буковский!»

Леденев отбивается, пытаясь жестами объяснить, что он не тот, за кого его принимают.

Через командира корабля Ивон связывается с Центром: Корвалана забрали, а Буковский выходить не хочет, оба на борту, что делать? Говорят, когда сообщили Андропову, он долго смеялся: опять «голоса» поднимут вой – вероломный Кремль обманул доверчивых американцев.

Было приказано успокоить Буковского и передать, что все идет строго в соответствии с договоренностью. Насилу удалось убедить. Наконец он и родственники покинули борт самолета, блокада была снята, люди с

оружием исчезли. Поступил приказ: «На взлет!»

Командир экипажа сообщил: летим в Минск. Теперь заволновался Корвалан. Поначалу думали, что беспокойство связано с изменением маршрута, оказалось дело в другом. Советское руководство приняло решение: после обмена в течение суток никаких заявлений не делать. Но Корвалан возражал: «Как же так, исчез, а куда?» Доложили в Москву. Вскоре было дано добро, и Корвалан с борта самолета сделал заявление для печати.

В Минске они доставили Корвалана по назначенному адресу и поездом возвратились в столицу. На Белорусском вокзале их встречал генерал Алексей Бесчастнов.

«Таких ребят меняем на подонков...»

Полет в Цюрих и обмен Буковского на Корвалана оказался для бойцов «Альфы» своего рода разминкой. Так уж распорядилась жизнь. Они мечтали о боевой работе, а их привлекали к совсем «непрофильной» деятельности. Во всяком случае, так считали многие в подразделении. Однако у руководства КГБ была своя точка зрения.

На этот раз они должны были доставить за океан в США пятерых советских диссидентов – Эдуарда Кузнецова, Марка Дымшица, Александра Гинзбурга, Валентина Мороза, Георгия Винса. На этот раз никто персональных самолетов не предоставлял. Диссидентов предстояло доставить в Нью-Йорк обычным рейсом «Аэрофлота».

Кроме приказа, который для человека военного, как известно, свят, сотрудники группы «А» понимали государственную важность этой миссии. Их не особенно интересовали диссиденты. Конечно, «альфовцы» были обязаны доставить эту пятерку в целости и сохранности. Важнее было другое: забрать из неволи, из американской тюрьмы двух советских разведчиков, своих коллег из Первого главного управления КГБ.

Вальдик Энгер и Рудольф Черняев работали под прикрытием в Секретариате ООН. Их предал будущий перебежчик, заместитель Генерального секретаря ООН Аркадий Шевченко, который работал на американские спецслужбы.

Взяли их во время проведения тайниковой операции, скрутили и бросили в тюрьму. Продержали там месяц, потом под поручительство посла перевели под домашний арест. Суд приговорил Энгера и Черняева к ста годам тюремного заключения. По пятьдесят лет на каждого.

Шла холодная война. Судьба разведчиков решалась на самом высоком уровне. Когда вопрос об обмене был согласован, «сотрудникам КГБ, – скажет позже Геннадий Зайцев, – предстояло разыграть эту партитуру по оперативным нотам и не допустить технических ошибок».

Старшим группы охраны и сопровождения диссидентской пятерки был назначен командир «Альфы» подполковник Зайцев. Непосредственно в состав группы вошли сотрудники подразделения В. Виноградов, В. Титлов, В. Емышев, С. Гончаров, М. Головатов, Д. Леденев, А. Васильев, С. Коломеец, В. Гришин. На одного охраняемого по два бойца. Их сопровождал заместитель начальника госпиталя КГБ полковник медицинской службы В. Максимов. На тот случай, если кому-то

понадобится врачебная помощь.

27 апреля 1978 года сотрудники группы «А» подъехали к изолятору КГБ «Лефортово» и сопроводили к машинам диссидентов. Каждый из них вместе с двумя сотрудниками разместился в отдельном автомобиле. Машины были поданы непосредственно к трапу самолета. Вскоре диссиденты и их сопровождающие разместились в салоне самолета.

Перед отлетом на борт поднялись американские дипломаты. Они хотели установить личности диссидентов, интересовались самочувствием убывающих, нет ли у них жалоб на неправомерные действия администрации. Жалоб не было.

Наконец лайнер вырывается на взлетно-посадочную полосу. Начинается длительный полет. Первый полет группы «Альфа» за океан. Времени было много, и поэтому вольно или невольно между «альфовцами» и их подопечными завязался разговор. Диссиденты усиленно интересовались, кто их сопровождающие. Они были уверены, что это сотрудники КГБ. Бойцы группы придерживались легенды, что являются сотрудниками служб, отвечающих за безопасность полетов. Кажется, диссиденты поверили.

Под опекой Зайцева и Гришина находился известный в ту пору диссидент Дымшиц. Это он вместе с Кузнецовым намеревался любыми способами попасть в Израиль. Сколотив группу сообщников, они решили захватить самолет, выполнявший рейсы по маршруту Ленинград – Приозерск, и угнать его в Швецию или в Финляндию.

Угон решили осуществить 15 июня 1970 года. Беглецы изображали веселую свадьбу. Однако финт не удался. Лже-жениха, невесту и гостей арестовали прямо на аэродроме. Позже Кузнецов будет сетовать на то, что в их рядах оказался «стукач» и их «взяли тепленькими».

Это был уже не первый арест Кузнецова. В 1961 году за подготовку покушения на Первого секретаря ЦК КПСС Никиту Хрущева ему дали семь лет. Со снайпером Валерием Ремниковым они решили убить советского руководителя. Однако КГБ удалось раскрыть этот заговор.

В декабре 1970 года в Ленинграде состоялся процесс над участниками коллективного сговора по захвату и угону самолета. Руководители банды – Кузнецов и Дымшиц получили высшую меру наказания. Их приговорили к расстрелу. Остальные члены преступной группы были приговорены к разным срокам заключения.

Однако вскоре Верховный суд СССР изменил приговор Дымшицу и Кузнецову. Теперь им предстояло в лагере особого режима провести по 15 лет.

Марк Дымшиц, пожалуй, был единственным, кто вел активную беседу с сопровождающими. Кузнецов решил сыграть в шахматы с одним из сотрудников. И проиграл. Остальные диссиденты находились не в лучшем расположении духа, были молчаливы и подавлены.

После того как самолет совершил посадку на взлетном поле аэродрома, его переместили подальше от пассажирского терминала. Затормозил он у какого-то ангара. Лайнер окружили большим количеством полицейских машин. Сопровождающие лица не имели права выходить за пределы аэропорта. Таково было требование американской стороны.

На борт поднялась группа американцев во главе с руководителем иммиграционной службы. Они побеседовали с диссидентами, рассказали им об условиях будущего пребывания в стране.

А потом начались сюрпризы. Неожиданно американцы объявили, что у них имеется лишь один трап для «Ил-62». И, разумеется, предложили свой вариант обмена: сначала по трапу спускаются диссиденты, и только потом поднимаются наши разведчики с женами. И это при том, что в операции по обмену принимало участие около трехсот сотрудников спецслужб США. Они окружили самолет и полностью контролировали трап. Сотрудник «Альфы» В. Виноградов, наблюдая за цэрэушниками, которые суеились внизу, в одном из них узнал бывшего первого секретаря посольства США в Москве Хэрвица.

Что ж, американцы не были бы американцами, если бы они не устроили очередную провокацию.

Переговоры шли достаточно долго. Советские представители требовали подать два трапа – один подогнать к эконом-классу, другой – к первому. По одному из них спускается диссидент, а по другому – поднимаются, также по одному, Энгер, Черняев, их жены.

Американцы не соглашались, горячо доказывали, убеждали, что второго трапа нет. Но наши твердо стояли на своем. Наконец они поняли: русские не уступят и обмануть их не удастся. И тут же самым чудесным образом нашелся второй трап, которого прежде в природе не существовало. Начался обмен.

И вот уже советские разведчики на борту, казалось бы, все спорные вопросы улажены и можно взлетать. Но не тут-то было. Американцы попытались еще раз высадить «гостей» из самолета. На сей раз свои требования выставил чернокожий уборщик. Он заявил, что к уборке лайнера он приступит после того, как все покинут борт.

Представитель «Аэрофлота» всячески пытался доказать, что нужно производить уборку в присутствии тех, кто уже находится в салоне. Вся эта

ситуация долго обсуждалась с аэродромным начальством. Прошел час, второй, третий... Никакого решения принято не было. Стало ясно, что это вторая часть спектакля, поставленного спецслужбами. Терпение «альфовцев» лопнуло, и черного уборщика быстро «уговорили» выполнить свои прямые обязанности. Вскоре после этого пассажиры, летевшие из Нью-Йорка в Москву, стали занимать свои места.

В заключение этой главы хотелось бы привести слова командира группы «А» **Геннадия Николаевич Зайцева**:

«Когда американцы обменивали наших ребят на отпущенных угонщиков советского авиалайнера, то дежуривший в аэропорту Кеннеди сотрудник ФБР сказал удивившую меня фразу: «Кого мы отдаем – таких ребят меняем на подонков!» Так прямо и сказал».

Остров зари багровой

28 июля 1978 года. Гавана. Одиннадцать артиллерийских залпов возвестили об открытии XI Всемирного фестиваля молодежи и студентов. С перекрестка главных улиц Гаваны делегаты направились на стадион. Там состоялось торжественное открытие фестиваля.

В самый торжественный момент зазвучали фанфары, и на дорожку стадиона выехали одиннадцать всадников в форме бойцов армии освобождения Кубы XIX века. В руках у них флаги стран, которые принимали у себя всемирные форумы молодежи. Тысячи юношей и девушек на трибуне стадиона сложили из цветных флажков прекрасные слова: «Бьенвенидос!» – «Добро пожаловать!».

18,5 тысячи юношей и девушек из 145 стран прибыли на этот фестиваль. Гигантская манифестация продемонстрировала возросшее влияние молодежи на события, происходящие в мире. Эта встреча послужила укреплению сплоченности, дружбы юного поколения разных стран и народов.

Однако не всем нравилось такое единение. Тем более что фестиваль проходил на Кубе и под лозунгом: «За антиимпериалистическую солидарность, мир и дружбу». Позже президент Всемирной федерации демократической молодежи Николас Пападимитриу скажет: «У фестиваля нашлось много недоброжелателей».

О том, что такие недоброжелатели, да что там недоброжелатели – враги, существуют и действуют, прекрасно знали кубинские руководители. Об этом свидетельствовали террористические акты против представительств острова Свободы, организованные боевиками группировки «Кубинское национальное движение». За два года до открытия фестиваля террористы пытались взорвать советский корабль в порту Нью-Йорка. Трагедии удалось избежать чудом. Вот и теперь кубинским спецслужбам поступила оперативная информация о том, что в период проведения Всемирного фестиваля против советских судов «Александр Пушкин», «Лермонтов», «Леонид Собинов», «Нахимов», «Грузия» и «Балтика» готовятся террористические акты. А ведь на этих лайнерах предстояло разместиться делегатам форума из разных стран. Кубинскому руководству было о чем беспокоиться. И тогда оно обратилось за помощью в Москву. Нужно было практическое содействие в деле обеспечения безопасности подводной части судов. Разумеется, обращение

это было направлено в СССР задолго до начала фестиваля.

Работу на Кубе поручили подразделению «А». Было принято решение командировать в Гавану группу ее сотрудников. Однако прежде чем направиться за океан, бойцы Валерий Емышев, Вячеслав Панкин и Александр Плюснин выехали на стажировку в бригаду особого назначения Черноморского флота в городе Очаков.

В ходе тренировок стало ясно, что трем офицерам-«альфовцам» обеспечить безопасность подводной части двух больших теплоходов, на которых предстояло жить советским делегатам, было не под силу. Их «укрепили» боевыми пловцами-черноморцами под руководством старшего лейтенанта Валерия Карагусова. Отобрали лучших флотских старшин и матросов.

За две недели до начала фестиваля на Кубу вылетели руководитель «Альфы» подполковник Геннадий Зайцев и командир боевых пловцов Валерий Карагусов.

В Гаване их встретили весьма радушно, поселили на большой вилле. Здесь круглосуточно находились переводчик, водитель автомобиля, сестра-хозяйка и горничная. Их хорошо кормили и поили. Карагусову как флотскому офицеру разве что не хватало борща, а Зайцеву не нравился «ядерный» кубинский кофе.

Пребывание двух советских специалистов курировало Спецуправление МВД. Командование и офицеры управления были открыты для совместного сотрудничества. Об этом говорил тот факт, что Зайцев и Карагусов были приглашены на секретную базу. Она была оборудована, как говорят, «по последнему слову техники». И кубинские спецназовцы имели возможность проводить здесь учения любой сложности. Оказывается, за деятельностью спецуправления следил лично Фидель Кастро. Он часто бывал на базе, интересовался нуждами спецназовцев. И бойцы очень гордились таким высоким доверием руководителя государства.

Теперь важно было согласовать работу советских и кубинских боевых пловцов. Дело в том, что в акваторию направлялось шесть теплоходов. На двух из них – «Грузии» и «Леониде Собинове» – предстояло разместиться советской делегации, на остальных должны были остановиться представители молодежных организаций других стран.

В ходе проработки совместного плана созрело решение: безопасность подводной части двух первых судов обеспечивают советские пловцы, остальные корабли берут на себя кубинские спецназовцы.

Теплоход «Грузия» кубинцы попросили встретить в море. Для этого

подполковнику Зайцеву и старшему лейтенанту Карагусову выделили личный катер Фиделя Кастро. Ждать подхода судна пришлось долго. Когда они, наконец, дождались прихода корабля и поднялись на борт, их встретил известный в нашей стране капитан Анатолий Гарагуля.

«Об этом обаятельном капитане стоит рассказать особо, – напишет в своих воспоминаниях Геннадий Николаевич. – Он обладал обширными связями и, как радушный хозяин, часто принимал на борту своего судна многих известных людей... Среди его друзей был и Владимир Высоцкий. В 1969 году после плавания на теплоходах «Грузия» и «Аджария» он посвятил Гарагуле свою песню «Человек за бортом».

Так вот в ней есть слова: «Мне самый лучший в мире капитан опустит трап, и я сойду на берег».

«Этот самый лучший в мире капитан», сам того не желая, солидно добавит работы нашим боевым пловцам. Дело в том, что Гарагуля дружил не только с Высоцким, но и со вторым человеком на Кубе – Раулем Кастро. И тот часто приезжал проводить друга. Естественно, пока Кастро гостил на теплоходе, спецназовцам приходилось действовать под водой, обеспечивая безопасность.

По мере того как теплоходы прибывали на фестиваль, боевые пловцы встречали их на рейде, осматривали днище, проверяли, не установлены ли там взрывные устройства. И только после этого корабли заходили в порт.

С открытием форума работы прибавилось. Четыре раза в сутки пловцы уходили под воду на боевое дежурство. На улицах Гаваны гремел фестиваль: звучали фанфары, проходили праздничные шествия, тысячи молодых голосов пели «Гимн демократической молодежи». Разворачивались спортивные соревнования, политические семинары и дискуссии, концерты. Но ничего этого не видели, да и не могли видеть спецназовцы. Они узнавали об этих мероприятиях только в конце дня и по-доброму завидовали участникам фестиваля.

Работа в порту Гаваны проходила в крайне тяжелых условиях. Практически каждый день на город обрушивался тропический ливень, бурные реки мутной воды неслись по улицам столицы и выбрасывали в море грязь и мусор. Видимость в воде была почти нулевая. От длительного пребывания в грязной воде у некоторых пловцов воспалились уши, развился отит. Однако, несмотря на столь сложную обстановку, «альфовцы» и флотские боевые пловцы продолжали действовать, оберегая безопасность гостей форума.

5 августа Фидель Кастро закрыл XI Всемирный фестиваль молодежи и студентов. Праздновали победу и боевые пловцы. Кубинцы устроили им

прощальный ужин, поблагодарили и вручили подарки.

По возвращении домой «альфовцы» были поощрены в приказе председателя КГБ. Ю. Андропов не забыл и моряков-черноморцев. От его имени боевым пловцам были вручены ценные подарки.

Кубинская командировка заставила задуматься о создании в подразделении группы боевых пловцов. На тот случай, если придется действовать против террористов, захвативших морские суда. А вскоре на стажировку на флот отправились очередные офицеры группы «А». Как показала жизнь, решение было правильное и своевременное. Через два года «Альфе» будет поставлена ответственная задача по обеспечению безопасности олимпийской регаты в городе Таллинне. Однако рассказ об этом впереди.

«Ставь жизнь свою на кон...»

Наступил 1979 год. Никто еще не знал и не ведал, что станет он годом боевого крещения группы. Годом первых горьких потерь.

Но пока все были живы и страшный декабрь, казалось, так далек. Однако до декабря, до Афганистана, судьба преподнесет бойцам группы еще один «подарок», устроит своего рода проверку.

В марте некто Власенко проникнет в американское посольство, выдвинет требования. Операция по его обезвреживанию пройдет, на первый взгляд, успешно. Террорист подорвет себя сам, других жертв нет, немножко пострадает одна из комнат посольства. Руководство отметит отличившихся офицеров – Геннадия Зайцева, Роберта Ивона и Сергея Голова. Зайцева и Голова наградят месячным окладом, Ивона – ценным подарком.

Уже на третий день после проведения боевой операции в группе «А» будет зачитан приказ № 0179 председателя Комитета государственной безопасности. Во многом этот приказ станет переломным в судьбе группы антитеррора...

Из служебного отчета группы «А»:

«28 марта 1979 года в 14.30 неизвестный гражданин в сопровождении второго секретаря посольства США Р. Прингла пришел в консульский отдел посольства Соединенных Штатов Америки. Через 35 минут стало известно, что проникший в посольство гражданин требует у американцев разрешения на выезд в США, в случае отказа угрожает взорвать находящиеся у него 2 килограмма тола.

После переговоров с неизвестным официальные представители посольства высказали просьбу сотрудникам охраны диппредставительств, чтобы они с имеющегося согласия посла Туна любым способом убрали гражданина из посольства. В 15.35 к зданию прибыли 5 сотрудников спецподразделения 7-го управления КГБ.

После получения разрешения на допуск начальник спецподразделения Зайцев Г. Н. в 16.45 прошел в посольство и, представившись работником МИД СССР, приступил к переговорам с неизвестным.

Преступник сразу предупредил, чтобы к нему не приближались ближе 1 метра.

В беседе он назвался Власенко Юрием Михайловичем, 1951 года

рождения, уроженцем г. Орджоникидзе, без определенных занятий и места жительства. Он заявил, что намерен выехать в любую капиталистическую страну, а посольство покинет при условии, если американцы вывезут его дипломатической машиной в аэропорт и посадят в самолет. После этого он обещал сдать взрывное устройство».

Это был первый настоящий террорист. Первый для группы антитеррора и ее командира подполковника Геннадия Зайцева со дня создания подразделения. Власенко не просто грозил или выкрикивал свои требования, забаррикадировавшись, как иностранные студенты, недовольные бытовыми условиями. Тех можно было просто взвалить на плечо и вынести из помещения, этого – не взвалишь, не вынесешь. На поясе у него взрывчатка, палец в кольце и вполне реальные требования выезда за границу.

Первым на встречу с террористом пошел командир – подполковник Геннадий Зайцев.

– Ты кто? – спросил террорист.

Зайцев ответил первое, что пришло в голову:

– Второй секретарь консульского отдела МИДа.

– Тогда покажи документы...

Геннадий Николаевич сказал, мол, документов нет. Сослался на то, что оставил их на входе в американское посольство. Странно, но террорист поверил. Потом заставил Зайцева снять пиджак, вывернуть все карманы.

Убедившись, что у «дипломата» оружия нет, несколько успокоился, но предупредил его, чтобы близко не подходил, Зайцев понял – этот не шутит.

Почти два часа провел командир группы один на один с террористом. Потом, случится, он по 10–15 часов будет вести переговоры с более изощренными, хитрыми, матерыми террористами, но тот первый запомнится на всю жизнь.

«Беседовали мы через стол, – рассказывал Геннадий Николаевич, – сидя друг против друга. Разговор был очень сложный, тяжелый. Но смысл любых переговоров сводится к одному: постараться убедить преступника отказаться от его намерений, а если не получится, то по крайней мере снизить его агрессивность. Если и это не удастся сделать, то хотя бы выиграть время, чтобы затем решить проблему другим путем.

В конце концов мне удалось установить с террористом контакт...»

В ходе этого контакта и удалось установить первые данные о

террористе, ведь о Власенко практически ничего не было известно, тогда же Зайцев сделает свое заключение – этот человек психически болен. В последующем «диагноз» Зайцева подтвердится.

Встречались с террористом и сотрудники группы «А». Слушали даже стихи в его исполнении.

...Террорист читал стихи. Левая рука его лежала на поясе, палец продет в кольцо взрывного устройства. Сотрудник группы «А» Михаил Картофельников видел, как побелел сустав, придавленный металлом, но преступник словно забыл о руке. Он самозабвенно, прикрыв припухшие веки, читал:

Язвы мира век не заживали:
Встарь был мрак – и мудрых убивали,
Ныне свет, а меньше ль плачей?
Пал Сократ от рук невежд суровых,
Пал Руссо... но от рабов Христовых
За порыв создать из них людей!

В иной обстановке могло показаться, что на лестничной клетке собралось пятеро друзей. Обступили одного, а тот, увлеченный поэзией, радуется их прекрасными стихами. Увы, события были далеки от поэтической идиллии.

Любитель стихов – Юрий Власенко пришел в посольство США не на вечер изящной словесности. Угрожая самодельным взрывным устройством, он требовал самолет и крупную сумму денег. Хотел, чтобы его вывезли на посольском автобусе в аэропорт, где должен был ожидать готовый к отлету авиалайнер.

Власенко запрещал к себе приближаться, лишь вновь и вновь повторял свое требование.

Попытка выкурить его из посольства с помощью шашек со слезоточивым газом тоже оказалось неудачной. То ли газ на него не действовал, то ли перепутали расположение комнат на этаже и швыряли не в то окно. В общем, сами наплакались вдоволь, а Власенко хоть бы что.

Решили пойти еще раз на переговоры. Долго прикидывали, что да как, спорили. Как всегда в таких случаях, было много начальников, различных команд, советов. Но советы – советами, а дело на контроле у председателя Комитета. Председатель торопил – надо было принимать решение.

У окна кабинета, где находился террорист, бесменно дежурили

снайперы. Они надежно перекрыли, по существу, единственный путь отхода террориста.

...Вместе с Ивоном пошли Филимонов, Шестаков и Картофельников.

Вчетвером они поднялись на нужный этаж.

– Эй, мужик! – играя под простачка, крикнул в открытую дверь Ивон. – Иди, поговорим...

– А ты кто такой? – На пороге стоял Власенко. Рубашка, свитер, поверх свитера широкий самодельный пояс, в нем тротил: 2 килограмма. Запас взрывчатки немалый, не дай бог рванет – все они в одно мгновение покойники.

Рука террориста на кольце. За всю их длинную беседу он ни на мгновение не снял руки с кольца.

– Вы откуда? – спросил Власенко.

– Да мы военные. Наша часть здесь, по соседству, – ответил за всех Ивон.

– Звание у вас какое?

– Звание? – удивленно переспросил заместитель начальника группы. – Старшина я, а ребята...

Двое представились сержантами, Картофельников – рядовым.

Власенко усмехнулся:

– Что ж с вами говорить, хлопцы. Вы же ничего не решаете...

В эту тревожную минуту, может быть, впервые в жизни молодые бойцы группы «А» почувствовали свой непрофессионализм. Что же делать? Переговоры командира подполковника Зайцева не увенчались успехом. Да и они вчетвером второй час уговаривают террориста. А он не «уговаривается», лишь крепче сжимает кольцо взрывного устройства. Теперь вот бухнули, что они сержанты.

И вправду, стоит ли тратить время на старшину и сержантов? Вот так пассаж. Повернется сейчас и уйдет – и весь разговор. Однако Власенко не уходил. То ли вполне миролюбивый простецкий вид армейских «сверхсрочников» подкупил его, то ли нервы сдавали – поговорить захотелось, но он обратился к стоящей четверке:

– А я думал, «митьки» набежали.

– Кто-кто? – переспросил Филимонов.

– Да «митьки», говорю, – милиция.

Он опустил голову, оглядел пояс, палец на кольцо, потом медленно, словно прощупывая, прошелся по ногам, добрался до лиц стоящих перед ним людей.

– Если у меня тут ничего не получится, пойду и взорву «митьков».

– Да что ты, Юра, – сказал кто-то из группы.

Власенко помолчал, глядя в лицо возразившего, а потом спросил:

– Тебя били когда-нибудь в милиции?

– Нет...

– А меня били. Ногами. Как мяч футбольный, катали.

Установилась тишина. Ивон и его подчиненные понимали: их жизнь, безопасность посольства в руках этого человека. Надо было раскатать парня, может, удастся уговорить сдать свою «игрушку».

Посочувствовали. Вместе поругали «митьков». Стали уговаривать, мол, брось ты это дело, Юра. Пойдем, сядем как люди, выпьем, поговорим. Спросили: тебе чего надо-то?

Загорелись глаза у Власенко, но пойти с ними отказался.

Картофельников смотрел в сияющие глаза Власенко и думал: да, этот человек – преступник, один неверный шаг – и он утащит в преисподнюю десятки людей. Но не родился же он таким. Неужто только теперь пришло время выслушать этого парня, когда ни у него, ни у них, по существу, нет выбора. Кто они – те люди, которые били его ногами, поправ закон и мораль, кто они, не принявшие его в институт? Может, все обстояло и не совсем так, как он рассказывает, но почему же на его пути не нашелся человек, который понял бы, выслушал, помог? И не нужен был бы тротил.

И снова, неожиданно для всех, Власенко стал читать стихи. Хорошие были стихи. Картофельников и сам когда-то в институте увлекался Шиллером. Но никогда не думал, что услышит стихи здесь, в американском посольстве, на лестнице, пребывая чуть ли не в роли заложника.

Вставайте ж, товарищи! Кони храпят,
И сердце ветрами продутو.
Веселье и молодость брагой кипят:
Ловите святые минуты!
Ставь жизнь свою на кон к игре боевой,
И жизнь сохранишь ты, и выигрыш – твой!

А с нижнего этажа знаками показывали: мол, время, время...

Власенко на уговоры не поддавался: правда, расчувствовался настолько, что даже предложил выпить. В комнате у него стояла початая бутылка коньяка – то ль американцы поднесли, то ли осталась от хозяев кабинета.

Ивон с ребятами отказался, и Власенко выбросил бутылку в окно. На

улице это не осталось незамеченным. Поступила команда: когда Ивон с ребятами оторвутся, ранить Власенко.

Но оторваться не так просто. Теперь уже по всему было видно: террорист сам не сдастся. Однако стихи и душевная беседа, видимо, несколько успокоили Власенко.

– Ладно, – сказал он, – вы мне понравились, ребята. Я не буду вас взрывать.

Как говорят, и на том спасибо. Сотрудники группы «А» едва успели сбегать вниз, как прозвучали выстрелы, а за ним взрыв.

Раненый террорист выдернул чеку. Сработала часть заряда. И все-таки взрыв был сильным, вынесло оконную раму и металлическую решетку в окне.

Когда сотрудники во главе с Ивоном вновь вбежали в кабинет, Власенко без чувств лежал на полу. Рядом горел диван. Они пытались сбить пламя. В руках Картофельникова оказался огнетушитель.

Михаил ожидал увидеть мощную струю пены, но огнетушитель лишь зашипел и на издыхании выплеснул пар. «Вот так Америка, – удивился он тогда, – совсем как у нас».

Впрочем, через несколько минут все было кончено. Власенко отправлен в больницу на «Скорой помощи». По дороге он скончался.

На следующий день Михаил Картофельников прочитал заметку в «Известиях». Неизвестный автор Н. Волгин писал: «Кто же этот человек, поначалу столь любезно принятый в американском посольстве? Это некий Власенко Ю. М., не имеющий уже в течение длительного времени никаких определенных занятий».

И вот с такими людьми якшаются представители американского посольства, неразборчивые и, прямо скажем, безответственные в своих связях».

Михаил вспомнил стихи Шиллера на гулкой лестничной клетке. Глаза террориста. Побелевший палец на кольце взрывного устройства.

В приказе по итогам проведенной спецоперации председатель КГБ Юрий Андропов написал:

«Разъяснить сотрудникам группы «А» важное значение их службы, особенно в связи с приближающейся московской Олимпиадой, когда возможно возникновение всякого рода опасных случаев, требующих решительной, быстрой и надежной их ликвидации».

Личный состав группы «А» должен понимать, что ему придется сталкиваться с особо опасным противником, что требует не только смелости и отваги, но и военной хитрости, решительности в действиях,

готовности принимать самостоятельные решения, исходя из складывающейся обстановки на месте».

Будущее показало, сколь прав был Андропов...

«Русским Афганистан не отдадим...»

Конец 70-х годов характеризовался осложнением обстановки на наших южных границах, и в первую очередь с традиционным нашим соседом Афганистаном.

Но о каком, собственно, осложнении идет речь? Казалось бы, об афганской войне написано множество книг, приняты политические решения, введение войск признано ошибочным.

Все так. Однако в порыве отрицания мы зачастую пытаемся отринуть объективную реальность, закрыть глаза на сложившуюся предвоенную обстановку.

Послушаем же профессионалов. Слово бывшему начальнику Управления нелегальной разведки КГБ СССР генерал-майору **Юрию Дроздову**.

«Впервые с афганской проблемой мне пришлось столкнуться в Нью-Йорке. Внимательное наблюдение за этой проблемой еще в 1978–1979 годах указывало на обострение тревоги руководства СССР за положение на самых южных границах.

Изменения, которые произошли в политической жизни Афганистана в 1978 году, серьезно обеспокоили противников СССР, ибо затрудняли осуществление их планов. В ЦРУ, например, было решено активно с помощью специально подготовленной агентуры противодействовать укреплению режима Тараки. Американские разведчики, готовившие агентуру из числа афганцев, утверждали, что так просто русским Афганистан не отдадут, что создадут международную вооруженную коалицию сопротивления новому режиму и будут вести работу по ослаблению советского влияния в стране, вплоть до развертывания басмаческого движения в советской Средней Азии.

Как бы я хотел, чтобы приведенное выше было только отражением неосторожных высказываний американских разведчиков в беседах с агентами, но все свершившееся потом было практическим осуществлением этих замыслов».

Думается, что генерал Дроздов глубоко прав.

Таджикистан, а точнее, Горный Бадахшан, – уникальная кладовая мира. Еще в 50–60-е годы советские ученые провели изыскания и сделали вывод: здесь огромные запасы урановой руды. Чего практически нет в

нынешней России. Ведь уже давно не является секретом тот факт, что на территории нашей страны ныне осталось одно-единственное месторождение урана. Более того, Таджикистан несказанно богат другими ископаемыми. Тут вся таблица Менделеева, да еще высшего качества.

Вот почему Россию всеми силами пытаются вытеснить из Таджикистана, спешат наладить новый «шелковый» путь из «кладовой мира».

А ведь неплохо бы напомнить кое-кому, что еще столетие назад население Горного Бадахшана добровольно присоединилось к России.

Так вот, все, что творится в Таджикистане, начиналось в конце 70-х в, казалось бы, далеком Афганистане.

Неправда, якобы Брежнев, Андропов, Устинов, которым приписывают ныне единоличное решение о вводе войск, не пытались разрубить «афганский» узел мирным путем. Нынешние реалии показывают: увы, не все проблемы можно решить за столом переговоров. Так случилось в 1979 году.

Мне рассказывал тот же генерал Дроздов, что 31 декабря, после его доклада Андропову о ходе операции в Кабуле, Юрий Владимирович признался: пытались разрешить эту проблему по-другому, не вышло.

С оперативной и тактической точек зрения переворот в афганской столице 27 декабря прошел успешно. Утром следующего дня афганский народ имел уже другого президента.

Однако всякая операция, в особенности такая, без должной тщательной подготовки невозможна. И поэтому готовить ее начали еще летом – осенью 1979 года. Нет, это не значит, что уже в июле КГБ была поставлена конкретная задача – совершить переворот в Кабуле. Думаю, такое решение «кремлевским старцам» пришло значительно позже. Но там, где осложняется обстановка, всегда активизируется разведка. А обстановка осложнялась непосредственно на наших южных границах, и поэтому повышенный интерес Комитета госбезопасности вполне объясним.

Летом 1979 года в Афганистан выехала первая группа сотрудников, объединенная в единое подразделение под кодовым названием «Зенит».

Во главе группы стоял руководитель курсов усовершенствования офицерского состава полковник КГБ Бояринов. Григорий Иванович неспроста был назначен командовать первым «Зенитом». Он опытный разведчик-диверсант, фронтовик, а в подразделении его ученики, воспитанники.

Первый «Зенит»

Первый «Зенит» прилетел в Кабул 5 июля. Переехали в наше посольство, расположились в школе. Лето, учеников нет. Поставили раскладушки. Матрацы еще нашлись, а подушек не было; сворачивали белье, запихивали его в целлофановый пакет, оборачивали полотенцем – вот и подушка готова.

Ели свое, сухпак. Бояринов приказал экономить, ибо никто не знал, сколько тут жить-служить. Утром чаек да банка каши на троих, в обед супчик из концентрата, баночка консервов, галеты. Словом, на таком довольствии дошли, что называется, до ручки. О еде, деньгах старались не думать, главное – выполнить поставленные задачи. А их было немало, да и задачи весьма не простые: охрана посольства, обучение местных молодых контрразведчиков, а главное – разведка города, государственных и правительственных зданий, объектов спецслужб, армейских штабов и казарм, подходов и подъездов к ним, систем охраны. Отрабатывались также маршруты на случай эвакуации наших дипломатов.

Так что «зенитовцам» пришлось изъездить и протопать Кабул вдоль и поперек.

А тем временем напряженность в столице нарастала. По ночам то и дело вспыхивала стрельба. Враждовали «халькисты» и «парчимисты». Амин рвался к власти.

Вот как о тех днях вспоминает боец «Зенита» **Валерий Курилов:**

– Между Амином и Тараки вражда. Советский посол и представитель КГБ ездят каждый день, мирят их. Утром помиряют, вечером опять ссора.

Однажды наши ребята, находившиеся в охране посла, приехали, пистолеты разряжают, руки дрожат. Говорят, сейчас друг друга чуть не перестреляли.

В очередной раз собрались Амин, Тараки и наш посол. Вся охрана находилась внизу. Вдруг внутри выстрелы, выбегает окровавленный человек, падает. Им оказался Тарун.

Охрана Тараки, Амина и наши выхватили пистолеты, друг на друга наставили. Никто ничего не понимает. Стрелять не решаются. Да и как стрелять: кто знает, что там произошло.

Выбежал Амин, сел в машину, умчался. Потом были пышные похороны. В газетах заголовки: «Подлые враги убили верного сына афганского народа Таруна».

После того как Амин уничтожил Тараки, начались покушения на министров, сторонников убитого президента. В одного стреляли через дверь, другого хотели убить через окно.

Вообще мы участвовали в спасении трех министров – Сарвари, Гулябзоя и Ватанджа. Скрытно вывезли их с места жительства в посольство, переодели в форму-«песчанку». Потом доставили на одну из наших вилл. Там я и сошелся близко с Сарвари. Можно сказать, сдружился.

Они жили в закрытых помещениях, без окон. Погулять выходили только ночью. Всякий раз приходилось их сопровождать. Сарвари все обещал: «Ребята, вы нам помогите, потом я устрою прекрасную жизнь. Приедете с семьями на отдых, каждому машину подарю».

Наконец прилетел самолет из Союза, привезли деревянные ящики. Мы положили туда матрацы, просверлили дырки. Залезли в них министры. Ящики поставили в кузов машины, забросали коробками.

За рулем наш парень. В кузове человек пять вооруженных «зенитовцев». За машиной еще шел автобус, тоже с нашими людьми.

А до Баграма ни много ни мало – 70 верст. Аминовская «наружка» обложила нас сразу после выезда из посольства. На выезде из Кабула КПП. Стоп! «Что у вас в кузове, выходите, будем проверять». Офицер-афганец настаивает, у него приказ. Мы отказываемся, вы не имеете права, машины посольства.

Грузовик плотно обтянут тентом. Вот лейтенант-афганец встает на борт и заглядывает под тент. А Долматов Александр Иванович, наш инструктор по рукопашному бою, башмак ему на руку и автомат в нос.

Лейтенант перетрухнул, руку дерг-дерг. Долматов держит. А снаружи-то ничего не видно. В общем, выдернул ладонь, прыгнул, глядь, а в автобусе тоже напряженные физиономии. Замахал, закричал: открывай, открывай, пусть едут...»

Командир экипажа самолета говорит: «Теперь все будет нормально, главное, чтоб истребители не подняли». Истребители, на счастье, не появились.

Открыли ящики. Сарвари выскочил оттуда покрасневший, яростный. Бросился к иллюминатору: «Зачем вы нас увозите? Я подниму свой народ. Сметем тирана».

«Зенитовцы» лишь улыбались, успокаивали. Они хорошо изучили афганцев, и показная ярость бывшего министра их несколько не удивила.

Кончилось все миром. Афганцев угостили. Они выпили по рюмочке, поели. Успокоились. Им постелили, и те мирно проспали весь путь от

Баграма до Ташкента.

В Ташкенте бойцы «Зенита» передали министров в целости и сохранности местным комитетчикам и вылетели в Москву.

Шел сентябрь 1979 года. До штурма дворца Амина оставалось три месяца...

Просьба афганской стороны

В декабре 1979 года «Правда» опубликовала «Обращение правительства Афганистана»:

«Правительство ДРА, принимая во внимание расширяющееся вмешательство и провокации внешних врагов Афганистана, и с целью защиты завоеваний Апрельской революции, территориальной целостности, национальной независимости и поддержания мира и безопасности, основываясь на Договоре о дружбе, добрососедстве и сотрудничестве от 5 декабря 1978 г., обратилось к СССР с настоятельной просьбой об оказании срочной политической, моральной, экономической помощи, включая военную помощь, о которой правительство Демократической Республики Афганистан ранее неоднократно обращалось к правительству Советского Союза.

Правительство Советского Союза удовлетворило просьбу афганской стороны».

...Теперь нам кажется, что об афганской войне мы знаем все или почти все. Да, афганская война – это наша биография. Биография страны. И какая бы она ни была – героическая, кровавая, – такой теперь останется навсегда.

Война более многозначна, чем мир. Для одних – это подвиг, мужество, героизм, для других – позор, кровь, смерти тысяч ни в чем не повинных людей.

Будем же правдивы перед собой и историей, не станем смешивать святое и грешное, низменное и высокое. Всего хватало на этой войне, как, впрочем, и на десятках других.

Люди боятся войны, проклинают ее и вновь воюют. Самое таинственное во всем этом – начало.

Как начинаются войны?

Нас отделяет семьдесят семь лет от 22 июня 1941 года, но мы до сих пор исследуем причины ее возникновения, препарируем события, ищем ответ на вечный вопрос: кто и как?

Как же начиналась афганская война? Кто ее начинал?

Сегодня это уже доподлинно известно: десантники генерала Ивана Рябченко, «мусульманский батальон» и две таинственные группы Комитета госбезопасности под кодовым названием «Зенит» и «Гром».

О «мусульманском батальоне» сказано достаточно, о десантниках написал книгу сам Рябченко, а вот о группах «Зенит» и «Гром» много лет

не было известно почти ничего, за исключением разве что фамилий первых героев да нелепых, вздорных и зачастую грязных выдумок об их действиях на афганской земле.

Марк Урбан, автор книги «Война в Афганистане», на которую так часто ссылались в нашей печати, утверждает: *«27 декабря... к вечеру, парашютисты двинулись к центру Кабула. В 19.15 местного времени они вошли в министерство внутренних дел и разоружили его сотрудников. Другая группа... достигла дворца Дар-уль-аман».*

Если бы так просто – пришли и разоружили. Нет, никто не складывал оружия. Министерство было взято штурмом.

Дворец тоже был захвачен с боем. Кем? Группами «Гром» и «Зенит».

«Гром» – это и есть, по существу, группа «А», «Зенит» состоял из сотрудников региональных управлений КГБ, прошедших диверсионную подготовку.

«Поверь мне, старику...»

В «УАЗ» начальника кафедры Высшей школы КГБ полковника Григория Бояринова набился добрый десяток преподавателей. Переезжали с одной учебной точки на другую. Пешком шагать не хотелось, ночь, темнота, лес, под ногами сыро. Потому и решили – лучше плохо ехать, чем хорошо идти.

Гриша, как звали между собой начальника кафедры преподаватели, сидел впереди, на месте старшего машины. Ехали долго. «УАЗ» петлял в темноте лесными дорогами, выхватывая лучом фар то белые стволы берез у обочины, то глухую черноту чащобы, то кустарник прямо на пути. Офицеры уже поглядывали на часы: по времени должны были бы приехать.

– Заблудился Гриша, – шепнул чуть слышно кто-то из молодых преподавателей, – во хохма будет...

– А ты сам на его место сядь, хохмач! – вступился за Бояринова другой.

И опять ночь, размытая дождями, едва приметная дорога.

Бояринов, до этого, казалось, дремавший, встряхнулся, наклонился к водителю:

– Потихе, Вася. Сейчас будет маленький поворот, ты прижмись к левой стороне и тормозни на минутку.

– Что, Григорий Иванович, – пошутили в машине, – мину заложили?

Полковник не ответил. «УАЗ» притормозил, остановился. Бояринов открыл дверцу, взгляделся в темноту, удовлетворенно вздохнул:

– Тут, моя птичка, тут, родимая, на гнезде сидит. Уже яйца отложила. – И кивнул шоферу: – Трогай потихоньку, только не газуй. Спугнем.

Автомобиль качнулся и почти бесшумно пополз вперед. В салоне притихли. Вот так Гриша!

За поворотом выехали на знакомую опушку.

– Все, ребята, выгружайся, – сказал Бояринов, – третья учебная точка. Как заказывали... А ты, Анатолий Алексеевич, посиди пока, – обратился он к преподавателю кафедры Набокову, – дело есть.

Набоков смотрел, как, удивленно озираясь на Бояринова, вылезают из «УАЗа» молодые преподаватели. Они считали, что Гриша заблудился. Невежды. Он не мог заблудиться. Гриша – бог в ориентировании, видит, будто сова, в темноте. Лес, как книгу, наизусть читает.

Откуда это у него? С войны. Партизанил, воевал, командовал школой

снайперов, готовил диверсионные группы для заброски в тыл, сам не раз летал за линию фронта.

– Толя! – Бояринов повернулся к Набокову. – Мы возвращаемся в Москву.

– То есть как – в Москву? А учения, Григорий Иванович?

– Учения закончатся без нас.

– Что-нибудь случилось?

– Как тебе сказать. – Бояринов замолчал, потер тыльной стороной ладони отросшую щетину. – Хотелось бы верить, что ничего серьезного не произошло. В общем, надо нам переделать учебную программу.

– Увеличить курс?

– Нет, сократить. Нынешний набор мы выпускаем не в августе, а в июне.

– А дальше?

– Спецзадание. Афганистан.

– Афганистан? – удивился Набоков. Столь неожиданно прозвучало имя далекой страны, что он с трудом попытался вспомнить ее очертания на карте.

– Завтра жду твоих предложений по программе.

...Вернувшись в Москву, они засели за перекройку учебного курса. Пересчитали, перелопатили, отвели побольше часов на боевые темы, такие как разведка в заданном районе, в городе, организация засады, налета. В общем, готовились учить слушателей тому, что надо на войне.

Пролетели недели подготовки, и поступила команда: отобрать людей для «Зенита». Такое условное наименование получило подразделение.

Приехал генерал, он был немногословен. Повторил то, что уже знал каждый, и в заключение разговора спросил, кто не готов к выполнению спецзадания. Зал не шелохнулся.

– Значит, все готовы! – подвел итог представитель руководства КГБ.

Однако у Бояринова и его кафедры было свое мнение. Сформировав мандатную комиссию и рассмотрев каждого слушателя, взвесив все «за» и «против», они отвели десять кандидатур.

Тогда впервые в своей жизни Набоков увидел, как плачет мужчина, офицер, сотрудник КГБ. Его отвели, потому что посчитали психологически не готовым к возможным боевым нагрузкам.

Все десятеро атаковали кабинет Бояринова с раннего утра, просили, умоляли, доказывали, но начальник кафедры был непреклонен. За некоторых пытались просить преподаватели, восприняв неприступность Григория Ивановича как излишнюю строгость или даже упрямство.

Пройдут считанные месяцы, и жизнь преподаст жестокий урок, подтвердив правоту Бояринова.

Случилось так, что первый состав «Зенита» закончил командировку в сентябре. Началась постепенная замена. Однако людей не хватало, и решили пренебречь выводами бояриновской комиссии. Рассудили так: мол, чего просевать, отбирать – все офицеры КГБ, не один раз проверены в деле. И на второй заход в состав группы были включены сотрудники, отведенные «мандаткой». Они и оказались в самом пекле – на штурме дворца Амина. Двое из них погибли, третий был тяжело ранен и умер по дороге в Союз. Четвертый попал в Афганистан позже и тоже получил тяжелое ранение.

Совпадение? Вряд ли. Говорят, полковник Бояринов хорошо разбирался в людях. Стоило ли посылать тех офицеров в пламя войны? Нет, конечно. Наверное, нашлось бы для них дело и дома. Но все это станет известно позже, когда уже Григория Ивановича не будет в живых.

А в июле 1979 года «Зенит-1» убыл в Афганистан. Возглавил группу кандидат военных наук, доцент, полковник Григорий Иванович Бояринов. Возвратился он оттуда в сентябре. Тогда же у них с Набоковым состоялся обстоятельный разговор, и Анатолий Алексеевич сказал, что готов поехать на смену начальнику кафедры. И даже пожаловался, мол, преподаватели и помоложе уже съездили, а он все никак.

Бояринов усмехнется и по-отечески положит ему ладонь на плечо:

– Не спеши, Толя. Чует моя душа – Афганистана нам надолго хватит. Горько это звучит, но боюсь, что надолго. – И грустно добавит: – Поверь мне, старику...

Правая рука «великого учителя»

...Декабрь семьдесят девятого выдался в Москве слякотным и мокрым. Восемь бойцов группы «А» во главе с Валентином Ивановичем Шергиным, поднятые утром по тревоге, на автобусе подъезжали к зданию Первого главного управления (ПГУ) КГБ. «Пазик», шлепая шинами, словно галошами, подкатил к центральному выходу.

– Ого! Смотри-ка, ребята, как встречают! – удивился Изотов.

Ребята прильнули к окнам: на стоянке их ждали черные «Волги». Тут же из машины вышли двое в штатском и направились к автобусу. Шергин спрыгнул с подножки, доложил о прибытии.

– Занимайте места, – поступила команда, и «альфовцы» расселись по машинам.

«Волги» резко взяли с места. Мелькали знакомые московские улицы. Хозяева, которые сидели за старшего в каждой машине, молчали, как-то по-особому заинтересованно разглядывая пробегающие за окном картины. Помалкивали и гости: в таких случаях расспрашивать не принято.

Машины устремились по дороге из Москвы. Поворот, другой – и уже вдоль бетонки серый голый лес, бесснежный, угрюмый. Повертели еще с полчаса и уткнулись в ворота. За небольшим забором – уютная дачка, чисто выметенные дорожки, кучки пожухлых листьев под деревьями, оставшиеся как память о прошедшей осени.

Их проводили в дом. В одной из комнат за столом сидел толстый мужчина, шумно прихлебывал чай из блюдечка. Познакомились, фамилия и имя мужчины не говорили ровным счетом ничего: Борис Чичерин. Чувствовалось, что этот толстяк добрый и радушный человек. Он тут же пригласил всех к столу, угостил чаем, бутербродами. От улыбки Чичерина стало как-то спокойнее, ушло напряжение, в котором с самого утра находились бойцы группы «А». Ведь никто и словом не обмолвился, зачем их подняли по тревоге, вызвали в Первое главное управление, отвезли в подмосковный лес. Оставалось только теряться в догадках.

Ждать пришлось недолго. Появился представитель руководства Первого главка, поздоровался и в нескольких словах объяснил задачу: охранять людей, которые будут им представлены. Охранять днем и ночью, беречь пуще собственной головы. И добавил после паузы: «Это большие люди, о которых пока не знает и не должен знать мир».

Мир и вправду еще не знал опальных, бежавших от гнева Амина

начальника Генерального штаба Ватанджара, министров Гулябзоя и Анахиту. Редко кто слышал за пределами Афганистана и о Бабраке Кармале, хотя он был соратником Тараки, одним из создателей НДПА, секретарем ЦК, а с 1976 года послом в Чехословакии.

Впервые увидели их и бойцы группы «А». Трое мужчин и женщина вошли в комнату, остановились. На полшага впереди оказался человек с темным, словно загоревшим до черноты лицом, с большим горбатым носом, с черными, как маслины, глазами. Был он широк в кости, плотен телом. Одет в европейский, отменно сшитый костюм.

Борис Чичерин представил гостя:

– Бабрак Кармаль!

Непривычное словосочетание. Изотов повторил про себя имя и фамилию афганца: как бы не забыть, не дай бог.

– А это Гулябзой, – назвал Чичерин следующего, стоявшего за спиной Бабрака мужчину. Тот смущенно кивнул, соглашаясь, и узкая щеточка усов над верхней губой обозначила слегка заметную улыбку.

– Анахита, – продолжал Чичерин, указывая чуть заметным движением руки на смуглую женщину с темной косой, уложенной вокруг головы. Все они были в европейских костюмах. Надо сказать, что никто не заметил улыбки или тени смущения на ее лице. Чувствовалось, что Анахита горда и своенравна. Борис потом объяснил: она из богатой семьи, получила хорошее образование, всегда оставалась ярким приверженцем и самым преданным другом Бабрака. Когда его будут снимать со всех постов, Анахита, одна из немногих, встанет на защиту генсека.

Рядом с Анахитой – высокий, поджарый, в отличие от остальных, со светлой кожей лица, молодой человек. Смоляные волосы да черные усы выдавали в нем афганца, а строгого покроя френч – военного. Ватанджар действительно оказался профессиональным военным, танкистом, героем Саурской революции. Оказывается, его боевая машина и сейчас стоит на площади перед дворцом. Он в апреле 1979 года на своем танке возглавил ударный отряд, двинувшийся из Пули-Чархи в город, и первым вступил в бой с национальными гвардейцами, охранявшими президентский дворец.

А теперь – здесь, в Подмосковье, на секретной даче, подавленный и растерянный.

Что там у них происходит, если министры, секретари ЦК, герои скрываются за тысячи верст от дома? Называется, свершили революцию. Говорят, река Кабул сегодня красна от человеческой крови. Неужели правда?..

– Вот, пожалуй, и все, – подвел итог представитель командования. –

Теперь распределитесь, кто за кого отвечает. Осваивайтесь. Ждите команды.

Для удобства общения и пущей секретности афганцам предложили называться русскими именами.

– Вот Ватанджар, – взял на себя инициативу Чичерин. – Мухаммед Аслан. К чему тут ближе Миша, Саша?

– Саша! – сказал кто-то.

– Хорошо, значит, Саша.

И Борис заговорил на дари – гортанно, распевно, видимо, объясняя афганцам целесообразность присвоения русских псевдонимов. Те согласно закивали. Дали всем русские имена и на том, собственно, закончили.

А все-таки непривычно было воспринимать клекот Чичерина, распевающего незнакомые слова, видеть сверкающие искры в черных, глубоких глазах Бабрака, слышать тоненький, почти женский, голос танкиста Ватанджара. Как дальше сложится судьба этих людей? Неспроста ведь они оказались на даче ПГУ, в лесу, под секретом. Каждому понятно, что неспроста.

Осваиваться долго не пришлось. Подали машины: опять голые, продрогшие деревья за окном, продуваемый всеми ветрами аэродром. Так неласково провожала их Москва. Но Ташкент встречал ярким, совсем не зимним солнцем, теплом. Казалось, вот-вот у взлетной полосы пробьется, выстрелит тонким лучиком зеленая трава. И вновь дача, только не скромный подмосковный домик, а настоящий дворец в миниатюре. Дворец Первого секретаря ЦК компартии Узбекистана Рашидова.

Ужин со спиртным, на завтрак пять блюд на выбор, красавицы-официантки предупредительны, скромны. Ребята бродили по даче, удивлялись – живут же люди. Шутили между собой, мол, проживем и мы когда-нибудь при коммунизме. Однако коммунизма на их долю было отведено всего двое суток.

Новый маршрут пролегал над советско-афганской границей, над хребтами Гиндукуша, и заканчивался в Афганистане, в Баграме. Здесь опальных министров и их охранников ждала не шикарная вилла, а капониры, вырытые на краю аэродрома.

Недолгой оказалась баграмская командировка для группы «А». 14 декабря ужин прервал сигнал тревоги. Транспортный самолет без опознавательных знаков был подан задней рампой почти вплотную к капонирам. Запущенные двигатели не выключались. В облаке пыли и песка бойцы «Альфы» в срочном порядке проводили на посадку Бабрака Кармаля, Анахиту, Ватанджара и Гулябзоя, погрузили их вещи, забросили

собственное снаряжение.

Самолет взлетел и стал резко набирать высоту. В салоне стала ощущаться нехватка кислорода, пассажиров пригласил к себе в кабину командир корабля.

Восемь бойцов группы «А», четверо афганцев, экипаж – в пилотской стало тесно. Все молчали. Никто не знал и не мог ответить, почему так спешно покинули Баграм. Ясно было одно: что-то не сложилось, сорвалось. Куда летят Бабрак и другие изгнанники родины, суждено ли им вновь когда-нибудь увидеть мудрые седые вершины Гиндукуша, редкие кишлаки, словно стадо барашков, сбегające в долину по темным отрогам, голубые, тонкие, как вены ребенка, горные реки?..

За что Аллах так покарал их? Для того ли они готовили революцию, сидели в тюрьмах, чтобы кровожадный Амин правил страной. Почему Кармаль, один из создателей партии, правая рука «великого учителя» Тараки, как одинокий дервиш скитается по дорогам Европы. По совету русских товарищей Бабрак записал на пленку обращение к народу. Там были прекрасные слова: «После жестоких страданий и мучений наступил день свободы и возрождения всех братских народов Афганистана. Сегодня разбита машина пыток Амина и его приспешников – диких палачей, узурпаторов и убийц...»

Нет, не наступил день свободы. И наступит ли? Кармаль смотрел вниз, как уплывает под крылом Родина. Надолго ли? Возможно, навсегда. Его Родина, его боль и жизнь. Смотрел и плакал.

Выйти на объект

Что же произошло 12–14 декабря в Кабуле? Почему опальные министры во главе с Бабраком были срочно вывезены из Баграма? Единства в оценке тех событий нет. Существует две версии. Приверженцы первой считают, будто Амину стало известно о Бабраке и его соратниках и потому созрела необходимость их срочной эвакуации. Вторые уверены, что опасность возникла из-за несостоявшейся военной операции, назначенной первоначально на эти дни.

Вряд ли представляется возможным сегодня подтвердить или опровергнуть первую версию – Амина давно нет в живых. Что же касается операции, то таковая действительно готовилась.

...12 декабря майора КГБ Якова Федоровича Семенова, командира подгруппы «Зенит», расквартированной в Кабуле, вызвал к себе генерал. То был армейский генерал, десантник. На совещании присутствовали также офицеры «мусульманского батальона».

Обсуждался ход операции, о которой Семенов имел весьма смутное представление. Генерал, в задачу которого входила координация действий «Зенита» и армейских подразделений, обратился к майору:

– Вашей группе предстоит выйти на объект. Время «Ч»...

Майор не удержался и, нарушив воинскую субординацию, перебил генерала:

– Какой объект, товарищ генерал?

Теперь пришло время удивляться генералу:

– Вы что, не знаете?

– Не знаю.

«Черт возьми, – подумал генерал, – опять нестыковка на границе ведомств».

– Вот здесь, смотрите, – и он указал Семенову на карту Кабула, – дворец...

– Ясно. А план его, силы, средства обороняющихся?

Генерал ровным счетом ничего не понимал. Советники из КГБ дневали и ночевали в этом дворце, а в нужный момент их же майор ни хрена не знает. Однако генерал сдержался. Майор тут был ни при чем.

– Ладно, – устало сказал генерал, – даю два часа вам, Семенов, думайте, что можно сделать.

Совещание закончилось. Два часа – не ахти какой срок, но Яков

Федорович кое-что разведаль: у противоборствующей стороны, как любят выражаться тактики, две тысячи гвардейцев, 11 танков, причем два танка закопаны по башню прямо у ворот. А что за воротами, одному богу известно. Но, надо думать, двор тоже не пуст.

А у Семенова две «Шилки», шесть бронетранспортеров на 25 человек личного состава. По живой силе соотношение 1:100, по бронетехнике только безумец может сравнивать: танк и БТР – все равно что слон и москья.

Якову Федоровичу даже показалось, что они играют в детскую игру и все это несерьезно. Но когда истекли установленные два часа и поступила команда: «По местам!» – майор, залезая в свой БТР, вдруг отчетливо понял: история нас ничему не научила, опять противника «шапками закидаем».

В тот день историю, видимо, припомнил не только Семенов. Дали отбой. Выступать предстояло лишь через сутки. Но Якову Федоровичу было не по себе: пошел к генералу, попросился в город, чтобы получше рассмотреть объект, который предстояло штурмовать. Генерал не возражал. Напомнил только об осторожности. Ну уж об этом мог бы и не говорить армейский командир майору госбезопасности, преподавателю спецкафедры Высшей школы КГБ. Он сам учил осторожности и конспирации молодых офицеров.

Семенов, не теряя времени, переоделся – и в дорогу. Покрутился по Кабулу, разведаль подходы, подъезды. Потом оставил машину и пешком обошел вокруг дворца. И еще раз убедился в мудрости старой армейской заповеди: если есть хоть малейшая возможность провести рекогносцировку на местности, где предстоит воевать, ее надо использовать.

В разведданных все было указано точно: и количество танков, как зарытых в землю, так и стоявших на других позициях, и силы гвардейцев, но данные эти касались только охраны дворца. А рядом с дворцом располагался Генеральный штаб афганской армии. О нем – ни слова.

Генштаб – не министерство сельского хозяйства. Там сильная охрана, средства ПВО, да и офицеры-генштабисты наверняка умеют держать в руках оружие.

С этими тревожными мыслями и вернулся Семенов в Баграм, доложил генералу. Тот выслушал майора хмуро и даже как-то обреченно. Но в конце спросил: «Ваше решение?»

Эх, кабы ему, майору Якову Семенову, решать, двинул бы он свои «броники» от греха подальше. Только кто же послушается? Да и генерал, чувствуется, в тупике: то ли доложить боится, как оно есть на самом деле, то ли в верхах его так же слушают, как он майора.

Давит, наверное, начальство из Москвы, а у генерала силенок-то с гулькиным нос. Даже если все подскрести – и «мусульманский батальон», и «Зенит» до последнего человека, – перевес на той стороне огромный. Интересно, кому нужен сей кровавый спектакль? Положить ребят у стен дворца? Так это запросто, большого ума не надо.

Нет, Яков Федорович понимал: в таком спектакле не заинтересован никто. И верно: операцию вновь отложили. «Зенит» перебрался в Кабул, расположился неподалеку от «мусульманского батальона».

Внизу, среди редких садов, возвышался дворец Тадж-Бек – новая резиденция Хафизуллы Амина. Он был виден без бинокля, мощный, с крепкими стенами, опоясанный серпантинном серой бетонки.

Теперь Семенов каждый день ездил на совещания в посольство. Прорабатывались различные варианты взятия дворца.

От совещания к совещанию прибавлялось количество генералов. Прилетел генерал Юрий Дроздов из Первого главного управления.

Надвигались серьезные события.

Готовится спецоперация

Набоков входил в автобус последним. Задержался на ступеньке, еще раз оглянулся, Бояринова не было. Странно. За последний год, да что там год – годы, он не припомнит случая, чтобы Григорий Иванович опоздал к служебному автобусу, который каждое утро забирал их в условленном месте.

«Что-то случилось, – тревожно подумал Набоков, – не заболел ли?» Он вспомнил недавние учения, двадцатикилометровый марш, который прошел Гриша с одной из групп слушателей. Как-то не вязался вполне здоровый вид полковника со словом «болезнь». Да и вчера они виделись. Бояринов был в отличной форме.

Набоков облегченно вздохнул, лишь когда увидел в кабинете начальника кафедры свет. Он поднялся на свой этаж, в преподавательскую. Дверь бояриновского кабинета приоткрыта, и в проеме Григорий Иванович. В гражданке: на нем водолазка, поверх нее джемпер.

Увидев Набокова, улыбнулся приветливо, кивнул: заходи...

– Что случилось, Григорий Иванович?

– Ничего не случилось, Толя. Изменилась обстановка. Мне надо ехать туда.

Набоков вопросительно смотрел, он все равно мало что понимал.

– Готовится серьезная операция. Я был вчера у начальника управления.

Он оторвал взгляд от разложенных на столе бумаг и виновато пожал плечами:

– Боюсь, как бы там ребят зря не положили. А я все-таки кое-что в этом петрю, верно, Анатолий Алексеевич?

Что мог ответить Набоков: верно. Только знать бы – какая операция. Спрашивать не принято, раз не говорит. А может, и сам не знает.

– Мы с тобой, как в учебниках писали: «Налет – это внезапное, согласованное нападение на неподвижный объект противника с целью... и тэ-дэ и тэ-пэ...» Так? А те, кто поехал готовить налет, они знают, с чем его есть надо?

Набоков развел руками: наверное, знают... Бояринов лишь горько усмехнулся:

– Дай Бог, Толя! Дай Бог...

Что имел в виду Григорий Иванович, теперь можно только гадать.

Мало ли он доверял тем, кто улетел готовить операцию, не был уверен в их опыте, профессиональных знаниях или просто опасался за своих воспитанников? Ему, конечно же, стали известны подробности не состоявшегося из-за слабой подготовки штурма, и он посчитал своим долгом на этот раз оказаться там. Ведь за спиной Бояринова был не только опыт сотрудника КГБ, но опыт партизанской и диверсионной работы. Прежде чем писать свою диссертацию о тактике действий партизанских формирований, Гриша Бояринов изучал ее на практике. Был ранен. Награжден орденом Боевого Красного Знамени.

Теперь, через много лет, нет-нет да и возникнет спор в кругу людей, знавших Григория Ивановича, – а мог ли он не поехать? Все-таки ему к тому времени было уже немало годков – пятьдесят семь, мог бы и не ходить под пули. Все, кто поднимался с ним в атаку на штурм дворца Амина, по возрасту подходили в сыновья, а кое-кто и во внуки годился.

Нет, он не мог не пойти. И не только потому, что так хотело начальство, только так и мог поступить фронтовик, педагог, полковник КГБ Григорий Бояринов.

Помните, как плакал у него в кабинете отстраненный от поездки в Афганистан офицер? Из сегодняшних будней нам странными могут показаться слезы. Но так было. Считалось позором, когда сотрудника КГБ отстраняли от выполнения спецзадания.

Мог ли Бояринов отстранить себя сам? Смешно даже подумать.

...В 10 утра собралась кафедра. Бояринов передал общее руководство своему заместителю Владимиру Михайловичу Санькову. Накрыли стол, налили по сто граммов, выпили – и в Чкаловское, к самолету.

Бояринов уехал, а преподаватели его кафедры – Набоков, Васюков, Болотов остались, стояли, курили. Набоков и Болотов иногда перебрасывались словом-другим, а Васюков угрюмо молчал. Потом взглянул на них, щурясь от дыма:

– Что-то не понравился мне сегодня Гриша.

Набоков поймал себя на мысли, что согласен с Васюковым. Какая-то тень лежала на лице Бояринова. Мог ли он знать тогда, что это тень смерти...

Этот узел не развязать

Утром 23 декабря начальник 7-го управления КГБ СССР генерал-лейтенант Алексей Дмитриевич Бесчастнов ехал в расположение группы «А».

Шуршала быстрыми шинами «Волга». У светофоров теснились автомобили. Переход заполнен людьми – москвичи спешили на работу.

Генерал прикрыл веки. Ломило в висках, сказывалась бессонная ночь. Мысли, мысли, мысли... Может, он не все знал. Скорее всего. Но даже той информации, которой владел, было достаточно, чтобы понять: на южных границах всерьез запахло порохом. Впервые за долгие, долгие годы.

Руководство мог волновать Китай, Пакистан, Иран. Что угодно, только не Афганистан. Эта азиатская страна десятилетиями не вызывала опасений.

Так привыкли думать политики, дипломаты, Генеральный штаб. Да и его, Алексея Дмитриевича, ведомство тоже. В общем, никакой головной боли. Так было при шахе, при Дауде, и даже еще раньше, когда Эмманулахан чуть не в друзьях с Лениным ходил.

А теперь вот Амин. Еще полгода назад он клялся в верности и любви Тараки. Как это он говорил? «Я могу потерять Афганистан, но никогда не соглашусь с потерей моего любимого учителя и вождя». А любимый вождь отвечал ученику: «Я и Хафизулла Амин близки, как ногти и пальцы».

И после этого люди Амина зверски задушили Тараки. Одно слово – Восток. После убийства Тараки КГБ перехватил американскую шифровку. Бесчастнов прочел слова телеграммы: *«Советы не в восторге, но осознают, что сейчас им ничего не остается, как поддерживать амбициозного и жестокого Амина».*

Интересные ребята в ЦРУ. Амин живьем сбрасывает в ямы с хлорной известью сторонников Тараки. Рассеивает, как пепел по ветру, сотни людей. Просто так – загружает самолет и над Гиндукушем раскрывает рампу. Это у него называется «десант». А Советам, значит, ничего не остается, как целовать Амина в заднее место. И ждать. Чего, собственно? Пока новоявленный азиатский фюрер передует полстраны, как задушил своего дорогого учителя, или отдастся за доллары американцам, и те появятся у наших южных рубежей?

«Н-да, – подумал генерал, – замечательная перспектива».

Ну и крутой завязался узелок. А развязывать, значит, его ребятам. Только вот развязывать ли, скорее всего – разрубать мечом.

Лес рубят – щепки летят. Кабы только щепки...

Знал ли он, начальник управления, на что посылал людей? Тогда казалось: знал. Теперь, по прошествии лет, ясно, что он только догадывался о тяжких трудах. Эту догадку и тревогу, связанную с ней, пытался передать майору Романову. Ему было поручено возглавить группу, вылетающую в Афганистан. Это они, его, Бесчастнова, ребята, станут первыми бойцами – первыми инвалидами, первыми героями той девятилетней войны. Именно они откроют скорбный список погибших в Афганистане, и несчастные жены, падая на крышки гробов, не в силах будут понять, во имя чего отдали жизни их мужья.

Во имя Родины, скажут им. Так почему ж тогда Родина спешно зароет тела погибших, не разрешив даже на гранитной плите выбить слова о месте их гибели, почему назначит мизерную пенсию и забудет на десятилетия? Что с тобой, Родина, если не дорожишь ты своими сыновьями?

Их не забудут друзья. Они и утешат, помогут, поддержат. Но все это будет потом.

– Понимаешь, – выдавил улыбку генерал, – командир сказал – сможешь выполнить задачу. Собирай людей. Поскольку дело государственной важности, едут добровольцы, малосемейные, хорошо, если и вовсе неженатые.

Бесчастнов умолк, долго и как-то грустно, по-отцовски глядел на майора.

– Лучшие из лучших, – продолжал он, – бойцы нужны. Там не только вы, но и в вас стрелять будут. Понял меня?

– Так точно, товарищ генерал, – ответил четко, как положено по уставу, майор.

Но ответ этот как-то не понравился Алексею Дмитриевичу. Сухостью, что ли, своей, бесцветием. Ну да бог с ним, с ответом, время готовить людей – экипировку, оружие, боеприпасы. Достаточно одного слова генерала, и все закрутилось бы, завертелось, и через час-другой группа «А» была бы готова к бою. Но Бесчастнов сказал совсем другое:

– Часа через два-три отпустить ребят к семьям. Легенда такая: уезжают на учения. Кто в Ярославль, кто в Балашиху. Вопросы есть?

– Оружие, товарищ генерал? – начал майор. Генерал остановил его взмахом руки.

– Оружие и боеприпасы по максимуму.

Ивон и Романов собрали группу. Сказали, что велел генерал. Не забыли добавить главное: стрелять будут и в нас.

Сообщение восприняли спокойно. Будут стрелять – ну что ж, для этого

они, в конце концов, и готовились столько лет. Готовились, но разве для этого?

Разъехались по домам. Впереди их ждал неведомый Афганистан.

Вдовья дорога

Капитан Геннадий Зудин любил домашние котлеты. С пылу с жару, прямо с плиты. Умела его Нина стряпать, котлеты получались ароматными, поджаристыми, сладостно похрустывали на зубах.

Геннадий ел котлеты, глядел в румяное, покрасневшее от кухонного жара лицо жены. Повезло ему с Ниной. Встретил нежданно-негаданно. Женился без оглядки и не прогадал. Душевная, кроткая, добрая. С расспросами не лезет. Сказал: в командировку – и все ясно. Куда, зачем – в их семье спрашивать не принято. Да и он сам-то много ли знает? Вроде бы в Афганистан, на охрану посольства. Не он первый, не он последний. Сейчас Шергин там, Картофельников, другие ребята.

Правда, раньше их без особых напутствий провожали, а сегодня сам Бесчастнов приехал. Хотя Алексей Дмитриевич и прежде их не забывал, но вот фраза его о том, что «будут и в вас стрелять», как-то больно царапнула сознание. Зудин вспомнил лицо генерала. Вроде не уловил в нем ничего тревожного. Тогда к чему эта фраза? Для острастки? Бесчастнов стращать не любит. Для порядка, чтоб служба медом не казалась? Так он ведь не генерал Пирожков. Тот закрутит напряженку – ни кашлянуть, ни ахнуть. А впрочем, так ли уж редко говорят им подобные слова. Группа антитеррора – не балетная труппа. И все-таки тревожно на душе.

Геннадий отодвинул тарелку, поблагодарил жену, взвесил на руке приготовленный женой увесистый сверток.

– Нина, мне толстеть нельзя. Со службы погонят.

– Ничего, – усмехнулась жена, – хорошего человека должно быть много.

Он заглянул в сверток. Просил лимоны не класть, положила. Он вытащил лимоны.

– Это девчонкам. Чайку попьете.

Жена хотела возразить, но он приложил к губам палец:

– Молчи, жена, молчи. Там, где я буду, этого добра навалом. Понятно?

Нина лишь пожала плечами, но спорить не стала. Навалом так навалом.

Пришло время прощаться. Прибежала младшая дочь, папина любимица, расцеловала. Старшая, уже совсем невеста, десятый класс заканчивает, подставила щеку: «Не грусти, па...» Жена проводила до угла дома.

Милые, родные люди, никто из них не знал, что видятся они в последний раз, в последний раз.

Нина вернулась, проводив мужа, занялась с младшей дочерью. Первоклассница – мало ли забот. Написала буквы, почитала и только поздно вечером заглянула на кухню. Заглянула и ахнула: сверток с продуктами Геннадий забрал, а рядом, тоже сверток, со сменным бельем – забыл. Бросилась к телефону, позвонила в отдел, оказалось, они еще на месте, не уехали. Накинула пальто и выскочила на улицу.

...Промерзший троллейбус скрипел заиндевевшими дверьми, полз по тоскливо длинному проспекту. Она боялась не успеть, но когда от метро позвонила, трубку поднял Геннадий. Объяснила. «Хорошо, жди там, я подойду», – сказал он.

Геннадий не разрешал бывать у него на работе. Да, признаться, она и не знала, где квартирует их группа. Они встречались у посольства, недалеко от Октябрьской площади.

И теперь в свете фонаря она издалека узнала его фигуру, бросилась к нему, протянула сверток.

– Нина, – с укоризной сказал он, – ну зачем? Глянь, уже транспорт не ходит, как я тебя домой отправлю?

– Нашел о чем волноваться, доберусь.

Он не стал ни спорить, ни возражать. Обнял еще раз и ушел. Видимо, времени был в обрез. Так и осталась в ее памяти эта, уже окончательно последняя встреча, осталась навсегда. Еще подумала: расставание какое-то суетливое, на бегу, и он со свертком под мышкой, исчезающий в ночи, и она, одна в ледяном городе.

Нина вышла на проспект. Он был пуст и тих. Желтые равнодушные глаза светофоров отбрасывали леденящие блики на грязные сугробы по обочинам. Морозно скрипел снег под ногами.

Прогромыхал грузовик. Затормозил. Шофер выбросил дверку.

– Эй, красавица! Садись, а то заледенеешь!

Когда она влезла в кабину, водитель весело усмехнулся:

– Небось с гулянки...

Нина смутилась: надо же, можно ли про нее такое подумать...

– Мужа в командировку провожала... – сказала она.

– Хе, командировка, невидаль. Нашла из-за чего печалиться...

«Может, и так», – подумала Нина и вспомнила вдруг, что выскочила из дома и забыла деньги. Пошарила по карманам, вытащила мелочь.

– Вы знаете, у меня и денег-то нет, чтобы заплатить. Вот, копеек пятьдесят. Извините.

– Ладно, – согласился водитель, – на пиво хватит.

Он затормозил. Нина протянула в сжатой ладошке мелочь и положила на приборный щиток. Монетки звенькнули и исчезли в какой-то щели. Шофер приподнялся из-за руля, надеясь увидеть свои законные пивные пятьдесят копеек. Но денег не было.

– Пропало мое пиво. Что ж ты такая несчастливая?

Да разве она несчастливая? У нее две дочки, любящий муж. Что еще надо для счастья?

Дверца кабины захлопнулась. Судьба словами ночного шофера нарекла ей другую дорогу. Горькую, вдовью.

«Говорить все, кроме правды...»

Отлет задерживался. Дул сильный боковой ветер, и метеослужба не давала «добро».

Загрузили боеприпасы, получили сухой паек. Личные чемоданы, гордость конструкторской мысли группы, в которых было все – от зубной щетки до автомата – забросили в салон.

Сфотографировались на память под крылом самолета. А когда поступила команда занять места и ребята уже поднимались в самолет, их доморощенный фотограф Сережка Кувылин снова окликнул их. Они обернулись, остановились. Еще раз запечатлело их бесстрастное око фотокамеры, теперь уже на аэрофлотовском трапе. Именно этот снимок особо любим ветеранами группы «А». Его можно увидеть на самых почетных местах в квартирах ребят. Правда, появился он у них недавно.

Грустная судьба у этого снимка. Почти полтора десятка лет будет лежать он – скрытый! – в семейных альбомах. Система обрекла своих солдат на долгое молчание. Ни словом, ни взглядом не имели права эти люди признать свое участие в тех событиях. Как подчеркнул один из высоких чинов КГБ: «Говорить можно все что угодно. Кроме правды».

И это будет потом – через месяц, через два, через полгода. А сейчас они стояли на трапе – улыбчивые, затянутые в меха летных курток, уверенные в себе и в том деле, ради которого улетели в командировку.

Клацнет последний раз затвор фотоаппарата. Захлопнется дверь самолета. Отъедет одинокий трап, как бы увозя в прошлое их предыдущую жизнь. Никто не заметит мокрый след колес на стылом поле аэродрома.

Надрывно взвоят турбины, и командир корабля, зная, какой трудный путь ему предстоит, кивнет уходящей земле: с Богом! Им бы вправду помолиться. Да не принято было в те годы.

Промежуточная посадка в Душанбе. Здесь у местных комитетчиков командир выпросил одеяла, матрацы. Все это оказалось очень кстати. Кто-то из местных, помнится, подшучивал, мол, зря, майор, суетишься: прилетите – обеспечат. Другой бы, может, и клюнул, но майор – тертый калач – служил в системе госбезопасности не первый год и привык полагаться не на милость заживевших тыловинов, а только на себя.

Словом, загрузили скарб, разжились еще допайком: как известно, на войне харч – дело серьезное, и в путь.

Границу пересекли поздно ночью. Кто-то уже подремывал, кто-то

дожевывал сухпай, а старший лейтенант Сергей Кувылин смотрел в иллюминатор. Не спалось. Под крылом стелились огоньки, словно их на бескрайнее черное поле высевал самолет и они летели к земле, кувыркались и гасли в невидимых горных отрогах.

В салоне неожиданно погас свет, и через минуту-другую цепочка огоньков осталась далеко позади. «Граница?» – догадался Сергей, и что-то защемило под сердцем. Он вспомнил, как десять лет назад, в шестьдесят девятом, их солдатский эшелон пересекал границу. Они ехали домой из Германии. Утром кто-то заорал благим матом: «Дембеля! Деды! Граница!» И они с грохотом посыпались с полок. Поезд въехал на мост через Буг, медленно и торжественно прошел мимо полосатого столба с гербом Советского Союза. Перехватило горло – Родина! Два года он не видел мать, отца, не видел невесту. Хотелось бежать впереди поезда.

В Смоленске на вокзале дал телеграмму: «Встречай, приезжаю... поезд... вагон...» И только потом сообразил, что наделал. Их эшелон прибывал на Белорусский вокзал в четыре утра. Считай, ночью. Метро на замке, транспорт не ходит, такси не по карману, попереживал, поволновался, а потом решил: ладно, скорей всего она не приедет, и правильно сделает. Ему опять же легче: не придется извиняться за свою дурацкую телеграмму.

А она приехала. До сих пор стоят перед глазами ранний, предрассветный, гулкий перрон, лица удивленных дембелей и его девчонка, такая милая, нежная, прильнувшая головой к его плечу.

Вышли к стоянке такси, пристроились в хвост очереди. Очередь – одни солдаты. Дембельский эшелон. Сергей глядел и не мог наглядеться в искрящиеся голубые глаза. Вдруг кто-то тронул его за рукав. Оглянулся. Перед ним стоял незнакомый сержант.

– Слышь, земляк, ты с невестой, давай, садись без очереди.

Сергею хотелось расцеловать незнакомого сержанта.

Дома их были почти рядом. За квартал остановили такси. Сергей проводил ее, а потом поспешил домой.

В том же году они поженились.

...Ночь за иллюминатором – глуха и темна. Вспыхнул где-то одинокий огонек и вновь погас. Граница. Как порою странно и неожиданно в человеческую жизнь вплетаются, казалось бы, совсем посторонние, далекие от повседневных будничных забот, понятия. Всего дважды за свои тридцать лет пересекал он границу. Но тогда хотелось петь и плясать, будущее было утренним и добрым, как руки матери. Теперь же граница встречала его глухой непроницаемостью ночи, декабрьским морозом,

неясностью не только будущего, но и сегодняшнего, сиюминутного бытия.

Гудели турбины. Самолет летел навстречу утру. Стали едва различимы голые вершины Гиндукуша.

Горный хребет, словно гигантская птица, расправив могучие снежные крылья своих отрогов, хищно парил над сияющей долиной.

Из пилотской кабины вышел командир.

– Подходим к Баграму. Приготовить оружие.

Садись в «сложняке» – на полосу без опознавательных знаков, едва освещенную. Когда самолет замер, луч прожектора выхватил его из темноты. Высаживались быстро, без суеты, с оружием наготове. За ярким глазом прожектора чувствовался чей-то пристальный взгляд. Своих? Врагов?..

Когда спустились с борта, резкая команда «ложись!» бросила группу наземь. Но команда эта, произнесенная чьим-то хриплым, простуженным голосом, показалась ласковым приветствием доброго друга. Ведь прозвучала она не по-восточному гортанно, а отрывисто-властно, на родном русском языке.

Меры предосторожности были совсем не лишними, ведь приходилось охранять таких людей, как Бабрак Кармаль, Гулябзой, Сарвари, Ватанджар.

После убийства Тараки Амин пытался их захватить и уничтожить. С трудом удалось ускользнуть. И вот теперь они здесь. Можно представить, что случилось бы с опальными министрами, а заодно и с теми, кто их прятал, пронюхай обо всем этом аминовская охранка.

У капониров подразделение группы «А» встретили свои ребята, улетевшие в первой группе: Изотов, Виноградов, Картофельников. Были объятия, угощение. Вместе пили афганский чай, хозяева потчевали пакистанским печеньем, вареньем. Вспоминали Москву. Тут гостей оставили и спать.

Старшему лейтенанту Сергею Кувылину в ту ночь приснился странный сон. Вроде он опять ранним утром стоит на Белорусском вокзале, только теперь уже без невесты, та же очередь на такси.

Он стал в конец. Спросил, кто последний. Глядь, оказывается, последний – майор Геннадий Зудин. Из их же группы. «Егорыч!» – обрадовался Кувылин. А Егорыч даже не обернулся. Но тут слышит Сергей – кто-то его за рукав тянет. Оглянулся – сержант: «Слышь, браток, садись без очереди». – «Да неудобно как-то...» – отвечает Кувылин. А сержант свое твердит: «Садись, говорят тебе, не в ту очередь стал».

Хотел было поспорить, мол, как не в ту, вот же Егорыч стоит, да не успел, проснулся.

Странный, право, сон. Кувылин усмехнется и забудет о нем. Вспомнит через три дня. Вечером 27-го на ступенях аминовского дворца.

«Сделаем из них циркачей»

С обстановкой их знакомили резидент КГБ в Кабуле Борис Семенович Иванов и его заместитель. Они начали с того, что в эту страну майор со своими ребятами приехал совсем не ради прекрасного горного воздуха. Командир согласился. Он знал это и без резидентов и ждал постановки конкретной задачи. Все, что произошло с ним в последние сутки с небольшим, казалось дурным сном. Ему предстояло вести людей в бой, и, как у всякого командира, возникали десятки вопросов, на которые хотелось получить ясные и исчерпывающие ответы. Но ответов не было, а были какие-то невнятные разговоры.

На пороге войны, а значит, у порога смерти, люди, которых годами готовили для выполнения сложной боевой задачи, должны принять решение. Но они оказались не готовы его принять. Они выглядели растерянными, раздавленными тяжелой ответственностью, свалившейся на их плечи.

Майор вышел из комнаты после беседы, а ощущение кошмарного сна не проходило. Он пытался процедить полученную информацию, но «цедить» было нечего. Как говорят физики, на выходе ноль. У виска бились странные фразы резидента: «Ты догадываешься, какую операцию предстоит провести?» – «Догадываюсь». – «Но твои ребята не циркачи, а там все будет на уровне цирковых трюков».

Оставалось только ответить: «Есть, товарищ генерал-лейтенант, сделаем из них циркачей. У нас еще ночь в запасе».

Да-а, вот уж расскажешь кому – не поверят. Вправду, беседа с ним была проведена на самом высоком цирковом уровне.

Резиденты ушли, а он остался со своими проблемами – вооружение, боеприпасы, питание, разведка, информация... Разве все перечислишь. Вон куртки спецназовские спрятать некуда – в посольстве шагу не дают ступить: подарите, продайте. Не продашь, так непременно украдут.

«Ну вот, пожалуй, с них и начнем», – решил майор и разослал несколько человек по посольству. Приказал обшарить все углы и закоулки, но найти надежное место для хранения обмундирования. Легко сказать – найти. Посольство небольшое, людей как селедок в бочке, свободного стула нет, не то что комнаты.

В подвале наткнулись на запертый туалет. На дверях табличка: не работает. Решили приспособить для себя. Вскрыли аккуратно, сложили

вещи, кульки, свертки, заколотили основательно, а табличку подновили, чтоб виднее было.

После боя вернулись – все цело, невредимо. Что ж, голь на выдумку хитра.

Переночевать хотели в посольстве, но, оказалось, расположиться негде. Опять погрузились в машины – и в распоряжение так называемого «мусульманского батальона». Здесь впервые с бойцами группы «А», теперь она носила кодовое название «Гром», ехали сотрудники подразделения «Зенит».

Прибыли. Отвели им казарму, которую в нашем понимании казармой даже и назвать нельзя. Здание без окон и дверей – стены да крыша. Вместо пола насыпан гравий. Прошли – пыль поднялась, будто после стада овец.

В казарме как раз командир роты «мусульманского батальона» развод заканчивал. Дав все наставления караулу, советский офицер напутствовал подчиненных: «Аллах с нами!»

Караул вышел, а сотрудники группы удивленно переглядывались. Н-да, верно говорил Федор Сухов: «Восток – дело тонкое».

Спать почти на улице, на декабрьском холоде, большого желания не было. Потому как могли благоустроили казарму: повесили плащ-палатками окно, проемы, собрали все, что могло согреть: матрацы, одеяла, куртки.

Однако холод оказался не самым страшным ночным бедствием для группы. Донимали храпуны – Баев и Зудин.

Кувылин вспоминает, что в последнюю ночь он так и не сомкнул глаз. Попал как раз между двух храпунов, такое чувство, будто с самого вечера на танке ездил.

Утром на завтрак накормили верблюжатиной. Вкусно, хотя и не доварено, да что поделаешь, высокогорье, мясо долго упревает.

Выдали афганскую форму: мягкие куртки и брюки из шинельного сукна, такие же мягкие кепочки с козырьками. Долго подбирали куртку на Алексея Баева. Шутили, мол, на таких мощных мужиков афганцы не рассчитывали. Пришлось разрезать форму на спине, иначе Баев не влезал.

Сразу же стали «обживать» форму: укрепляли карманы для гранат, автоматных магазинов, ушивали, подгоняли. Взяли у десантников удобные ранцы, определились, где будут лежать боеприпасы, а где перевязочные средства. Не глядя запустил в ранец руку, достал бинт – мелочь, но в горячке боя это очень важно.

После полной комплектации – учли все, начиная от автоматов до бронежилетов, – прикинули по весу. Оказалось 46 килограммов! В таких «доспехах» и стоять-то тяжело, не то что бегать, прыгать, вести огонь,

метать гранаты. Да еще в горах, не на учебном центре в Балашихе.

Именно потому, что не учебный центр и от каждого «пустяка» могла зависеть собственная жизнь и жизнь товарищей, навьючились до упора.

К тому времени была доведена боевая задача – штурмовать дворец Амина.

Дворец находился примерно в километре от позиции батальона. Место для дворца – лучше не придумать. От него уходило шоссе, ведущее в горы. То есть при необходимости есть путь к отходу. Метрах в пятистах – основательное здание жандармерии. Слева от дворца расположился первый батальон охраны, справа – второй. Между позициями батальонов и дворцом по три вкопанных танка. И, наконец, национальные гвардейцы – их казарма располагалась непосредственно на последнем этаже дворца.

Вечерами, а порой и ночью, если не спалось, бойцы группы «А», выйдя из казармы, подолгу глядели на сияющий огнями дворец. Все они прослужили в Комитете не один год, и прикинуть соотношение сил не представляло труда. И от прикидок становилось страшно – столь неравные были силы. 24 человека в «Громе», примерно столько же в «Зените». Плюс «мусульманский батальон». Но на него с самого начала возлагались лишь вспомогательные задачи. Значит, считай, два взвода на такую крепость.

По общему сигналу бойцы спецподразделений при поддержке десантников должны были атаковать не только дворец Амина, но еще несколько важнейших военных и административных объектов Кабула: здание Генерального штаба афганских вооруженных сил, здание министерства внутренних дел (Царандой), штаб военно-воздушных сил, тюрьму Пули-Чархи, почту и телеграф.

Иными словами, практически всю столицу Афганистана предстояло взять под контроль.

Столик для советских офицеров

Собрались два командира, два майора – Семенов и Романов, потолковали, уяснили задачу, оценили обстановку, обстановка была ни к черту – с позиций «мусульманского батальона» просматривались только серпантин дороги да дворец, с одной стороны повернутый к ним. А что там, с другой стороны? А на прилегающих высотах? Не вовсе же дураки афганцы, в наших академиях учились – значит, знают, где расположить свои подразделения. Ничего о них не было известно, хотя именно оттуда, вероятнее всего, и будут стрелять в затылок атакующим.

Чтобы найти ответы на многотрудные вопросы, есть единственный способ. Необходимо все увидеть своими глазами и, исходя из увиденного, действовать.

– Ну что, Яша, – предложил Романов, щупая окулярами бинокля аминовский дворец, – махнем в ресторан?

– Самое время, – усмехнулся Семенов, – врезать грамм по двести.

– Я серьезно, смотри, – и он указал в направлении офицерского ресторана, построенного Амином. – Если забраться туда, все как на ладони – дворец, дорога, обратная сторона дворца... Махнем, Яша?

– Махнуть-то можно, только глянь: по дороге КПП первого батальона. Оно, конечно, не единственное на пути к ресторану.

Они подняли к глазам бинокли – в окулярах поплыла знакомая картина: белые откосы, какие-то фигуры, вытопанные в снегу, металлические двери прямо в горе, редкий сад и над всем этим – громада трехэтажного дворца. Видано и перевидано не один раз, а ясности нет как нет. Что ж, надо так надо. Решили ехать.

...В «ГАЗ-66» сели вчетвером: два командира и два бойца в подмогу – Мазаев и Федосеев. Двинулись. У контрольно-пропускного пункта первого батальона их тормознули. Яша кивнул:

– Держи ухо востро. Начинается!

Разговаривать особо не стали – штык в грудь, руки вверх. Не помогли и Яшины документы, что он служит в охране Амина.

Начиналось долгое ожидание. Их держали под прицелом, никуда не докладывали. Или так казалось – возможно, отправили посыльного.

Пленники вели себя мирно, и афганцы как-то подобрели, выяснилось даже, что начальник караула учился в Советском Союзе, в сельскохозяйственном техникуме. Он вполне сносно говорил по-русски.

Попытались его основательно разговорить. Стали убеждать, мол, мы находимся в охране Амина, едем в ресторан заказать столик к Новому году для советских офицеров.

Афганец улыбался, качал в знак согласия головой, но отпускать не отпускал. Прошло часа полтора в ожидании и разговорах, наконец начальник караула, получив инструкции, приказал их пропустить.

Автомобиль медленно лез в гору, сидевшие в нем офицеры внимательно оглядывали местность. Уже позади было здание жандармерии, позиции второго батальона, дворец.

Казалось, дорога напрямую вела к ресторану и все кордоны остались за спиной. Но это только казалось. У самого ресторана их снова остановили, приказали выйти из машины. Под автоматами проводили в казарму. По дороге пленники заметили пулеметные гнезда, укрепленные позиции.

Их втокнули в небольшую комнату. У стены стояли полевые телефоны. Один из солдат с автоматом подскочил к ним и, яростно брызгая слюной, заорал, готовый разmozжить прикладом голову.

Другой, сидевший здесь же, прикрикнул, заставил отойти. Потом спросил на едва понятном русском языке: кто такие? Стали заново объяснять, будто они служат в охране Амина и едут в ресторан заказать столик для советских офицеров на Новый год.

Тот выслушал и снял трубку полевого телефона. Долго рассказывал кому-то, то и дело поглядывая на пленников. Потом он звонил еще и еще раз – шли переговоры.

Ситуация складывалась драматическая – группы оставались без командиров, а через несколько часов штурм. Но все обошлось: им принесли чай, поставили на стол вазы с инжиром, изюмом. Впервые за последний час улыбки коснулись губ афганцев. Офицер пригласил попробовать угощение.

Объяснили, что никто из них не любит сладкого, пошутил, мол, чай нам не годится, предпочитаем водочку.

Время утекало, нервы были напряжены до предела, но выход один – ждать.

И вот распоряжение – можете идти в ресторан. Дали провожатого, позвали хозяина ресторана. Объяснили ситуацию.

Хозяину спешить некогда. Какой шашлык подавать, спрашивает. Пришлось терпеливо рассказывать. Пока рассуждали о достоинствах бараньего шашлыка, поняли: надо двигаться вверх. Попросили показать, где будет стоять столик.

Сверху прекрасный обзор: виден Кабул, дворец и, что особенно

неприятно, позиции «мусульманского батальона» как на сковородке. Чтоб еще немножко задержать хозяина и лучше осмотреться, пришлось поинтересоваться посудой – вилками, ложками, фужерами, напомнить о салфетках, спросить о спиртном. Словом, сговорились. Будет вам шашлык, будет!

Распрощались, раскланялись, а на выходе опять афганцы задержали. Опять звонки, переговоры. Но вот вырвались. В машину – времени в обрез! Дорога на солнышке подтаяла, отмокла, того и гляди машина соскользнет в пропасть, но обошлось, возвратились в батальон ко времени. В 16 часов собрались на совместный инструктаж командир «Грома» и его старшие подгрупп, командир «Зенита» со своими ребятами.

Решили действовать так: «Гром» выдвигается на боевых машинах пехоты и, следуя по кольцу серпантина, выходит ко дворцу. «Зенит» на бронетранспортерах подбирается к пешеходной лестнице, преодолевает ее и соединяется у фасада с бойцами «Грома».

Одновременным ударом группы штурмуют дворец.

На группу, в которую вошли полковник Бояринов, майор Поддубный и старший лейтенант Кувылин, возлагалась задача взорвать узел связи дворца. Условный знак, по которому можно узнать своих (ведь все одеты в афганскую форму), – белая повязка на рукаве. Сигнал голосом по именам командиров групп: «Миша» – «Яша».

«В семь пятнадцать начало...»

В песне, написанной участниками тех событий, есть слова: «...В семь пятнадцать начало, сорок шесть килограмм, как сигнал прозвучало...»

Что за сигнал? И каково было начало?

Кабул. Центральный узел связи. Борис Плешкунов, «Зенит»:

– Все началось со взрыва «колодца» связи. В ходе операции Кабул был отключен от внешнего мира. Одновременно взрыв послужил сигналом к общему штурму.

В мое подчинение определили десять человек. «Колодец» связи, который нам предстояло вывести из строя, находился на людной площади. Рядом здание узла связи, пост Царандоя, через дорогу – банк, ресторан, кинотеатр. Так что в любопытствующих не было недостатка, что осложняло выполнение задачи.

Решили действовать после 19.00, когда уже наступал комендантский час и площадь пустела. Выехали на «УАЗах». Две машины остановились у ресторана, а наша подъехала вплотную к люку, который вел в «колодец».

Дождались условного сигнала – хлопнула резко закрытая дверь автомобиля. Значит, пост Царандоя на месте. Сотрудник нашей группы Хаятов, владеющий языком, ушел, чтобы отвлечь постовых.

Трое человек заслонили нас. Валерий Волх, который сам изготовил щипцы для вскрытия люка, поднял крышку, а я в рюкзаке запустил в «колодец» два мощных заряда.

В «колодце» была вода, но это не испугало: действие своих зарядов мы проверяли заранее. Взрыватель поставили на 15 минут.

Сели в машину. Окликнули Хаятова, который вошел в роль и увлеченно беседовал с постовым, угощая его сигаретами.

Через несколько минут мы уже были на вилле. Такого скорого возвращения никто не ожидал, и один из руководителей даже высказал сомнение, мол, все ли успели сделать.

Но часы уже показывали 19.15. Прозвучал мощный взрыв. Кабул лишился связи.

12 января я возвратился в Москву и прочел в «Известиях» статью под заголовком: «Народ защищает революцию». Корреспондент писал, что он ведет необычный репортаж, поскольку «бандиты провели очередную вылазку и связь со столицей Афганистана прервана».

Министерство внутренних дел (Царандой). Евгений Чудеснов,

«Гром»:

– При штурме Царандоя нам поставили задачу охранять Нур Ахмат Нура, который собирался призвать защитников министерства сдать.

Примерно в 18–18.30 к вилле «Зенита» подъехало три грузовика. В кузовах сидели солдаты и несколько бойцов «Зенита». Нура посадили в кабину, Александр Лопанов и я сели по бокам. Едем по Кабулу. Мирный город, снуют афганцы, повсюду жарятся шашлыки. До сих пор помню удивительный запах тех шашлыков. А мы едем на войну. Все три машины остановились у светофора. Он несколько раз переключился, можно двигаться, а мы стоим, ждем. Наконец двинулись. У здания МВД снова остановились, тут солдаты и «зенитововцы» выскочили из машин. Муру дали мегафон, и он стал призывать сдать оружие, кричал, что пришла законная власть.

Из окон министерства ответили автоматным огнем.

Штаб Военно-воздушных сил. Анатолий Савельев, «Гром»:

– Мне с Виктором Блиновым было поручено захватить штаб ВВС. Дали нам в помощь лейтенанта-десантника и его взвод. Пришли к нашему советнику, который находился в штабе, а тот разработал план: никакого штурма, по два человека проходят в здание, спокойно, без суеты сосредотачиваются в одном из кабинетов.

Вторая половина взвода находится на удалении и, замаскировавшись, ждет сигнала. Они разоружают внешнюю охрану, мы – внутреннюю.

Действительно, афганские солдаты даже внимания не обратили, когда в здание штаба ВВС стали время от времени входить наши десантники.

Отдельный пост полка жандармерии. Павел Климов, «Гром»:

– Я, Дмитрий Волков, двое ребят из «Зенита» и два танковых экипажа из «мусульманского батальона», по пять человек во главе с офицерами, получили задание: до начала общего штурма выдвинуться и захватить два танка, находящиеся в прямой видимости из дворца. Из них произвести несколько выстрелов по дворцу.

Погрузились в машину, подъехали к посту. По нашим данным, там должно было находиться двое часовых, оказалось – четверо. Это осложняло выполнение задачи. Но отступить нельзя.

Волков и один из «зенитовцев» вышли из машины и пошли в сторону поста, все остальные через задний борт «десантировались» и тут же залегли, спрятавшись за косогор.

Через несколько минут на посту неожиданно раздались выстрелы. Что там случилось, не знаю. Стрельбу услышали в казарме, которая

располагалась невдалеке, и мы увидели выбегающих оттуда вооруженных людей. Они поднимались вверх в гору, на господствующую высоту. Еще несколько минут, и наша цепочка, растянувшаяся на снегу, перед ними как на ладони. Танковые экипажи вступили в перестрелку, мы вдвоем с офицером из «Зенита», развернувшись в другую сторону, открыли огонь по дворцу.

Дворец Тадж-Бек. Михаил Романов, «Гром»:

– Начался штурм. Каждая из нескольких моих подгрупп двигалась на боевой машине пехоты.

Заход в район дворца предполагался с двух сторон – мы «крутимся» по серпантину, а Яша Семенов со своим «Зенитом» выходит к пешеходной лестнице, которая ведет наверх. У фасада соединяемся. Но на войне как на войне. Прорыв группы шел под ураганным огнем, загорелся бронетранспортер.

Яков Семенов, командир группы «Зенит»:

– Наша колонна – четыре БТР. Когда заговорила «Шилка», ее поддерживали пулеметы, стало ясно: игры кончились, началась война.

Я шел на первой машине. Мы успели проскочить. Второй бронетранспортер подожгли, остальные уцелели. Десантировались. А тут ад кромешный! Наша «Шилка» бьет по дворцу, снаряды скачут от стен, как резиновые. Из окон поливают... В общем, прижали нас, пришлось залечь. И поднялись, лишь когда «Шилка» подавила пулемет в одном из окон дворца.

Сергей Кувылин, «Гром»:

– Была некоторая несогласованность в действиях. Мы еще не успели отъехать, я еще двери в БМП закрывал, а «Шилка» открыла огонь. Фактор внезапности оказался потерянным.

Словом, садимся, а в машине людей битком. Все по полной выкладке, в бронежилетах. Смотрю: бежит полковник Бояринов. Я его немножко знал, когда в Высшей школе учился. Кричит: «Ребята, ребята, меня забыли! Куда мне сесть?»

А куда тут сядешь – народу как селенок в бочке. Но кое-как разместились, пришлось, правда, на пол, спиной к дверям, сесть.

– Товарищ полковник, – говорю, взяв его руку, – вот здесь кнопка, рычаг будете открывать, я не дотянусь. «Добро, добро», – отвечает. Едем. Вдруг слышу какой-то дробный стук. Думаю: двигатель, что ли, застучал? Оказывается, осколки и пули по броне. И чем дальше едем, тем больше долбят. Я потом, после боя, фальшборт на своем БМП оглядел – решето! Самое настоящее решето, дурилаг, хоть макароны отбрасывай.

Едем, вдруг остановка. Никто не знает: вылезать, не вылезать. Командир БМП, офицер из «мусульманского батальона», у которого была связь, кричит: «Сидеть!»

Михаил Романов:

– Остановка произошла из-за подбитого афганского автобуса, его пришлось объезжать. Потом была поражена наша БМП. Десантировались. Залегли и начали бой.

«Шилки», к сожалению, нам мало помогли. Их огонь накрывал незначительную часть дворца.

Лежим. Рядом со мной Эвальд Козлов, чуть дальше Саша Репин, Мазаев. Я выбрал два окна и поочередно поливаю: очередь туда, очередь сюда. Расстрелял магазин и, как рачительный командир, чтобы сберечь имущество, бросаю его в открытые двери стоящей рядом БМП. А оттуда дикий крик! Кто-то из экипажа подумал, что влетела граната. Так что трагическое и комическое и тут были рядом.

Вдруг рев двигателей, машины пошли. Мы попрыгали в них и стали прорываться ближе к центральному входу, где ребята, двигавшиеся в голове колонны, уже вели бой.

Штаб Военно-воздушных сил. Анатолий Савельев:

– Где-то около 19.30 мы разоружили внутреннюю охрану. Забрали автоматы, выставили свои посты. Советник предупредил, что у начальника штаба всегда у стола стоит гранатомет, ну конечно же, есть и личное оружие. Что касается гранатомета, то он не представлял опасности. Кто будет стрелять из гранатомета внутри помещения? Ну а пистолет – тут уж надежда на себя.

В общем, вошли мы в кабинет начальника штаба. Советник говорит: вы арестованы. Он сдал оружие. Были также разоружены все офицеры, их арестовали, посадили в комнату, взяли под охрану.

Операция прошла без единого выстрела.

Дворец Тадж-Бек. Валерий Емышев, «Гром»:

– Наша БМП остановилась на углу дворца. Мы выскочили. Перед нами дворец, освещенный прожекторами. И тут боевые машины опять газуют, задние двери захлопываются. Сесть не успеваем. Подаю команду:

– Под прикрытием БМП – вперед!

Бежим. Темно, ничего не видно, только пули свистят над головой. Две передние машины ушли вперед – первая стояла уже у центрального входа, вторая чуть ближе.

Огляделся. Остались мы вдвоем с Якушевым, Поддубный куда-то исчез. Я говорю Якушеву: «Надо пробираться к центральному входу».

Над входом во дворец – козырек, колоннада по кругу. Когда вбежали внутрь, Якушев бросился по лестнице вверх, а я направо, заглянул в дежурную комнату. Она была пуста. Коридор тоже оказался безлюден.

Вижу, Якушев поднимается по лестнице, оборачивается ко мне и кричит: «...Твою мать, что же они делают?»

А наши «Шилки» и действительно били по дворцу, по своим. Наверное, сигнал «отбой» для них не прошел.

Так вот, он крикнул и упал. Как-то медленно упал, словно не торопясь. Я даже сначала подумал, что он присел или пригнулся. Бросился к нему, и тут вдруг удар в руку, автомат на полу, сам свалился. Но помню: сознание не потерял.

Ребята говорили потом, что афганцы вниз со второго этажа гранатами нас забросали. Не могу точно сказать. Когда отрывает руку, трудно запомнить детали.

Словом, я оказался на полу и пополз к выходу. Вижу: у дверей наши сосредоточиваются. Кто-то оттащил меня, перевязал.

Сергей Кувылин:

– Когда мы выпрыгнули из БМП, грохот стоял страшный. Не понять, откуда стреляют. Казалось, со всех сторон. Смотрю, Зудин – или, как мы его звали между собой, «Егорыч» – побежал и залег у какого-то постамент. Кубообразный такой, железобетонный. Я упал напротив. Лежим с Егорычем. А дворец метрах в двадцати от нас. Как уцелели в эти первые минуты, представить трудно. Если глядеть с верхних этажей, мы просто идеальные мишени.

Быстро кончились патроны, Зудин еще один магазин подбросил. Тут, смотрю, граната падает между нами, рвется – и Егорыч за лицо схватился, а из-под пальцев кровь течет – густая, как кисель. Он головой ткнулся и затих. Я кричу: «Егорыч, Егорыч...» Приподнялся – меня как стегнет по лицу, осколками, наверное. Один потом вышел, из подбородка, маленький, как патефонная иглолка.

Тут я, признаться, растерялся. Кругом никого, сверху стреляют. Лежу один. Имел бы силы – бетон бы прогрыз и закопался.

Ближняя БМП дернулась и пошла. Прямо на меня. А триплексы разбиты, она совсем «слепая»: в барьер ткнулась и лезет дальше. Я руку поднял, автоматом машу, кричу: «Свои!» Слышу, чуть сзади Кузнецов тоже кричит: «Ты что делаешь?» Стрелять по машине – там подумают – чужие, прибавят оборотов да и раздавят.

Секунды уходят, БМП рулит на меня. А с места не сдвинуться. Чувствую, если поднимусь – голову потеряю, лежать буду – ноги

переедет. Думаю, как лучше повернуться. Если вдоль по ноге гусеницей – совсем растерзает, поперек – хоть до колен отрежет.

И тут БМП ударяется корпусом в железобетонный куб. Я автомат в руку и пытаюсь вскочить, а нога-то под гусеницей. Боюсь поглядеть на собственную ногу, но когда шевелю, она шевелится. Чудо: нога на месте, адски болит, но на месте. Ну как после этого не поверишь в судьбу?

Глеб Толстиков, «Гром»:

– Я руководил одной из подгрупп. С нами ехали четверо солдат из «мусульманского батальона». В машине у меня, кроме обычного вооружения, были лестницы, сделанные заранее. Дорога, ведущая ко дворцу, с одной стороны обрамлена высокой бетонной стеной, на нее никак не залезешь, только с помощью лестниц. Или бежать под огнем. Решили с помощью лестниц сократить путь: подставить к стене – и наверх. Держать лестницы должны были солдаты.

Так мы их и проинструктировали: как только открываются двери БМП, выскакивайте, хватайте лестницы. В жизни получилось по-другому. Подъехали, выпрыгнули, попали под огонь, и солдаты мои как упали, так и не встают, будто приморозило их к дороге. И так я и этак с ними, и кричать, и пинками поднимать. Куда там. Не встали. Короче говоря, теперь уж не помню: сами лестницы держали или под пулями бежали, но наконец оказались там, у главного входа во дворец...

Министерство внутренних дел (Царандой). Евгений Чудеснов:

– Мы стояли перед зданием Царандоя, до главного входа метров 15–20. Но с верхних этажей огонь усиливался, летели гранаты, и потому решили не испытывать судьбу. Прикрывая собой Нура, двинулись к входу, приходилось отстреливаться из пулемета. Здесь я получил контузию. Из носа и ушей пошла кровь, на некоторое время потерял ориентацию, а когда очнулся, вижу: окружающие открывают рот, что-то говорят, но не слышу, что именно.

Хотя разбираться в своем состоянии, признаться, времени не было. Ворвались в здание, определили Нура в один из кабинетов, дали ему охрану и бросились помогать нашим ребятам.

А бой переместился уже на верхние этажи. Помню, услышал крик, страшный такой, душераздирающий. Бегом туда. Оказывается, ранен в ноги совсем молодой афганец, защитник министерства. Перевязал его, а только что я бинтовал плечо нашему десантнику, такому же мальчишке. Он все рвался в бой, пришлось даже прикрикнуть, назвать свое воинское звание, чтобы слегка охладить пыл.

Дворец Тадж-Бек. Виктор Карпухин, «Гром»:

– Мы попали под жесточайший обстрел гвардейцев. Заняли позиции и на огонь ответили огнем. Так началось кровавое столкновение профессионалов.

Должен признаться, у нас не было должной психологической устойчивости. Да и откуда она? Наверное, воевать можно научиться только на войне, как бы это жестоко ни звучало. А мы привыкли видеть войну в кино, «по-киношному» она и воспринималась.

Но все пришлось увидеть наяву. Вот падает твой товарищ, взрывом ему отрывает руку, ногу, вот ранен сам, а надо действовать, расслабиться нельзя ни на секунду. Убьют.

В первые минуты боевого соприкосновения было очень тяжело. Охрана резиденции – сильная, высокообученная, отлично вооруженная. И главное, почти в четыре раза превышающая нас в живой силе. По всем воинским наукам силы обороняющихся во столько раз могут быть меньше, но никак не наступающих. Иначе атака обречена. Выходит, опрокинули мы теорию. Помогли нам мощный напор и, как ни странно, безысходность. Нас выручить уже никто не мог, тыла никакого.

Ранены были практически все. Гвардейцы отчаянно защищали дворец, мы отчаянно рвались вперед.

Сергей Кувылин:

– Остался я с одним пистолетом. А что с ним делать? Пополз к Зудину. Он лежит без сознания, но как живой, будто спит. Потрогал его – не шевелится. «Егорыч, – говорю, – если меня слышишь, вникай: вот тебе пистолет, кладу в кобуру». Руку его поднял и на кобуру положил. Взял его автомат, а сам думаю: лежать под огнем – все равно убьют. Приподнялся и поскакал на одной ноге к центральному входу. Как доскакал, почти не помню.

Правда, когда в двери проскакивал, видел Емышева. У него рука была в крови. Сидел, прижав ее к животу, бинты размотались, показалось, что он в живот ранен и кишки вывалились.

Очнулся уже в вестибюле главного входа. Ребята потом говорили, что видели меня убитым. Романов даже провел рукой по лицу и говорит: «Готов».

Карпухин рассказал, что тоже через меня как через мертвого перешагнул.

Ну а я очнулся – по полу ползаю. Сверху вестибюля круговая лестница на второй этаж ведет. Оттуда гранаты бросают, из пулеметов так и сыплют. Я отполз в сторонку, поднимаюсь, смотрю – справа коридор, наши ребята выходят, у них белые повязки на рукавах. Не разглядели меня,

что ли, или в горячке боя, один очередь в мою сторону запустил и вслед гранату. Я смотрю и думаю: «Ну вот, теперь конец». Упал за диванчик, шелком обтянутый. Не для войны диванчик, от смерти не спасет. Рвануло. Чувствую, вроде живой. Вскочил, заорал: «...вашу мать!» Впрочем, дальше выяснять отношения некогда: бой не ждет.

А тут Бояринов подбегает. У него на голове каска, а лицо кровь заливает. Руки забинтованы, тоже в крови. Пистолет у него в руке. Говорит мне: «Ну что, надо узел связи взрывать». «Теперь нас двое, пошли вдвоем». Опираясь на автомат, пошел. Хорошо, недалеко было, добрались.

Ну а там что? Как обычно: кабели, аппаратура. Шнуры повыдергивали, телефоны разбили. Бояринов говорит: «Нет, Серега, так не пойдет, давай гранатами забрасаем». Покидали туда гранаты, дверь закрыли. Рвануло как надо. И Бояринов побежал на второй этаж. Я остался перекрывать коридор. Это было за несколько минут до гибели Бояринова.

Отдельный пост полка жандармерии. Павел Климов:

– Стемнело. Мы с «зенитовцем» вели бой в стороне от общей цепи танкистов, пока к нам не прилетела граната. Видимо, кто-то подобрался на дистанцию броска и из-за косогора запустил гранату. Помню взрыв и состояние оцепенения, когда не знаешь: жив ты или мертв?

Граната разорвалась, наверное, в метре от наших ног. У соседа ранение в горло, и у меня осколки пошли в ноги, руки, в грудь, живот. Состояние было тяжелое: голова гудит, ног-рук не чувую. Сознание то уходило, то возвращалось.

По плану операции с начала штурма к нам должны были подойти БТРы. Они подошли, подбежали солдаты, спрашивают: «Что у вас?» А я как-то даже не понял, что ранен. Отвечаю: «Сосед ранен, меня контузило». Но чувствую, руки уже какие-то чужие, не работают. Говорю солдату: «Оружие мое возьми». Он взял, все вертел бесшумный пистолет, удивленно разглядывал.

Потом подошел другой военный, возможно, офицер, тоже спросил, как дела. Я ответил, мол, ничего. Но ребята теперь не поверили, стали перевязывать, и тут я вновь потерял сознание.

Дворец Тадж-Бек. Валерий Емышев:

– Не помню, сколько времени прошло, я уже был в БМП, когда солдат открыл дверку и говорит: «Пойдемте, там медпункт открыли».

Поднял меня солдат под мышки, поковыляли. Медпункт открыли в одной из угловых комнат дворца, там прислуга, кажется, жила, а поводырь перепутал дорогу и потащил меня к центральному входу.

Зашли внутрь, темно, опять та же лестница, где Якушева убило. Стрельба, гранаты бухают. «Э, парень, – говорю, – куда ты меня привел, я уже здесь был».

Потащились назад, нашли медпункт. Наша женщина-врач сразу уложила меня, поставила капельницу. Я выпил графин воды. Лежу под капельницей, вроде чуточку полегчало. «Эх, закурить бы еще». Она говорит: «Подожди, еще накуришься».

Ну а после оказалось не до курева.

Смотрю, приносят Бояринова. Я его знал, поскольку в Высшей школе КГБ учился. Койка моя рядом, повернул голову, смотрю, а Григория Ивановича не узнать, все лицо в крови. Доктор подошел, пощупал пульс, склонился, постоял, потом накрыл простыней...

Вот и все. Убили солдата.

«Тогда считать мы стали раны»

Дворец Тадж-Бек, Эвальд Козлов:

– Вообще, впечатления от событий, восприятие действительности в бою и в мирной жизни очень разнятся. Года через два, в спокойной обстановке, вместе с генералом Грозовым я ходил по дворцу.

Все выглядит по-другому, совсем иначе, чем тогда.

В декабре 1979 года мне казалось, что мы преодолевали какие-то бесконечные потемкинские лестницы, а оказалось – там лесенка узенькая, как в подъезде обычного дома. Как мы всемером шли по ней – непонятно. И, главное, остались живы.

Так случилось, что я шел в бой без каски и бронежилета. Теперь жутко представить. А в тот день и не вспомнили. Казалось, внутри я опустел, все было вытеснено и занято одним стремлением – выполнить задачу. Даже шум боя, крики людей воспринимались иначе, чем обычно. Все во мне работало только на бой, и в бою я должен был победить.

Сергей Кувылин:

– Я перекрывал коридор. В конце его – металлическая винтовая лестница. По ней наши ребята не должны были идти, но я на всякий случай кричал: «Миша!» Это наш условный сигнал.

Спустя некоторое время прибежали Карпухин с Берлевым. Берлев остался со мной, залег в противоположном конце коридора, а Карпухин поднялся на второй этаж. Там по-прежнему шел бой.

Николай Берлев:

– Ребята, проскочив на второй этаж, распахивали двери и бросали в кабинеты гранаты. Они уже прошли по коридору вперед, когда сзади них в коридор выскочил Амин – в адидасовских трусах и в маечке. Думаю, он уже был смертельно ранен.

Когда закончился бой, ко мне подбежал Сарвари, весь дрожит, трясется: «Пойдем, посмотрим Амина». Поднялись наверх, посмотрели: да, действительно убит. Сарвари обрадовался, руками начал размахивать. Подбежал к пленным афганцам, что-то возбужденно тараторит. Все, он совершил переворот, он герой! А ведь и Сарвари, и Гулябзой в бою не участвовали, сидели в БМП, невозможно было вытащить никакой силой.

Нам с Карпухиным пришлось еще разыскивать во дворце начальника гвардии, майора Джандата, того самого, который предал Тараки. Именно Джандат отдал приказ об уничтожении руководителя страны, что и

исполнили офицеры гвардии.

Помнится, заглядываем в одну комнату, в другую. Показалось: шевельнулась штора. Отодвинул ее стволом автомата и вижу перед собой начальника гвардии.

– Витя! – кричу Карпухину. – Джандат!

– Я врач, врач! – испуганно орет человек, похожий на Джандата.

Вправду оказался врачом, потом внизу помогал раненым.

А ранены были практически все. Емышеву оторвало руку, у Алексея Баява прострелена шея, Кузнецов получил серьезное ранение в ногу. Коле Швачко осколок попал в зрачок глаза. У Сергея Голова девять пулевых и осколочных ранений.

Я, когда улетал из Москвы, бросил в рюкзак две бутылки водки. Закончился бой, говорю Карпухину: «Виктор, пойдем выпьем». Он даже не поверил: «Да ты что?» Хвать рюкзачок, а водку-то сперли. Я понял кто. Прижали одного, другого сержанта из «мусульманского батальона» – те вернули. Выпили за окончание боя, афганцам налили, врачу, которого приняли за Джандата.

Ну посидели, поговорили, вдруг слышим: щелк! А в тишине после боя хорошо слышно. Такое впечатление, будто кто-то холостой спуск сделал. Пошли, открыли лифт, а там раненый афганец. Взяли его автомат – действительно, ни одного патрона. Вот почему мы с Виктором в живых остались – будь у него патроны, срезал бы одной очередью. Улыбнулась, стало быть, судьба.

Кстати, не один раз улыбнулась. Когда я бежал по коридору, пуля разбила магазин автомата. Патроны рассыпались. По сути безоружный, стою на коленях, собираю патроны. На счастье, рядом Сережка Кувылин оказался: «Дед, что случилось?» – И рожок мне свой дает. Только я взял, смотрю: из дверей вылетает гвардеец. На долю секунды его опередил.

Сейчас музей организовали, лежит на стенде мой разбитый магазин. Считайте, дважды я с ним умирал и дважды рождался.

Яков Семенов:

– Бой был тяжелый. И последующая ночь прошла в перестрелке. Из моих ребят отличились Володя Рязанцев из Смоленска, Дроздов, Быковский. Многие оказались ранены, контужены. Сказать, что все ребята были смельчаки, герои – не могу. Кто-то шел вперед, кто-то держался сзади.

Отдельный пост полка жандармерии. Павел Климов:

– Очнулся в очередной раз. Идет бой, лежу на земле, вокруг никого нет, все ушли. Встал, смог еще встать. Помню, что где-то здесь должны

быть наши бронетранспортеры. К ним и пошел.

Меня сильно знобило. Позже сказали врачи, что потерял три литра крови. Кое-как добрался до боевых машин и солдатам говорю: «Плохо мне, ребята!» Меня в машину положили, там труба горячая, ноги поставил, а руки заледеневшие солдат согревал своим дыханием. Сидел все время со мной и дышал на руки. После я отключился надолго. Пришел в себя на минутку, уже в медсанбате, кто-то спрашивает: «Пить хочешь? Каши хочешь?» – «Хочу!» Глотаю, а пищевод-то пробит, снова шок, отключаюсь.

В посольстве на минутку очнулся, когда вливали кровь. А потом, в Ташкенте, не могли носилки вытащить со мной, так я решил сам подняться, помочь.

Штаб Военно-воздушных сил. Анатолий Савельев:

– Прошел уже час с небольшим, совсем стемнело, все стихло. Мы решили, что стрелять некому, все арестованы, однако ошиблись. Вблизи штаба располагалась курсантская казарма, оттуда и открыли огонь. Выстрелом из гранатомета прошили броню нашей бээмдэшки, которая стояла у штаба. Погиб молодой солдат-десантник. Здесь я в первый раз увидел смерть в бою, залитый кровью комсомольский билет.

Старались на выстрелы не отвечать. Заставили начальника штаба ихних ВВС соединиться с курсантским подразделением и отдать команду о прекращении огня.

Правда, пока вели переговоры, сами чуть не погибли. В кабинет начштаба влетела граната, но Бог миловал.

Курсанты же вскоре стрельбу прекратили.

Дворец Тадж-Бек. Сергей Кувылин:

– Когда все закончилось, вышли из дворца. Михаил Михайлович смотрит на меня, будто я с того света вернулся: «Ой, Серега, ты живой!»

Потом нас увезли в медсанбат, который был устроен в прежней казарме. Меня положили на кровать, нога распухла, ботинок пришлось разрезать.

Принесли Пашу Климова. Он лежит, ноги к животу прижимает: пить, пить... Смотрю: солдат тащит ему воду в кружке. Спрашиваю, куда он ранен? Оказывается, в живот. Что ж ты ему воду суешь, он умрет сразу. Дошло. Намочил вату, потер Паше губы.

Валерий Емышев:

– Еще во дворце доктор наложил мне на руку жгут. Пока ехали в медсанбат, я все терпел, а потом вытащил нож и разрезал резинку.

Приехали. Меня в операционную, перед лицом какую-то тряпицу повесили, чтобы не испугать. Осмотрел меня хирург, потом, вижу, кивнул медбрату. Все ясно, думаю, будут убирать остатки. Отрезали руку и в тазик бросили.

А вечером эвакуировали в посольство. Там я бутылки три пепси-колы залпом выпил и отключился. Утром проснулся, нас уже готовят к эвакуации в Союз.

Виктор Карпухин:

– В посольстве к нам отнеслись необыкновенно тепло. Дарили цветы, без конца кормили. Семьи сотрудников посольства отдавали все: одеяла, теплую одежду. Уверен, будь у них тогда последний кусок хлеба – отдали бы и его.

Право же, чудно сказать, что поехали мы туда, дабы приобрести лишние дырки в теле, лишиться рук, ног, стать инвалидами. Ведь тогда нам никто ни копейки ни за что не платил. Говорили, мол, все в интересах Родины. Вспомните, будьте честны перед собственной совестью, многие ли в том, 1979-м, году думали иначе? Ну а сегодня мы, конечно, поумнели – крепки задним умом.

Штаб Военно-воздушных сил. Анатолий Савельев:

– Среди ночи к нам приходит сообщение: танки прут на штаб! Я у лейтенанта-десантника спрашиваю: «Что будем делать?» Он задумался: «Знаешь, если танки вырвутся на летное поле, мы их не остановим. Там у нас всего три БМП. Давай машины выдвигать вперед, перекроем улицу. Она не широкая, это нам на руку. Пойдут – станем бить».

Майор-советник слушал-слушал наши аргументы, а потом говорит: «А откуда здесь танки? Не могут тут находиться афганские танки».

Мы с ним в машину – и вперед. Темно. Ночь. Видим, действительно танки идут. А кто их разберет – наши они или афганские? Майор выскочил из машины и навстречу колонне. На переднем танке командир в башне, по-походному. Остановилась колонна. Советник спрашивает: «Ты куда рулишь, воин?» Тот назвал точку. «Так это же в обратную сторону», – смеется майор. Оказалось, карты Кабула у них не было, города не знают. Им дали точку, они и прут. Запутали, всех переполошили.

Но, как видите, все окончилось благополучно. Спасибо майору.

Михаил Романов:

– Что скрывать, была радость победы и тут же, рядом, самое страшное потрясение в жизни – следовало опознать тела погибших товарищей. Мы поехали вместе с Яшей Семеновым и Эвальдом Козловым.

Я с трудом опознал Волкова, Зудина... После увиденного не хотелось жить, а не то что опять брать в руки автомат. Но надо было возвращаться во дворец, там уже организовали оборону. И, как показала предстоящая ночь, вовсе не зря.

Всю ночь нас обстреливали танки, били прямой наводкой. Где-то ближе к утру генерал Дроздов поднял нас командой: «Приготовиться к бою, к отражению атаки!» Километрах в десяти-двенадцати располагалась так называемая «голубая дивизия» Амина. Она-то и поднялась в атаку.

Что делать? Боеприпасов оставалось совсем немного, люди выбились из сил. Вертолеты ночью не летают. Словом, помочь некому, висим на волоске. Да еще у нашей радиостанции аккумуляторы повреждены. Хоть и очень хотелось бы связаться с командованием, координаты дать, – не связались бы. Так прошла ночь.

Утром слышим гул. Уже при ясном небе видим самолеты. Витебская десантная дивизия заходила на посадку в Баграме. Молили об одном: чтоб успели.

Сергей Кувылин:

– В посольстве нас сразу перевязали – и на рентген. У меня осколки оказались в ноге и в руке, в горле. Кровь шла изо рта. Но я не придавал этому значения, думал – прикусил что-то там. А потом оказалось – пробило щитовидку и в трахее застрял мелкий осколок.

Лишь недавно, через двенадцать лет, мне его вынули.

В посольстве положили нас в коридоре, отношение было очень хорошее. Женщины помогали – жены работников посольства. Накормили нас, сигаретами снабдили. До рассвета некоторые ребята с тяжелыми ранениями не дотянули – вынесли одного, другого.

А утром всех в автобус – и в аэропорт. По улице продвигаемся, смотрим, кто с афганским флагом на танке едет, кто – с белым. Где свои, где чужие? Будут стрелять – не будут? Всюду вооруженные автоматами афганцы. Наш водитель то и дело из окна автобуса белым полотенцем машет. В общем, доехали до аэропорта, а там в самолет и курсом на Ташкент.

Министерство внутренних дел (Царандой). Евгений Чудеснов:

– Ночь мы провели в захваченном здании. Под утро, часов около трех-четырех, по радио выступил Бабрак Кармаль. Нур сосредоточенно и очень внимательно слушал речь теперь уже, как было объявлено, Генерального секретаря ЦК НДПА.

А утром вместе с Нуром я ездил на узел связи и там впервые узнал

страшную весть: погибли Гена Зудин и Волков.

Дворец Тадж-Бек. Глеб Толстиков:

– После взятия резиденции Амина, когда увезли убитых и раненых, мы ночь еще воевали. Утром все стихло.

Удивительное было утро: свежее, ясное, воздух такой, что дышишь – и надышаться не можешь. А главное, все поверили в то, что кончился этот кошмар.

Я вышел из дворца, встал у колоннады, щурился на солнышко. Вдруг – очередь. Резко, пронзительно – та-та-та! Офицер, молодой парнишка, не помню – десантник ли он или из «мусульманского батальона» – схватился за живот и падает, гаснет. И не понять, откуда стреляли. Я подхватил его, паренька перевязали, отправили в медсанбат. Не знаю дальнейшую его судьбу, хочется верить, что выжил.

Вот таким я запомнил то утро – первое утро афганской войны...

Утро долгой войны

После штурма дворца Амина в госпиталь, где лежали раненые бойцы «Альфы» и «Зенита», приехал посол Советского Союза в Афганистане Фикрят Табеев.

Справа лежал Сергей Голов с девятью ранениями, слева Николай Швачко. Посередине командир с больными почками корчился. Услышали они, словно прошелестело: «посол, посол...»

Табеев склонился над командиром группы:

– Ты меня видишь, сынок?

– Вижу...

– Слышишь?

– Слышу...

– Спасибо тебе и парням твоим. Сделали все четко. Ни одна разведка в мире понять не может, кто и какими силами провел операцию. Потом у вас будут ордена, медали. Но не это важно. Главное в жизни вы уже совершили. Запомни, что я сказал...

Так как же была совершена эта поистине беспрецедентная операция?

По этому поводу в нашей печати было много выдумок и откровенной лжи, и потому начать свое повествование я хотел бы словами генерала **Юрия Ивановича Дроздова**, который непосредственно руководил той операцией. Лучше него о событиях декабря 1979 года в Афганистане не знает никто.

«...27 декабря 1979 года я и В. В. Колесник (полковник ГРУ. – Прим. авт.) в полдень еще раз зашли каждый к своему руководству. Б. С. Иванов связался с Центром, доложил, что все готово. Потом он протянул трубку радиотелефона мне. Говорил Ю. В. Андропов.

– Ты сам пойдешь? – спросил он. Я отвечал утвердительно. – Зря не рискуй, думай о своей безопасности и береги людей.

В район расположения «мусульманского батальона» ехали молча, каждый думал о своем.

Пообедали и в середине дня... еще раз обошли исходные позиции батальона.

...Вместе с Колесником решили собрать всех командиров рот, штурмовых групп и подразделений огневой поддержки в моей комнате на втором этаже.

Как старшему по званию В. В. Колесник предложил мне открыть

совещание. В своем кратком выступлении я дал политическую оценку обстановки, раскрыл общую поставленную задачу, дал оценку сил и средств противника и основного объекта, нашего положения, соотношения сил и средств, общее распределение сил и средств «мусульманского батальона». После этого В. В. Колесник отдал боевой приказ подразделениям, перечислив для каждого конкретные задачи.

Когда говорил В. В. Колесник, я внимательно смотрел на лица офицеров. Все разные, собранные, немного напряженные. В каждом чувствовались дисциплина и воля».

Началось с того, что группа бойцов «Зенита» выехала на площадь рядом с городским узлом связи. Площадь была довольно людной: тут располагались банк, ресторан, кинотеатр, находился постоянный пост Царандоя.

И потому решили действовать после девятнадцати часов, когда наступал комендантский час и площадь пустела.

Выехали на трех «УАЗах». Две машины оставили у ресторана, одна остановилась на площади, у того моста, где располагается «колодец связи». Это был тот самый «колодец», взорвав который, можно «отрубить» всю связь Кабула с внешним миром.

Потом одна из центральных газет в Москве так и напишет: «бандиты провели очередную вылазку, и связь со столицей Афганистана прервана».

Словом, бойцы открыли люк, и Борис Плешкунов опустил в «колодец» мощные заряды. Взрыватель должен был сработать через четверть часа.

Бойцы успели возвратиться на базу, и в назначенное время прозвучал взрыв. Он и стал для всех сигналом к действию.

В штабе ВВС, где действовали «альфовцы» Савельев и Блинов, началось разоружение охраны и арест начальника штаба, у здания МВД (Царандоя) из машин выскочили «зенитовцы» и десантники и бросились на штурм.

К тому времени «Альфа» уже понесла первые потери. Погиб Дмитрий Волков, спортсмен, стрелок. Он был убит у одного из постов афганской жандармерии.

Здесь же получил тяжелое ранение и Павел Климов.

Но главные дела вершились у дворца Амина. Группа «Гром» на боевых машинах должна была подняться по «серпантину» вверх, а бойцы Семенова на БТРах выходят к пешеходной лестнице. У фасада соединяются. Но жизнь часто вносит свои коррективы. Так было и в этот раз. Наступление «семеновцев» шло под ураганным огнем, подбили бронетранспортер. Пришлось залечь. Головы поднять удалось лишь тогда,

когда наша «Шилка» подавила пулемет в окне дворца.

Останавливаться под огнем пришлось и группе «Гром». Объезжали подбитый афганский автобус, потом была поражена наша боевая машина. Пришлось десантироваться, залечь, открыть огонь по дворцу.

Но БМП под номером тридцать шесть уже удалось прорваться к дворцу. Карпухин, Коломиец, Гришин, Плюснин вошли во дворец и завязали бой.

В это время Кувылин и Зудин залегли метрах в двадцати от дворца. Позиция была опасная – бойцы словно на ладони. Взрывом гранаты, брошенной из дворца, ранен Геннадий Зудин.

Несколькими солдатами руководил боец группы «А» Глеб Толстиков. У них кроме автоматов были лестницы. Дорога, ведущая к дворцу, с одной стороны была обрамлена высокой бетонной стеной. Без лестницы не залезешь.

Планировалось, что при десантировании из БМП солдаты хватают лестницы и вперед, на штурм. На деле вышло иначе. Выпрыгнули, попали под огонь, залегли, и их словно приморозило. Пришлось Толстикову где криком, где пинками поднимать солдат. Кое-как поднял, добежали до дворца.

Грохот вокруг стоял «зверский», как выразился потом один из бойцов подразделения «А». За две минуты боя из 24 человек группы «Гром» 13 ранено.

Но бой уже гремел на первом этаже.

Вспоминает генерал Юрий Иванович Дроздов:

– Когда штурмовые группы разведчиков-диверсантов ворвались во дворец и устремились к своим объектам внутри здания, встречая сильный огонь охраны, участвовавшие в штурме спецназовцы «мусульманского батальона» создали жесткое непроницаемое огневое кольцо вокруг объекта, уничтожая все, что оказывало сопротивление. Без этой помощи потерь было бы много больше. Ночной бой, бой в здании требует теснейшего взаимодействия и не признает выделения каких-либо ведомств».

В здании Царандоя Чудеснов вместе с десантниками тоже вел бой. Они определили Нура в один из кабинетов, выставили охрану и двинулись на «зачистку» этажей.

В первые минуты огневого соприкосновения с хорошо подготовленной охраной дворца Амина было очень тяжело. Тем более охрана значительно превосходила в живой силе штурмующих. По всем тактическим канонам такая атака обречена. Но вышло иначе.

В это время Григорий Бояринов и Сергей Кувылин должны были выполнить еще одну задачу: взорвать узел связи дворца. Они повыдергивали шнуры, разбили телефоны и забросали узел гранатами.

Бояринов побежал на второй этаж, а Кувылин остался прикрывать коридор. Это было за несколько минут до гибели полковника Бояринова. Позже его найдут убитого на выходе из дворца.

Группа в составе Эвальда Козлова, Сергея Голова, Михаила Соболева, Плюснина, Гришина, Филимонова прорвалась на второй этаж. Их поддерживали «семеновские» бойцы. По звуку автоматов пытались определить, где свои, а где чужие. Гранату бросили вперед и шли за взрывом. Мешали только большие стеклянные двери без обрамления. В темноте не видно. Гранату метает, а она возвращается под ноги.

В кабинетах, залах искали Амина, начальника гвардии майора Джандата, по приказу которого задушили Тараки.

Бой был тяжелый, ожесточенный. Емышеву оторвало руку, у Баева была прострелена шея. Кузнецов получил серьезное ранение в ногу, осколок попал Николаю Швачко в глаз. Но победа оказалась за нами.

Все группы и в захваченном дворце Амина, и в зданиях Царандоя, и в штабе ВВС провели беспокойные, бессонные ночи.

Так, в штаб ВВС в полночь пришло сообщение: колонна афганских танков движется на штаб. А там на охране всего три БМП. Стали думать-гадать, как организовать оборону.

Выручил опытный, толковый наш майор-советник. Он и усомнился, мол, откуда здесь танки?

Савельев вместе с майором выехали навстречу колонне. Оказалось, танки были советские. Заблудились и прут в обратную сторону. Пришлось охладить горячие головы танкистов.

Группа Чудеснова провела ночь в здании Царандоя. Под утро по радио выступал Бабрак Кармаль.

Во дворце утро пришлось встретить по команде генерала Дроздова: «Приготовиться к бою! К отражению атаки». Были данные: поднялась танковая дивизия Амина и двинулась на дворец.

А когда рассвело, бойцы увидели самолеты: на аэродром в Баграме высаживалась Витебская десантная дивизия.

Операция завершилась. Начиналась долгая девятилетняя война.

Вспоминает генерал Юрий Иванович Дроздов:

– В тот же день, в канун Нового, 1980 года (речь идет о 29 декабря, после возвращения из Кабула. – Прим. авт.), я попросил жену поехать со мной на Манежную площадь к Вечному огню. Падал редкий снежок.

Кругом гудела предновогодняя Москва, узнавшая об афганских событиях из скудного сообщения по радио. Ее, как и всей страны, будни еще не были омрачены похоронками, порой опережавшими «Черные тюльпаны». Мы положили к Вечному огню несколько ярких гвоздик, помолчали и так же молча пошли домой.

...Пройдут годы. Многое изменится в судьбах тех, кто штурмовал дворец Амина. Изменится и взгляд на Афганистан, на ту войну. Неизменным, святым останется кровь, пролитая на ступенях дворца.

Лавры героя

28 декабря в московском кабинете заместителя начальника группы «А» Ивона раздался звонок:

– Здравствуй, Роберт Петрович. Это Коваленко из «Склифосовского». Мы собираем группу врачей. Наверное, профессор Каньшин ее возглавит. Он – светило в гнойной хирургии. За тобой самолет.

Ивон потерял дар речи. Коваленко он знал хорошо. Не врач, а бог в своем деле. Ребят лечил, да и его самого, когда повредил ногу на парашютных прыжках. Но откуда суперсекретная операция КГБ стала известна в «Склифе»? Роберта Петровича прошиб холодный пот: он, как никто другой, понимал, чем это пахнет.

– Ты откуда знаешь, Игорь Леонидович?

– Успокойся, я ничего не знаю и знать не хочу, что там случилось. Берлев с места событий позвонил, много серьезных ранений. Ты что, Роберт, хочешь своих ребят отдать в руки комитетских костоломов? Беги, докладывай начальству, выбивай самолет.

Ивон доложил по команде. Зампред генерал Пирожков вышел из себя. Разглашена государственная тайна! Какому-то врачу чуть ли не по прямому проводу о потерях и раненых докладывает майор КГБ. «У нас что, в Комитете врачей не хватает?! – кричал генерал. – Не хватит – возьмем в Министерстве обороны и заставим их закрыть рот покрепче. Люди в погонах поймут. А тут какой-то Коваленко из «Склифа». Здравствуй, я ваша тетя! Тоже мне, светило медицинской науки, спаситель! – И добавил: – Ладно, вернутся – спросим с этих героев».

Зампред снял трубку прямого телефона, доложил обстановку Андропову.

Юрий Владимирович насчет государственной тайны не вспоминал, велел подготовить самолет, оказать всяческую помощь медикам и проявить внимание.

Второго января, почти одновременно из Москвы и Ленинграда, вылетели два самолета: оба держали курс на Ташкент. В первом летели профессор Каньшин, Коваленко с группой врачей своего института, во втором – специалисты Военно-медицинской академии.

А несколькими днями раньше в Ташкент из Кабула вылетали раненые участники штурма дворца. Их выносили из посольства и укладывали в санитарные машины со всеми мерами предосторожности, накрыв

предварительно матрацами. Машины до аэропорта сопровождал бронетранспортер. В них больше не стреляли.

В передний салон самолета положили «тяжелых» – Емышева без руки, Федосеева, Кувылина, Кузнецова, раненных в ноги, Климова, раненного в живот. Перед отлетом сделали уколы, боль слегка поутихла, и Сергей Кувылин пытался уснуть. Уходили в прошлое рев «Шилок», свист пуль, стоны раненых в медсанбате. Рядом с ним, через проход, лежал Кузнецов.

Кувылин услышал сквозь дрему, как кто-то, склонившись над Кузнецовым, сказал:

– Ну как ты, Гена? Ничего, держись. А мы узел связи распотрошили. Все нормально. Взорвали, да и дело с концом.

Сергей удивился: кто это там узел «потрошил»? Голос незнакомый, со спины человека не узнать. Может, Бояринов воскрес? Кроме него и Бояринова, на узле никого не было.

– Слышь, а когда ты узел взрывал?

Склонившийся над Кузнецовым чуть повернул голову:

– Утром, когда рассвело.

– Так тогда его надо было уже восстанавливать.

– А ты кто?

– Я как раз из тех, кто узел уничтожил.

Тот поднялся с колен и, не оглядываясь, вышел, скрылся в другом салоне. Кувылин слушал, как гудят двигатели, и думал. Нет, не лавры героя его беспокоили. Он впервые задумался о том, что станет с ними, когда вернутся в Союз, в Москву. По-старому не будет. Жизнь их изменится. Но как?..

Павел Климов попал в руки профессора Каньшина, и он буквально вытянул мужика с того света. Емышев с Федосеевым оказались в хирургии. На первом же осмотре Емышев увидел из-под халата доктора генеральские лампасы, удивился. А после долгого осмотра комиссией, кивнув на собственную культю, брякнул, явно обидев медиков:

– Ну что, ребята, пишите диссертации?

Доктора притихли, а генерал нахмурил брови:

– Мы не диссертации сюда приехали писать, а лечить.

А, пожалуй, зря обиделись, ведь его культя стала как бы первым практическим пособием для будущих врачей афганской войны. Часто ли им приходилось видеть тогда, в 1979-м, подобные огнестрельные ранения? Отечественная война закончилась почти тридцать пять лет назад – несколько поколений медиков учили военно-полевую хирургию лишь по учебникам. А тут все как на войне. Не хотел майор Емышев обидеть

генерала, да вышло нескладно. Хотя, может быть, кто-то и защитил диссертацию на их ранах – первых ранах афганской войны.

Шутил майор, а сам мучительно думал, как жить дальше. Правая рука оторвана: ни писать, ни коробок спичек взять, чтоб сигарету самому прикурить. Вспомнился и Маресьев, и преподаватель в их Высшей школе КГБ Ларин, который без ног и без одной руки машину водил. Пример – дело хорошее, но каждый свое горе хлебает в одиночку. И тут никто не мог помочь Валерию Петровичу, эту дорогу ему предстояло пройти самому.

...Новый 1980 год они встречали в Ташкенте. В госпиталь с утра приехали ребята из Комитета республики, привезли угощения, поделились слухами. Говорят, всем, кто ранен, – Героя, остальным ордена Ленина.

Позже, к вечеру, поступили новые данные, самые последние, уточненные. Привез их вместе с шампанским и фруктами веселый узбек, начальник отдела ташкентского УКГБ. Клялся, что выведал их от первых лиц Узбекистана, а те уж, знамо дело, из Москвы. «В общем, мужики, – смеялся узбек, распахивая по тумбочкам груши, яблоки, хурму, – пятерым или шестерым – Героя Советского Союза, всем другим – Ленина и Красного Знамени».

Так нежданно-негаданно даже для себя самих они стали Героями. В Москве их встречали радушно, но руководство было в растерянности. Отправляли на обычное задание – посольство охранять, а случилось по тем временам уму непостижимое: считай, всем поголовно ордена, да какие! О которых иной чекист, и не один десяток лет пропахав, не мечтал, – Красного Знамени, Ленина. И прошло-то совсем ничего – неделя. Что касается убитых, тут единодушие было общее – наградить надо. Убитым не завидовал никто. Вот с живыми сложнее.

Тем не менее представления готовились, писались, переписывались. Потом бумаги ушли куда-то по команде, и наступило затишье. Казалось, и не было 27 декабря, Кабула, дворца Амина.

«Мы принесли с собой...»

Подтвердилось пророчество посла по поводу орденов. Долго, как колоду, тасовали списки представленных к наградам.

28 апреля 1980 года вышел Указ Президиума Верховного Совета СССР, которым за успешное выполнение специального задания Советского правительства и проявленные при этом мужество и героизм звание Героя Советского Союза было присвоено:

- Бояринову Григорию Ивановичу (посмертно),
- Карпухину Виктору Федоровичу,
- Козлову Эвальду Григорьевичу.

Золотая Звезда за № 11431 была вручена семье полковника Бояринова. Он навсегда останется в нашей истории первым Героем афганской войны.

Карпухин и Козлов получают свои звезды в Кремле 21 мая 1980 года из рук первого заместителя Председателя Президиума Верховного Совета СССР Василия Васильевича Кузнецова. Вместе с ними ордена Ленина будут вручены Романову, Голову и Полякову.

Вручение наград в Кремле – дело хлопотное. В первую очередь для тех, кому вручают. Как шутили в «Альфе», ребята волновались не меньше, чем при штурме дворца. А уж инструктировали их до посинения: руку не жать, вопросов не задавать, не обнимать, не целовать. Спасибо, что дышать разрешили. Отчего же такие страсти?

Оказывается, награды вручить собирался сам генсек Леонид Ильич Брежнев.

Дату награждения несколько раз переносили и наконец сообщили: Брежнева не будет. Его заменит Кузнецов. Опять новый инструктаж, ведь Василий Васильевич древнее своего шефа. Главная задача – не переборщить с рукопожатием.

Наступило 21 мая. Великолепная пятерка собралась в Кремле. В гардеробе сдали плащи. В холле женщина средних лет приветливо, по-хозяйски улыбнулась.

Огляделись. Тихо. Торжественно. На столиках фруктовая вода, сигареты. Заглянули в зал – там ни души.

Томились недолго, ровно в назначенный час их пригласили в зал, который по-прежнему выглядел пустым: прибавилось несколько стульев да массивный стол с золочеными резными ножками. Рядом со столом микрофон. Кузнецов поздравил с наградой, вручил ордена, золотые звезды.

Награжденные, как принято, благодарили партию и правительство. Виктор Федорович Карпухин от волнения забыл сказать заготовленные заранее слова, ему разрешили еще раз подойти к микрофону. Пока он шел, что-то пошутил, мол, воевать хорошо умеет, а говорить не очень.

После церемонии снова вышли в холл. «Может, сфотографироваться?» – предложил Козлов. «Нежелательно», – тихо, но требовательно сказал сопровождавший их заместитель председателя Комитета Василий Лежепеков.

И все-таки в такой день решили послушаться начальство: сделали несколько кадров. Фотографий, которых Лежепеков советовал не делать, так и не получили, а вот снимков, где Василий Васильевич руку жал, дождались. Правда, через несколько лет.

Секретарь Президиума Верховного Совета Михаил Георгадзе восхищался: «Эх, какие ребята, настоящие богатыри, с вами бы по бокалу шампанского выпить. Такие награды! Но, извините, – смущенно разводил он руками, – в Президиуме денег нет. Все на послов да на приемы, обеды званные расходуется».

«Ничего, – успокоил Сергей Голов секретаря Президиума Георгадзе, – мы догадывались, поэтому с собой принесли». Хотелось только добавить: «Принесли, зная вас, му...ков».

Когда Георгадзе ушел и остались только свои, зампреды Лежепеков и Кирпиченко дали добро на заслуженную рюмку водки. Но предупредили: дома никому ни слова. «Плетите все что угодно про свои награды, кроме правды. Это государственная тайна».

Заслуженную рюмку пить дома под одеялом не хотелось. Заказали столик в ресторане «Прага». Приехали в пять часов и попали как раз в перерыв. Не пускают. Что ж, пока перекурили. Люди все прибывают. Молодые ребята на входе шумят, свадьба подкатила на черных «Волгах». Время к открытию. Прошли к гардеробу, скинули плащи. У одного Золотая Звезда на лацкане, у другого, у третьего – орден Ленина. Молодежь притихла, разинула рты от удивления. Деды-гардеробщики привстали: «Ребята, да где же вы столько набрали? Откуда, сынки?»

Окружили, охают, восхищаются, глаза горят, подбежала девушка-невеста, орден потрогать просит. Оказывается, народ встречает своих героев не так, как кремлевские филины. И тепла у людей хватает, и добросердечия, и искренности.

Поднялись наверх. А по дороге, чтоб не было лишних вопросов, награды сняли. Встретил официант Коля. Попросили его сделать праздник, но без шума, посторонних и рекламы. Мол, мы ребята тихие, скромные,

один из Анголы вернулся, другой... Словом, запудрили Коле мозги. Тот накрыл стол и вышел. Ну а традиция есть традиция.

Налили бокалы, ордена и звезды опустили в шампанское. Встали. В это время Коля вошел, закуску принес. Вошел и остолбенел. Рядом, по соседству, двадцать человек медаль «За трудовую доблесть» обмывают, а тут впятером две геройские Звезды и три ордена Ленина. Страна чудес!

Пригласили Колю: выпей с нами, считай, с того света вернулись. Официант молча опрокинул рюмку, вопросов не задавал. На этом семейный, в узком кругу, ужин и закончился. Коля притащил друга. Извинился, мол, простите, ребята, с другом пятнадцать лет вместе работаем, а такого в жизни не видывали. Ну что же, друг так друг, заходи, наливай. А тут на цыпочках вошел метрдотель, бывший чекист, с тремя официантами. Им тоже, оказывается, по секрету рассказали о героях.

Появился руководитель оркестра. Хотел сыграть для настоящих героев.

– Вы – очень симпатичные ребята, – улыбался музыкант. – Что прикажете исполнить в вашу честь?

– Какой приказ, маэстро. Действуй на свое усмотрение.

И оркестр заиграл популярную тогда мелодию: «Я в весеннем саду пил березовый сок...»

А ребята сидели в своем ресторанном кабинете, слушали песню. Обидно, досадно стало: что мы от своих людей с наградами прячемся? Вышли в зал. Кто сидел там, из-за столов встали, поздравляют. Руки жмут, к себе присесть приглашают. Оттаяли душой ребята.

А оркестр все играл и играл. Для них, для героев. Незабываемый был вечер. Уже в конце подсел к ним мужичок. Захмелевший. Веселый.

– За вас, ребята, за вас! – шумел он. – Чувствую, вы настоящее дело сделали.

Он залпом осушил бокал и с досадой бросил:

– Тут пашешь, пашешь – и ни хрена...

Козлов усмехнулся и спросил:

– Где пашешь?

Тот грудью подался на стол и, озираясь, прохрипел по секрету: «В КГБ...»

Геройский стол вздрогнул от хохота.

Без опубликования в печати

Герои афганской войны не обделены у нас ни почетом, ни вниманием. Страна знает их и любит. Они занимали и занимают высокие государственные и правительственные посты, возглавляют общественные организации.

К ним внимательна пресса, созданы кинофильмы и телепередачи, в книгах самых авторитетных авторов герои-афганцы занимают достойное место. Достаточно назвать лишь некоторые имена, и станет ясно, что и сегодня, спустя много лет, они у всех на устах. Александр Руцкой, Павел Грачев, Борис Громов, Валерий Очиров.

Из более чем 200 тысяч награжденных из состава ограниченного контингента советских войск в Афганистане 67 человек стали Героями Советского Союза, 24 из них – посмертно.

В органах МВД этого звания удостоен полковник Михаил Исаков. Есть сведения, что Комитет госбезопасности представил к званию Героя 13 человек. Но все ли они были удостоены высокого звания – неизвестно. Даже о тех, кто стал Героем, долгое время молчали. В личных делах против их фамилий стоял гриф: «Без опубликования в печати».

И все-таки, несмотря на запреты, имя первого Героя просочилось на страницы газет. Правда, в каком-то диком обличье появился перед нами Герой Советского Союза полковник Григорий Бояринов. Писали, что, идя на штурм дворца Амина, он страшно орал и крыл матом офицеров. Создалось впечатление, словно полковник больше ничего и не умел, как поливать нецензурщиной своих подчиненных.

Прочитав эти строки, можно улыбнуться и великодушно простить недобросовестность ли, злой ли умысел человеку, запустившему в полет грязную «утку». Оставалась уверенность, что уже следующий литератор обязательно задастся вопросом, как же люди, сплошь матерщинники, крикуны и болтуны, сумели выполнить уникальную, беспрецедентную по сложности задачу столь молниеносно, четко и с минимальными потерями? Но, к сожалению, надо сказать: первый Герой не часто упоминался в нашей документалистике, ну а если о нем и говорили, то ссылались на мнение того самого неизвестного автора, якобы видевшего Бояринова в бою и собственными ушами слышавшего мат и крики.

В одной из книг об афганской войне попались немало удивившие строки: «Если не считать тех, кто получил Золотую Звезду за штурм

аминовского дворца (были и такие), то следующим Героем (из живых) стал офицер-десантник Сергей Козлов».

Нелепые слова: почему, собственно, не считать тех, кто получил звезду за штурм аминовского дворца? Да, верно, были такие. Может быть, в них резиновыми пулями стреляли? Или кровь и жизни бойцов «Зенита» и «Грома» ничего не стоят? Нетрудно заметить также то общее, что руководило как офицерами КГБ, так и офицерами воздушно-десантных войск. Кстати, при штурме дворца Тадж-Бек в бой они шли вместе, плечом к плечу, в одних БМП и БТРах, и никто за спину друг друга не прятался.

Так почему же мы должны считать одних и сбрасывать со счетов других? Может, поэтому мы до сих пор не знаем, каким был на самом деле полковник Бояринов?

Григорий Бояринов был сыном своего времени. Он родился в 1922 году и добровольцем, в 17 лет, ушел в армию. Окончил Свердловское пехотное училище, в сорок первом получил звание младшего лейтенанта и первую свою фронтовую должность – командир минометного взвода. Судьба забросила его на Северо-Западный фронт. Здесь он получил и первое боевое крещение, и первую награду – медаль «За отвагу». Во все времена со дня ее введения медаль «За отвагу» ценилась особо. Что говорить – всем медалям медаль. Трудно сказать, почему эта награда приобрела такой авторитет – может, оттого, что лежал на ней отблеск Георгиевского креста, солдатской награды, вручаемой в русской армии за личную храбрость и отвагу.

С приходом к власти большевиков Георгиевский крест был упразднен, однако со временем догадались ввести медаль, которая стала популярна и любима в Красной Армии.

Удостоился ее младший лейтенант Григорий Бояринов за то, что со своим взводом уничтожил пехотную роту фашистов.

Вдвойне приятно было узнать о награде отцу Григория – Ивану, георгиевскому кавалеру.

В декабре 1941 года Григория переводят в истребительный полк Северо-Западного фронта, а уже 1 февраля 1942 года он откомандирован в состав пограничного полка НКВД. Как оказался лейтенант в пограничной части, теперь уже вряд ли удастся выяснить. Солдат, офицер, особенно во фронтовую пору, не волен был собой распоряжаться. Где сказали – там и служил, бил фашистов.

Сегодня при упоминании войск НКВД на ум приходят спецотряды, которые даже во время войны пытали и расстреливали так называемых «врагов» советской власти, выселяли репрессированных.

Но были и иные подразделения, тоже в составе войск НКВД, их бойцы работали в разведывательно-диверсионных группах в глубоком тылу противника, они стали костяком партизанских отрядов в сети партизанских формирований, выполняли за линией фронта специальные задания. Этим и занимался Григорий Бояринов более двух с половиной лет в пограничном полку на Северо-Западном, Ленинградском и 2-м Прибалтийском фронтах. Он командовал школой снайперов, готовил диверсионные подразделения, сам их неоднократно возглавлял, уходя за линию фронта.

В одной из таких операций отряд специального назначения под его командованием уничтожил штаб итальянской дивизии. Бояринова наградили орденом Боевого Красного Знамени. Фронтовики помнят, что значил такой орден в 1942 году.

Войну Григорий Иванович закончил начальником штаба пограничной комендатуры, а последующие годы служил в 106-м погранотряде Северо-Западного пограничного округа. Здесь и произошел тот случай, что навсегда вошел в историю округа. На маленьком самолете Бояринов преследовал трех нарушителей границы... В этом не было бы ничего необычайного, но самолет был одноместный и в кабине мог находиться только пилот. Оставалось одно, что и сделал пограничник: взобрался на крыло и приказал взлетать.

Самолет совершил посадку на льду Финского залива, и офицер еще несколько километров гнался за нарушителями. Они добежали до берега, спрятались в камнях и открыли огонь. Бояринов, стреляя из винтовки, не давал шпионам выбраться из своего укрытия и уйти через границу. Вскоре подоспело подкрепление, нарушители сдались.

В 1948 году капитана Григория Бояринова направляют на учебу в Военный институт МГБ СССР. Он оканчивает его с отличием и остается на кафедре. Через несколько лет молодой преподаватель становится адъюнктом Военной академии им. М. В. Фрунзе, успешно защищает диссертацию.

Что же изучает Бояринов? То, что он узнал на практике и проверил в боевых условиях – тактику партизанских действий.

Академическая газета «Фрунзевец» 14 ноября 1959 года так писала о кандидатской диссертации адъюнкта Бояринова: *«Особый интерес и ценность работы заключается в том, что она – первая в области научного анализа методов ведения воспитательной работы в партизанских формированиях, принципов их организации, решаемых задач, методов их выполнения, средств, использовавшихся при ведении разведывательных и боевых действий, организации взаимодействия с*

регулярными войсками.

Глубокой разработке темы немало способствовало то, что сам диссертант участвовал в деятельности партизанских формирований в годы Великой Отечественной войны, что позволило ему полнее оценить успехи и неудачи отдельных операций, шире охватить круг проблем, связанных с организацией и ведением партизанской борьбы, прийти к интересным и обоснованным выводам».

После окончания адъюнктуры и защиты диссертации Григорий Иванович становится преподавателем Высшей Краснознаменной школы им. Ф. Э. Дзержинского. Теперь у него есть все для успешной педагогической работы – научные знания, богатый практический опыт.

18 лет проработал Бояринов в Высшей школе КГБ. За эти годы написаны многочисленные научные труды, он возглавил одну из спецкафедр школы. У него было много учеников. Именно из них и был сформирован первый отряд «Зенит». Возглавив его, Григорий Иванович поехал в Афганистан. Вернулся в сентябре, а в декабре улетел снова.

Мог ли он в том бою укрыться за броней БМП, войти во дворец не в первых рядах, не броситься в самое пекло? Наверное, мог. Но не отстал, не укрылся за броней. Его ученики гордились им. Было, конечно, и сожаление, и такое мнение: мол, лучше бы старику в огонь не соваться. Что ответить этим людям? Жизнь Бояринова – лучший тому ответ. А еще поминальные стихи одного из бойцов: «Прощай, наставник и отец. Тебя мы будем помнить, как героя!» Дай Бог, чтобы эта память была долгой и светлой.

Бабрак Кармаль поздравляет

27 декабря, когда бойцы спецгруппы «Гром» и «Зенит» шли на штурм дворца Амина и других объектов Кабула, вместе с ними под прикрытием брони передвигались и будущие руководители Афганистана – Сарвари, Гюлязбой, Ватанджар.

Не было с ним только первого лица – Бабрака Кармаля. Где же он находился в эти дни и ночи, ведь в резиденции дворца он появился лишь спустя две недели после штурма?

Эта загадка ныне тоже раскрыта.

...В этот же декабрьский день, двадцать седьмого, колонна бронетранспортеров под прикрытием трех танков выдвинулась из Баграма. К утру, совершив марш, она должна была войти в Кабул. В середине колонны, в одном из БТРов, находились Бабрак Кармаль и Анахита. Здесь же, как всегда, рядом, Шергин и Изотов.

Валентин Иванович сидел сверху, в люке бронетранспортера, когда в шлемофоне прозвучал взволнованный голос командира головного танка:

– Первый... первый... Танки справа!

Шергин уже и сам увидел башни афганских танков метрах в двухстах от дороги. Жерла орудий, словно принимаясь, повернулись в их сторону.

– Стоп колонне! – скомандовал он.

И тут же ближайший к бронетранспортеру танк сдал назад и прикрыл их своей броней.

– Вперед!

Валентин Иванович порадовался за танкистов: ребята знают свое дело. Афганские танки угрюмо и молча проводили их колонну черными зевами пушек. Но с места двинуться не посмели.

С рассветом колонна входила в Кабул. По всему чувствовалось, что ночью здесь был бой: у дороги несколько подбитых танков, разрушенные дома. Однако ночной бой не напугал жителей столицы. Они по-прежнему спешили по своим делам, некоторые останавливались, приветственно помахивали рукой. Никто не прятался, не убегал. Не прозвучало ни одного выстрела.

Танки и бронетранспортеры выдвинулись к зданию Царандоя. Изотов со своими подчиненными остался охранять Кармаля, теперь уже Генерального секретаря ЦК Народно-демократической партии Афганистана, и его соратников, а Шергин поехал в посольство. Там ему и

рассказали о гибели Зудина, Волкова, Бояринова, еще двух ребят из «Зенита», о тяжелых ранениях Емышева, Климова, Федосеева.

Шергин, получив указание от резидента, возвратился в здание Царандоя. Ночевать решили здесь. Бойцам группы «А» была придана рота десантников. Ночь прошла сравнительно спокойно.

Утром место пребывания сменили и сутки находились на территории одной из воинских частей афганской армии. Потом переехали на правительственную гостевую виллу, которая располагалась на самой окраине Кабула.

Прежде здесь жили высокие гости, приезжавшие с визитами в страну. Здесь любил останавливаться Председатель Совета министров А. Н. Косыгин.

Однако вилла Шергину и Изотову не понравилась. Доложили в посольство и тут же нарвались на окрик: что вы там капризничаете, условия для жизни отличные...

И вправду, комфорта было достаточно, но охрану беспокоило другое: вилла располагалась у подножия горы, рядом с кишлаком. Если смотреть из кишлака, территория виллы как на ладони. Но смотреть можно всяко, и через оптический прицел, например.

Эти аргументы в споре с представителями резидента и привел Валентин Шергин, однако опасения охраны вызвали лишь раздражение руководства: мол, не успели приехать, оглядеться, а уже указываете старожилам.

Что ж, приказ есть приказ. Продумали систему охраны, выставили посты. Однако жизнь не остановить. Решили Новый год отметить. Раздобыли бутылку шампанского, накрыли стол. Время уже к двенадцати, налили по бокалу, чтобы старый год проводить, неожиданно Изотова вызывает Бабрак. Юрий ушел, пришлось его ждать. Зато, возвратившись, он поднял бокал, улыбнулся товарищам:

– Бабрак Кармаль поздравляет нас с Новым годом.

Но выпить не успели. За окном, в морозной темени сухо простучала автоматная очередь. В комнату вбежал начальник караула: «Нас обстреляли из кишлака!»

Пришлось взять в подмогу несколько солдат-десантников, пошарить в окрестностях виллы. Ничего не нашли. Ночь глуха и морозна. У водонапорной башни, которая была рядом с кишлаком, выставили пост. Вернулись за стол. Новый 1980 год уже наступил, выпили вдогонку.

И вновь стрельба, опять тревога. Заняли круговую оборону. Вспышки выстрелов были видны рядом с башней. Кто-то открыл ответную

беспорядочную стрельбу, десантники даже из БМД снаряд выпустили. Потом, когда разобрались, оказалось, по нашему часовому сделали несколько залпов из кишлака, он тоже дал очередь. Вспышки его автомата и увидели с виллы, поспешили обстрелять. К счастью, солдат укрылся, остался жив.

Да, в ту новогоднюю ночь им не суждено было вернуться за праздничный стол. Пришлось прочесывать кишлак.

На вилле Бабрак Кармаль и члены Революционного совета пробыли еще неделю. Отсюда почти никто не уезжал. Чаше приезжали сюда. Здесь же Кармаль, к тому времени Генеральный секретарь ЦК НДПА, председатель Революционного совета, премьер-министр и главнокомандующий Вооруженными силами ДРА, провел первую пресс-конференцию.

С переездом во дворец, резиденцию главы страны, у сотрудников группы «А» началась нелегкая каждодневная служба по охране и обеспечению безопасности Бабрака. Они неотступно несли внутреннюю охрану, дежурили в приемной и в комнате отдыха. По периметру дворца были выставлены посты десантников, за территорией резиденции – внешнее кольцо охраны – национальные гвардейцы. Многочисленные входы и выходы из дворца перекрывали бойцы «Зенита».

На выездах главу государства сопровождали все одиннадцать его охранников. Впереди ехал и расчищал путь Юрий Изотов, за ним в бронированном «Мерседесе», за рулем которого был Анатолий Гречишников, – Бабрак, следом все остальные.

Каждый выезд требовал полной мобилизации сил и возможностей охраны. Движение на магистралях Кабула практически не регулировалось, полиция о маршруте кортежа ничего не знала, да если бы и знала, вряд ли бы могла что-либо предпринять. Улицы столицы многолюдны, много бронетехники – танков, боевых машин пехоты, бронетранспортеров.

Изотов так вспоминает первые выезды Бабрака: *«Еду впереди, кулак показываю в окно и пру на танк. Другого выхода нет. Смотришь, отворачивает. Не выбежишь, не объяснишь каждому, что глава государства едет. Правда, потом гвардию стали выставлять на посты по маршруту. Но на них надежды не было. Надеялись только на себя».*

Хотел бы подчеркнуть эти слова, так как через несколько лет Бабрак Кармаль на вопрос советского корреспондента, не смущало ли его, руководителя суверенного государства, что помещения дворца (а значит, и он сам) находились под контролем специальной охраны КГБ, ответит: «Я много раз возмущался по этому поводу».

А вот у руководителей той самой «специальной охраны» иное мнение.

Сотрудник группы «А» Валентин Шергин так вспоминает о днях, проведенных в Афганистане:

– Отношения с Бабраком сложились самые добрые, совсем не такие, как у службы безопасности с охраняемым, а скорее как у соратников. Мы были рядом с ним всегда, в самые трудные дни. 14 декабря, по тревоге, почти на руках выносили их всех из капониров, сажали в самолет.

В феврале, когда в городе было неспокойно, жгли машины, обстреляли наше посольство, убили несколько советских граждан, а оппозиция, собрав под зеленое знамя ислама тысячи людей, двинула их на дворец Арк, – готовы были умереть, защищая Бабрака.

В день празднования Саурской революции на трибуне за спиной Бабрака стоял наш Володя Тарасенко. Мы отдали ему бронежилет. И случись покушение – нет сомнений, Володя пожертвовал бы собой. У него и задача была: если что – закрываешь собой Бабрака.

Все это руководитель Афганистана видел, понимал и отвечал теплом и благодарностью.

23 февраля у Юры день рождения. Помню, его поздравить пришел весь Ревсовет: Бабрак, Анахита, Гулябзой... А когда Анахита возвратилась из долгой зарубежной поездки, на аэродром от всех нас поехал встречать ее Изотов. Он привез огромный букет роз, но подойти не решался. Там, впереди, стояли руководители государства, посол Табеев. Словом, официальная церемония. И вдруг Анахита видит его в толпе, отталкивает Табеева и с криком «Юра!» бросается к Изотову.

На следующий день нас вызвал к себе и пропесочил генерал Иванов: вы что там себе позволяете?..

Думаю, если бы мы были просто наемными охранниками, к нам не относились бы с такой теплотой и уважением.

А потом, ведь не надо забывать, что группа улетала на неделю, из этого расчета взяли и пищу, и одежду, в Союзе остались неотложные дела. Головатов учился в институте физкультуры, у него «горели» госэкзамены, у другого – учеба в школе КГБ, у третьего еще что-то. У всех на Родине остались семьи, дети. Да и к тому же мы не «девятка», не специалисты по охране руководителей, потому просили нас заменить. По этому поводу я звонил генералу Бесчастнову, написал рапорт. Нам несколько раз назначали отъезд, но всякий раз откладывали по просьбе Бабрака.

Последний срок был в феврале. Мы, что называется, упаковали чемоданы, собрали сувениры, попрощались, но вновь обострилась

обстановка, и Бабрак наотрез отказался нас отпустить. Сказали так: остаетесь до мая. Но увы, прошел май – а мы по-прежнему несли свою нелегкую службу.

В последний день июня в нашу честь устроили прощальный банкет, на котором присутствовали посол Табеев, генерал Иванов, нас одиннадцать человек и почти все высшее афганское руководство. 1 июля мы покинули Кабул.

Другой охранник сотрудник группы «А» Юрий Изотов солидарен со своим товарищем:

– Каждый из одиннадцати наших ребят был готов закрыть собой Бабрака. Скажу о себе: я всегда находился в таком месте, откуда смог бы в считанные секунды успеть добраться до Бабрака и заслонить его. В подобных ситуациях оружием пользоваться сложно, и поэтому главное – постоянно держать кратчайшее расстояние между собой и им. Думаю, мне это удавалось.

Как-то Бабрак присутствовал на партийном собрании в театре. Нас предупредили накануне: готовится террористический акт. Представляете наше состояние. Мы, конечно, подняли на ноги национальную гвардию, сами сели в зале, чтобы контролировать ситуацию.

Начинается собрание. Бабрак выходит к трибуне, и в зале неожиданно гаснет свет. Следующее действие, которое я ожидал, – взрыв гранаты. Этого, к счастью, не произошло. Но тем не менее пришлось его окружить, закрыв собой, увести за кулисы.

Были, конечно, и другие острые моменты. На параде, посвященном празднику революции, на противоположной от трибуны стороне улицы, на крыше дома, вдруг появляются вооруженные люди. Мы придвигаемся к Бабраку. Нервы напряжены до предела.

Оказывается, национальные гвардейцы проявили инициативу. Вот только их командир забыл об этом нас предупредить.

А вообще, новая Национальная гвардия, которую набрали из партийных активистов, была очень слабо подготовлена. Кармаль как-то даже просил меня, чтобы я научил их чему-то, провел занятия.

Бабрак доверял нам больше, чем любому афганцу.

Вот такие полярные мнения. Где истина? Не берусь судить. Констатирую только факты, а уж читатель пусть сам сделает выводы.

...С возвращением подразделения Шергина, казалось бы, афганская эпопея для группы «А» завершилась. Тем более дома своих дел оказалось невпроворот – открывалась московская Олимпиада. Еще свеж был в памяти

Мюнхен, захват и зверский расстрел палестинскими террористами израильской борцовской команды. Ничего подобного Советский Союз допустить не мог. И потому уже на следующий день после прилета группу Шергина вызвал к себе начальник Управления генерал Бесчастнов. Он поблагодарил за службу, а потом сказал:

– Сынки, денек отдохните, а четвертого июля все на обеспечение безопасности Олимпиады.

Семь месяцев находились они вдали от дома, от семьи. Один день – с семьей и вновь в казарму. Но они понимали: Олимпиада-80 в Москве – событие не рядовое. Мюнхен не мог повториться. Иного было не дано. Группа антитеррора снова в бою.

Через военное горнило афгана

В 1979 году, еще до ввода наших войск, заместителя начальника спецотдела Первого главного управления КГБ СССР полковника Александра Лазаренко послали в Кабул. Глава Афганистана Хафизулла Амин бомбардировал Москву постоянными просьбами об экономической и военной помощи, просил ввести советские войска на территорию страны для обеспечения независимости и защиты завоеваний Апрельской революции.

Следовало прояснить некоторые вопросы, и руководство Первого Главного управления командировало в Афганистан Александра Ивановича. Вопросы он свои прояснил и даже встретился с Амином. Однако встреча эта, говоря языком дипломатов, «на высоком государственном уровне» оставила тяжелое впечатление.

«Моя первая командировка в Афганистан, – вспоминал позже Лазаренко, – состоялась в мае 1979 года. Амин принял меня, мы долго разговаривали с ним. Помню, удивленный некоторыми его декретами, спросил: «Товарищ Амин, вы издали несколько декретов, паранджу ликвидировали, недовольство вызвали. Стоило ли это делать?» Амин отмахнулся: «Какая паранджа? Мы скоро атомную бомбу будем иметь».

Страна в Средневековье живет, всюду поразительная бедность, темнота, безграмотность, а он – атомная бомба».

Уезжая тогда из Кабула, полковник Лазаренко и представить себе не мог, что через год с небольшим он вновь вернется сюда. Только не для дружеских бесед с Амином, а на войну.

Фронтовик полковник Лазаренко знал: война живет и развивается по своим законам. А это значит, что там, «за речкой», необходимы их подразделения. У армии на войне свои задачи, у спецслужб – свои. И им не обойтись друг без друга.

Так, собственно, и случилось. Руководством страны принято решение развернуть до полного штата бригаду особого назначения КГБ СССР. Офицеры этой бригады должны были организовать эффективную агентурную и оперативную работу, оказать помощь в создании местных органов безопасности и, разумеется, быть готовыми к проведению спецмероприятий против врагов нынешней афганской власти.

Легко сказать – развернуть бригаду... Да это же несколько тысяч

офицеров-оперативников. А где их взять?

На местах, в областных управлениях, у них была совсем другая работа. Тоже важная, напряженная, но все-таки в условиях мирного времени и на своей территории. А там война. Это значит, все иное – задачи, ритм работы, уровень опасности, местное население – афганцы, которых мы совсем не знаем, их обычаи, традиции, язык, история.

Он вспомнил, как недавно один из его подчиненных в шутку спросил: «Александр Иванович, а как правильно писать: «Афганистан» или «Авганистан», через «фэ» или через «вэ». Откровенно говоря, он тогда едва сдержался. Только, сдается, таких сотрудников по необъятному Советскому Союзу немало. И других у нас просто нет.

С чего начал полковник Александр Лазаренко свою деятельность в качестве командира бригады специального назначения? С того, что доложил начальнику Управления генералу Юрию Дроздову о нецелесообразности развертывания бригады по полному штату.

Руководство выслушало его и с доводами согласилось. Решено было создать сводный отряд, который Лазаренко предложил назвать «Каскад». Состав – тысяча человек.

Вскоре отряд сформировали и перебросили в Фергану, на базу 105-й воздушно-десантной дивизии ВДВ. Здесь бойцы «Каскада» проходили дополнительную подготовку, готовились к действиям в Афганистане.

Своя доподготовка была и у командира. Уже первые шаги по осмыслению роли отряда, его тактики, оперативной деятельности показали: первая «горячая», еще не оформившаяся мысль о том, что «Афганистан – не Буэнос-Айрес», верна и точна.

Но что делать после осознания этой верной и точной мысли? Изучать опыт. К тому же опыт не европейский, а по большей мере среднеазиатский. Например, борьбу с басмачами.

Позже Александр Иванович скажет: «Я собрал соответствующие материалы со всего Советского Союза. Даже историю и методы работы ЧОН изучал. Ибо в Афганистане классические методы разведки не подходили».

Помнится, тогда в одной из работ Лазаренко прочитал: «Через горные перевалы, через выжженные солнцем пустыни шли верблюжьи караваны из-за кордона. В тяжелых тюках были упакованы винтовки, пулеметы, ящики с патронами. Действия басмачей сопровождалось жестоким террором, принимавшим изуверские формы».

Как часто потом, в Афганистане, командир «Каскада» станет вспоминать эти строки. Они окажутся похожи на сообщения из его

собственных донесений в Центр. Словно и не было шести десятков лет.

Многое он почерпнул из документов, сохранившихся в архивах КГБ со времен махновщины, антоновщины. Позже, уже в послевоенный период, борьба с оуновцами на Украине, «лесными братьями» в Прибалтике дала пищу для размышления и изучения тактики националистических банд. Что-то было общее, традиционное в этой партизанщине, и в то же время виделись разительные отличия. Ведь обстановка в Афганистане, как политическая, так и экономическая, идеологическая, была иная. На дворе стояли 80-е годы XX столетия. К оценке обстановки следовало добавить еще время и место действия.

В те дни, листая пожелтевшие страницы документов, он записал себе в блокнот: начало басмаческого движения – 1917 год, окончание – 1926-й. Написал и удивился – девять лет борьбы. Нельзя сказать, что для Александра Ивановича цифры эти стали открытием. О долгой борьбе с басмачеством он знал и раньше. Но раньше эти цифры были где-то далеко, а теперь проступили ясно и зримо.

Лазаренко вспомнил, как невольный холодок пробежал по спине – девять лет! «Неужто и мы там застрянем?.. – подумал он и тут же отогнал эту дикую мысль. – Надо же, взбредет такое в голову».

Проштудировал еще раз, заново, и классический учебник М. Дробова: «Малая война: партизанство и диверсии».

Дробов был прав, хотя не все его поняли тогда, в 30-е годы, когда вышел в свет научный труд. Он говорил о том, что «малая война» станет играть значительную, а возможно, и решающую роль в будущем. Его критики основывались на опыте масштабных, мировых войн. И действительно, не забылась еще Первая мировая, пахло порохом уже новой вселенской бойни, какие уж тут «малые войны». Но, оказывается, настало время, как теперь их называют, и «конфликтов малой интенсивности».

Поднял Лазаренко судоплатовские дела. Тут, право, было чему поучиться. На счету сотрудников 4-го разведывательно-диверсионного управления НКВД – оперативные игры с фашистами, умелое проникновение в немецкие центры, штабы, эффективная деятельность как разведгрупп, так и талантливых разведчиков-оперативников.

Эти материалы Александр Иванович читал с особым волнением. Нет, в годы Великой Отечественной ему не посчастливилось работать в легендарном 4-м управлении, он был всего лишь войсковым разведчиком.

Теперь, в 1980-м, Павел Судоплатов нужен был командиру «Каскада» как начальник Разведывательно-диверсионного управления. Вернее, нужен был не сам Павел Анатольевич, а опыт, накопленный его службой за время

войны.

И этот фронтовой опыт положили в копилку «Каскада».

Немало помогли Лазаренко и работы известного диверсанта Ильи Старинова – тут и дела испанские, и действия советских партизан в фашистском тылу.

В общем, перед командировкой в Афганистан полковник Лазаренко основательно изучил и аккумулировал опыт своих предшественников. Свой же опыт еще предстояло наработать. Тем более что противники действовали не менее мобильно – уже летом 1980 года на территории Ирана и Пакистана оперативно разворачиваются лагеря подготовки моджахедов.

В свою очередь, в «Каскаде» совсем немного сотрудников, которые владеют языком, знают обычаи народов Афганистана. Да и что значит – владеют языком, если в стране пребывания люди говорят более чем на 30 языках и диалектах.

А местные нравы, обычаи... Тут столько тонкостей, особенностей. Что поделаешь, приходилось все осваивать в ходе работы, как говорится, с колес.

Как и прогнозировал Лазаренко, действовать «каскадерам» пришлось в крайне непривычных для себя условиях, нередко отказываясь от традиционных методов ведения разведывательной работы.

Сам Лазаренко по возвращении из Афганистана так вспоминал о том времени:

«У нас было 480 агентов. И все они внедрены в банды. Но чтобы встретиться хотя бы с одним агентом, надо не три остановки на метро проехать, потом пять на автобусе и помотаться по городу, проверяясь, нет ли «хвоста». Тут следует чуть ли не целую войсковую операцию готовить. Зачастую под прикрытием бронетранспортера выезжали в поле, и туда выходил агент.

А как проверить свою агентуру? В европейских странах это делается просто, но попробуйте сделать в Афганистане. Ладно, если речь идет о Кабуле, Кандагаре, Фарахе. Это достаточно большие города, они под нашим контролем. А маленькие селения банды контролировали. Отсюда и трудности, о которых не подозревают европейские разведчики».

Да уж, жизнь еще раз подтвердила, что Афганистан – особая территория на карте мира. Во всяком случае, для командира «Каскада» она стала именно такой.

Я неспроста привел слова Александра Лазаренко о трудностях оперативной работы в Афганистане. Эту работу и выполняли сотрудники

«Каскада». А вот их безопасность обеспечивали бойцы группы «А».

*«Одной из самых малоизвестных страниц истории «Альфы», – напишет позже генерал **Геннадий Зайцев**, – является участие ее бойцов в работе на территории Афганистана сводной команды спецназа КГБ под кодовым названием «Каскад-2». Ее командировка на войне проходила с февраля по июль 1981 года...*

Комплектование происходило на индивидуальной основе. Люди подбирались из разных отделений группы «А». Возглавил группу Виктор Николаевич Зорькин».

Кроме командира, в нее входило двенадцать сотрудников. «Альфовцы» вылетели в Фергану, где формировался «Каскад-2». Там они работали над собой – стреляли, водили бронетехнику и автомобили, изучали обстановку в Афганистане.

Поскольку оперативникам «Каскада-2» предстояло действовать не только в Кабуле, но и в провинциях, уже в Фергане были сформированы группы для работы в конкретных местах.

Главной задачей «альфовцев» было силовое прикрытие деятельности оперативников. На каждую встречу «каскадеров» с агентами выезжали два-три сотрудника группы «А».

*«В ходе поисковых мероприятий, – вспоминал **Виктор Зорькин**, – сотрудниками «Каскада» была выявлена и при нашем участии обезврежена террористическая группа, действовавшая в Кабуле под видом водителей такси. На ее счету было несколько тяжких преступлений.*

Со временем задачи, решаемые «каскадерами», в том числе и нами, стали меняться. Мы все больше привлекались к изъятию оружия из тайников моджахедов, а также для обеспечения действий и прикрытия агитационных отрядов, которые состояли из представителей афганских органов власти и советских советников».

Дело в том, что моджахеды быстро осознали эффективность деятельности агитотрядов. И стали готовить вооруженные нападения на агитотрядовцев. Пришлось усилить меры безопасности. Прикрытие выросло до нескольких бронетранспортеров, а в местах проведения митингов заранее разворачивалась система обороны.

Так «Альфа» осваивала Афганистан. Командировка группы Виктора Зорькина стала началом для постоянного выезда бойцов подразделения на войну.

В сентябре 1983 года председатель КГБ СССР Виктор Чебриков посчитал, что группе «А», как выразился генерал Зайцев, «следует пройти через военное горнило Афганистана». Он подписал распоряжение, в

соответствии с которым каждый боец и командир подразделения направлялся в двухмесячную командировку на войну.

Его распоряжение было исполнено. За четыре года 125 офицеров группы работали в Афганистане. Некоторые из них – Виктор Зорькин, Анатолий Савельев, Валентин Шергин, Олег Балашов – дважды.

Потерь за период боевых командировок группа «А» не имела.

Без сучка и задоринки

«В первых числах июня 1943 года консульский служащий Луиджи Ферраро, элегантный молодой человек с непринужденными манерами, снабженный соответствующими документами, представился итальянскому консулу в Александrette (речь идет о турецком порте. – *Прим. авт.*) маркизу Иньяцию ди Санфеличе (который, не будучи заранее уведомленным, его не ожидал) и вручил письмо за подписью министра иностранных дел. В письме было сказано, что Луиджи Ферраро временно направляется в консульство для выполнения особого задания министерства. Господина консула просили оказывать ему в этом всяческое содействие.

С собой Ферраро привез четыре довольно тяжелых чемодана, не подлежащих таможенным досмотрам как дипломатический багаж...»

Так описывает прибытие в турецкий порт одного из лучших итальянских боевых пловцов старшего лейтенанта Луиджи Ферраро его командир – Джулио Валерио Боргезе.

Всякий, кто когда-либо интересовался подводной войной, знает имя этого легендарного итальянского диверсанта. Его называли Черным Принцем людей-торпед. Он посвятил свою жизнь созданию итальянских подводных командос.

Не оставил свое излюбленное ремесло Боргезе и после войны. Ему удалось избежать суда, и он продолжил подрывную деятельность и в послевоенное время.

В частности, есть все основания считать, что именно люди Боргезе устроили взрыв советского линкора «Новороссийск» 29 октября 1955 года.

Однако вернемся в 1943 год. Офицер военно-морских сил Ферраро прибыл в турецкий порт не случайно. Что произошло дальше? Слово самому Валерио Боргезе:

«Вечером 30 июня, когда любопытство, вызванное прибытием нового лица, утихло, а наблюдение английских агентов, старательных, но не особенно прозорливых, ослабело, Ферраро и Роккарди (секретарь консульства, а в действительности офицер секретной службы военно-морского флота Италии. – *Прим. авт.*) задержались на пляже дольше обычного. Увлекательная партия в нарды заставила их забыть о том, что время уже позднее. Когда они остались одни, Ферраро вошел в купальную кабинку и принялся рыться в ящике со спортивным инвентарем. Через некоторое время он вышел одетый в черный резиновый костюм, на ногах

ласты, на лице маска (респиратор). На поясе у него были подвешены два странных, видимо, тяжелых предмета. На голове прикреплен пучок водорослей. Странно вел себя этот дипломат на пляже!

Человек в черном костюме осторожно приблизился к морю, вошел в воду и тотчас же, без единого звука бесследно исчез во мраке ночи. Проплыв 2300 м, он оказался вблизи греческого судна «Орион» (7 тыс. т), груженного хромом.

Вот он выполнил маневр, который много раз повторял на тренировочных занятиях; под лучами прожекторов, на глазах у вахтенных, он потихоньку приблизился к судну, стараясь держаться в тени барж, стоящих у борта, включил кислородный прибор и бесшумно погрузился. Двигаясь под водой вдоль корпуса корабля, он отыскал боковой киль и, отцепив от пояса подрывные заряды, прикрепил их зажимами к киллю. Потом он выдернул предохранительную чеку и возвратился на поверхность. Все это было сделано за несколько минут. Так же осторожно он удалился. В 4 часа утра Ферраро возвратился в консульство.

Через 6 дней «Орион», закончив погрузку, вышел в море, но ему не удалось уйти далеко: в сирийских водах под корпусом тяжело груженного судна произошел взрыв, и оно быстро пошло ко дну. Спасшиеся моряки, которых поместили в госпиталь в Александrette, утверждали, что «Орион» был торпедирован».

Такова лишь одна из операций так называемой 10-й флотилии итальянского военно-морского флота, которая специализировалась на диверсиях. Боевые пловцы этой флотилии наносили серьезные удары по противнику.

«Несмотря на все старания англичан, – писал Боргезе, – им так и не удалось установить подлинную причину гибели судов. Их состояние можно было сравнить с состоянием человека, который, запершись в собственном доме и забаррикадировавшись в своей комнате, по ночам просыпается от выстрелов, раздающихся неизвестно откуда и наносящих ему каждый раз новые, правда, пока не опасные раны. Эти выстрелы сводят его с ума от ярости, потому что он не может обнаружить, где спрятался его противник, и от ужаса, что рано или поздно этот таинственный и неуловимый враг нанесет ему опасную рану, поразив какой-либо жизненно важный орган (военные корабли)».

Эти слова, в которых очень точно подмечена опасность подразделений подводных диверсантов для противника, сегодня хорошо знают боевые пловцы группы «А». Ведь в их обязанности входит противостояние террору не только на земле и в воздухе, но и на воде.

Хотя понимание этого и осознание необходимости подготовки сотрудников по программе боевых пловцов пришло не сразу. Как считает Александр Васильев, первый командир «морских дьяволов» группы «А», точкой отсчета можно считать год 1977-й.

Возвратившись с фестиваля молодежи и студентов на Кубе, начальник подразделения Геннадий Николаевич Зайцев занялся вплотную созданием группы боевых пловцов.

Жила наша фестивальная делегация на теплоходе «Грузия», в ее состав входили и три альфовских сотрудника во главе с командиром группы. Они, по существу, и должны были обеспечивать безопасность судна. Но как? Видимо, над этим вопросом тогда и задумались сотрудники группы «А». И вовремя. Приближалась московская Олимпиада 1980 года. В программу летних Олимпийских игр входит и парусная регата, которая должна была проводиться в Таллинне. Как известно, Таллинн – не Москва. Здесь обеспечивать безопасность участников и их судов намного сложнее. Тем более что регата уходила из советских территориальных вод в нейтральные воды. С каким «подарком» вернутся яхты оттуда? Этого никто не знал.

Да и сама обстановка вокруг Олимпиады в Москве была весьма нервной. Американцы бойкотировали игры, ползли слухи о «происках ЦРУ», словом, работать было нелегко.

Достаточно привести лишь один пример. В столицу на Олимпийские игры приехал Ясир Арафат. Были данные, якобы его хотят захватить террористы прямо в самолете или расстрелять в Москве. Сотрудникам «Альфы» поручили охранять палестинского лидера. Мне рассказывал о своих впечатлениях Виталий Демидкин, когда они в аэропорту встречали самолет Арафата и сопровождали его на открытие Олимпиады в Лужники. Надо признаться, впечатления не самые приятные. Ведь еще памятен был 1976 год, расстрел террористами израильской сборной борцов. Ту провальную операцию немецкого спецподразделения в группе разбирали «по косточкам».

Был и еще один нюанс: это первая Олимпиада в соцстране. Ее следовало провести, что называется, «без сучка и задоринки».

Вот под таким идеологическим и эмоциональным прессингом приходилось работать сотрудникам подразделения антитеррора.

Что же касается парусной регаты, то за год до Олимпиады трое боевых пловцов «Альфы» – Васильев, Панкин и Беляев – выезжали в Таллинн на предолимпийские состязания, когда, по сути, обкатываются объекты будущих игр. Как оказалось, охрана регаты – дело очень непростое. Предстояло противостоять морским диверсантам, а это значит –

профессионалам. Как раз профессионализма молодым боевым пловцам группы «А» и не доставало.

Попросили помощи у военных моряков. В ту пору в Балтийске, под Калининградом располагался сверхсекретный отряд по борьбе с морскими диверсантами. На стажировку в это подразделение и выехали «альфовцы». Их было четверо. К тройке прибавился еще младший лейтенант Плюснин.

Степень секретности их визита была такова, что командировочные предписания на лейтенантов подписали лично председатель Комитета госбезопасности Юрий Андропов и главнокомандующий военно-морским флотом адмирал Горшков. На перроне в Калининграде их встречали два капитана 1-го ранга.

Машина из Балтийска задерживалась, хозяева предложили заехать в штаб флота, отобедать. Как видится, выпили по рюмочке, и один из «каперазов» не выдержал: «Знаете, ребята, я в штабе флота в Москве был не раз, так там ниже «кап-два» и нет никого. А вы – младший лейтенант, лейтенант...»

Пришлось выкручиваться, мол, нам же с моряками плавать, чего же пугать их высокими званиями, вот и решили: так будет проще. Кое-как отбились...

Командировка была два с лишним месяца. Подготовку прошли основательную – и на малых лодках, и с носителями. Очень важно, что познакомились с офицерами, матросами, с кем потом пришлось нести службу по охране олимпийской регаты.

Рассказывает командир отделения боевых пловцов группы «А», мастер спорта международного класса по подводному плаванию **Александр Васильев:**

– Олимпиада началась, по-моему, в июне, а мы приехали в Таллинн в мае. Нас было четверо человек – трое «альфовцев» и еще один сотрудник из 2-го Главка. Работали мы с матросами, связка – два моряка и кто-то из наших. Осматривали борта судна, приходилось начинать работу рано, часа в четыре утра. В другое время нельзя, если увидят спортсмены, что под их яхтами кто-то плавает, – скандал.

В общем, встаешь – чуть рассветет, за территорией одеваешься, спускаешься и по ориентирам тихонечко плывешь. Осматриваешь чашу олимпийского огня, она в воде находилась, подводки к ней, газовые трубы.

Периметр охраняла милиция. Они и увидели накануне закрытия Олимпиады какое-то желтое тело, похожее на пловца. Подняли нас по тревоге. Мы поехали, осмотрели. А там река в залив впадает, в устье сетка защитная установлена и калитка подводная. Обнаружили – калитка

приоткрыта. Значит, кто-то был. Но кто, с какой целью? А завтра – закрытие Олимпиады.

«Пропахали» все вокруг, осмотрели периметр, подводную часть. Пришлось даже подписывать документы, что ручаемся за безопасность.

Потом стали осматривать прилегающую территорию, послали вперед солдат. Километра за полтора в кустах нашли спрятанный акваланг и костюм для подводного плавания желтого цвета.

К счастью, закрытие Олимпиады в Таллинне прошло без потрясений. Возможно, это был просто любитель спорта, пробравшийся на торжественное закрытие со стороны моря таким экзотическим способом, но не исключено, что кто-то шел с недобрыми целями, но его вовремя спугнули. Теперь трудно установить истину».

...После Олимпиады боевые пловцы «Альфы» совершенствовали свое мастерство уже на Черном море, в отряде морских диверсантов, который располагался под городом Очаковом. К тому времени в отделение пловцов пришла молодежь, ее и поехали обкатывать.

Работать было интересно. Если на Балтике «альфовцы» учились бороться с подводными диверсантами, то на Черном море они проходили стажировку в качестве диверсантов.

Прыгали с вертолета в аквалангах, занимались постановкой и снятием мин, изучали тактику действий.

Рассказывает **Александр Васильев:**

– Интересные учения проводили мы вместе с моряками на Черном море. У нас задача – подход к судну и постановка мин. Но и они не лыком шиты, на судне приборы, эхолоты, моряки наблюдают, противодействуют.

Мы с Сашей Беляевым изобрели свой тактический ход. Зная, что эхолот захватывает в основном срединный слой воды, оставляя поверхность и дно, мы шли сантиметрах в тридцати от поверхности. Подходили незамеченными, ставили мины и уходили. И только тут включались приборы. Но мина-то уже стоит.

Отрабатывали и выход через торпедный аппарат из подводной лодки, поиск лодки.

Процентов тридцать всех сотрудников «Альфы» прошли подводную подготовку. Десантную проходили все, но ее, как известно, не сравнить с подводной. Толща воды – это гидрокосмос. Вокруг темно, ориентиров нет, несколько раз перевернулся – и уже не знаешь, где дно, а где поверхность. Спасают только пузырьки, они всегда идут вверх. Так что не все выдерживают, даже самые подготовленные и смелые».

...Подразделение боевых пловцов в группе «А» существует и поныне. К счастью, у нас не было захватов кораблей, ну разве что паром «Аврасия», атакованный чеченскими террористами в турецком порту в 1996 году во время событий в Первомайском.

В служебном отчете подразделения «А» за этот период сказано: *«17 января по указанию директора ФСБ России генерала армии Барсукова И. И. пять боевых пловцов, старший – капитан Воронов В. Н., были направлены для подготовки операции по освобождению заложников, захваченных боевиками в Турции».*

Насколько мне известно, готовились к бою с террористами и боевые пловцы «Вымпела». Скорее всего, сотрудники этих подразделений и составили бы общую команду. Однако турки справились сами. Террористы были арестованы, заложники освобождены.

А закончить повествование о боевых пловцах хотелось бы словами Уинстона Черчилля, возвращаясь к противостоянию Италии и Англии во Второй мировой войне. Ибо эти слова еще раз доказывают, как важны самое пристальное внимание и забота в подготовке подводных пловцов в любой стране, которая считает себя морской державой.

Эта речь была произнесена на секретном заседании в палате общин 23 апреля 1942 года. Черчиллю было о чем печалиться. «Владычица морей» потеряла четыре корабля.

«Только что нам нанесен еще один коварный удар, – признавался Черчилль. – На рассвете 18 декабря шестеро итальянцев, одетых в необычные водолазные костюмы, были задержаны в порту Александрии. До этого были приняты все меры предосторожности против проникновения в порт различных типов «человекоторпед» и подводных лодок... Там были не только сети и другие заграждения, но и сбрасывались систематически, с различными интервалами во времени глубинные бомбы в непосредственной близости от входа в гавань.

Несмотря на это, итальянцам удалось проникнуть в порт. Под килем линкоров «Вэлиект» и «Куин Элизабет» произошли взрывы, вызванные зарядами, прикрепленными с необычайной храбростью и умением. В результате этих взрывов в корпусе кораблей образовались огромные пробоины и было затоплено несколько отсеков.

...Таким образом, в Средиземном море у нас нет ни одного линейного корабля: «Бархэм» потоплен, а «Вэлиект» и «Куин Элизабет» полностью приведены в негодность».

Мне кажется, что красноречивое выступление английского премьера времен войны актуально и поныне и не нуждается в комментариях. Ибо

тактика Черного принца Джулио Валерио Боргезе – грязное оружие в руках современных террористов.

Послужной список «Альфы»

Ушли в историю 70-е годы. За то десятилетие, по данным различных международных организаций, в мире совершено 8114 террористических актов. Тысячи людей стали жертвами разнузданного насилия бандитов.

Однако наша голубая планета еще не знала, что наступающие 80-е окажутся неизмеримо более жестокими. И счет был открыт. Только за первые пять лет, с 1980-го по 1985 год, количество терактов удваивается. И далее их число растет: в 1986-м – 774, в 1987-м – 832, в 1988-м – 856...

В 1980 году пройдут крупнейшие операции по освобождению заложников. В апреле американское специальное подразделение «Дельта» под руководством полковника Чарльза Беквита сделает попытку вырвать из неволи заложников в Тегеране. Увы, операция закончится полным провалом.

Из восьми вертолетов, поднявшихся с борта авианосца «Нимиц», который находился в Персидском заливе, только шесть достигнут пункта под кодовым номером «Пустыня-1». Однако один из них окажется неисправным. С оставшимися машинами Беквит продолжать операцию не решится.

Вот как он сам описывает заключительную часть драмы, разыгравшейся в пустыне в 200 милях к юго-востоку от столицы Ирана:

«...Летим домой. Была подана команда проверить снаряжение и покинуть вертолеты. Команда «Дельты» начала погрузку в самолеты. Я шел от одного самолета к другому, считая число людей, которые поднимались на борт каждого из них.

Я быстро направился к головному самолету. Было 2.40. Некоторые пилоты запустили двигатели своих самолетов, чтобы их прогреть. Кружились пыльные вихри, приближая видимость к нулю.

Между порывами ветра я вдруг увидел, как один из вертолетов, слегка дернувшись вверх, завалился налево. Затем раздался взрыв. Голубой огненный шар взметнулся в ночное небо. Это взорвались топливные емкости одного из самолетов.

Оказалось, что один из вертолетов, выруливших на заправку, столкнулся с крайним ЕС-130, в который только что начала загружаться группа «Голубая».

Я побежал к вертолету, но добежал только до дороги. Жар был страшный, подойти невозможно. Пламя поднималось вверх метров на 100–

150. В любой момент могли взорваться боеприпасы. Я подумал о майоре Фитче и группе «Голубая».

Но к счастью, скоро доложили, что личному составу группы удалось в последний момент спастись.

Сквозь пламя я видел, что вертолет врезался в грузовую часть самолета-заправщика. Тот пылал.

– Что делать с остальными вертолетами? – спросил меня Килл.

– Их необходимо уничтожить...

Я вернулся в свой самолет и увидел, как к нему бегут пилоты вертолетов. Как только они поднялись в салон, аппарель была поднята и люк закрыт. Самолет сдвинулся с места, описал полукруг. Мы были третьими в очереди на взлет. Две первые машины взлетели, заправщик догорал, а вертолеты пылали вовсю. Было почти 3 часа утра. Пробыв на земле 4 часа 46 минут, «Дельта» покинула пункт «Пустыня-1».

С первыми лучами солнца мы летели над Оманским заливом. Операция закончилась полным провалом. После колоссальных затрат времени и нервов, труда и пота все оказалось напрасным. Мы потеряли восемь замечательных отважных парней.

Наша страна оказалась в сложном положении».

Ровно через двенадцать дней после описанных событий антитеррористическое подразделение «Пагода» из отборного полка английских САС ворвется в иранское посольство в Лондоне. Операция продлится несколько минут. Пятеро из шестерых террористов окажутся убитыми, а 19 заложников живыми и невредимыми покинут посольство.

Позже, выступая в палате общин, премьер-министр Маргарет Тэтчер скажет: «Этот штурм вселяет в англичан гордость за свою нацию».

Все эти события – и террористические акты, и противодействие им – говорили об одном: мир вступает в эпоху невиданного разгула террора и насилия и борьбы с ним. Произошедшие в первые месяцы нового десятилетия, они прозвучали своеобразным предупреждением человечеству.

В нашей стране с тревогой следили за нарастающими в мире событиями. Советский Союз никогда не симпатизировал террористам, не выступал с заявлениями о солидарности с той или иной террористической группировкой. Такого не было в истории нашего государства. Все террористические организации и группы, даже если они носили наименования «красных бригад» в Западной Европе или «Красной Армии» в Японии и прикрывались самыми благими целями и задачами, нами осуждались. У нас террор всегда был вне закона.

Однако при всем этом в международной политике СССР существовал негласный закон: Министерство иностранных дел практически никак не реагировало на акты террора против советских граждан, работавших за рубежом. Словно подобных актов не существовало.

И если США поднимали шум по поводу захвата даже одного американского гражданина и грозили применить военную силу, то Москва, наоборот, при получении скорбных известий хранила гробовое молчание.

А захваты были. И люди наши гибли. Но сколько их не вернулось на Родину или вернулось в цинковых гробах, сколько соотечественников пали жертвами терроризма, сегодня выяснить не удастся. Да вряд ли и удастся. Поскольку никто не вел тогда этой страшной статистики.

Только в 1985 году, когда в Бейруте были захвачены советские граждане, служащие посольства и торгпредства в Ливане, и случай этот приобрел скандальную известность во всем мире, СССР осудил захват наших граждан и послал в Ливан и Сирию специального представителя, который занялся судьбой заложников. Но дело, разумеется, не только в реакции официальных властей. Судьба заложников стала известна и взволновала тогда всю страну.

В том же 1985 году произошло еще несколько террористических актов против советских граждан и различных официальных представительств нашей страны.

В Ливане – взрыв бомбы перед представительством «Интуриста» в Бейруте и бандитское нападение на сотрудника советского посольства, у которого была отобрана машина; в Ливии – задержан в качестве заложника водитель строительно-монтажной организации А. Левченко; в НДРГ – вооруженное нападение на квартиру советского военного специалиста М. Смирнова, он был тяжело ранен; в ФРГ – взрыв бомбы перед входом в представительство «Аэрофлота» в Гамбурге.

Список терактов можно продолжать. Увы, с прискорбием надо признать: просматривалась устойчивая тенденция к их росту. Какой же выход из этой весьма непростой ситуации?

Ответ, казалось бы, ясен и прост: государство, посылающее своих граждан в отдаленные уголки мира, обязано заботиться об их безопасности, а при необходимости использовать все возможности для их освобождения. Это так, но будем реалистами – теракты порой совершаются за тысячу миль от родных границ, в странах, враждебно настроенных к нам. Не следует забывать и о том, что нередко дипломаты оказываются бессильными. Тогда остается военное вмешательство. Речь, разумеется, не о широкомасштабном применении военной силы, а о спецподразделениях

по борьбе с терроризмом. И задача эта архитрудная. Горьким подтверждением тому может служить провал операции «Орлиный коготь» с применением «Дельты» для освобождения заложников в Тегеране.

Полковник Беквит, опытный офицер, классный специалист своего дела, так отреагировал на первое известие о применении «Дельты» в подобной операции: *«У меня никак не укладывалась в голове мысль о возможности проведения операции по спасению заложников. К тому же, логически рассуждая, эта затея выглядела авантюрной. От нас до Ирана огромное расстояние. Более того, требовалось пролететь над иранской территорией около тысячи миль до возможной посадки и, наконец, предпринять нападение на сильно охраняемый объект – посольство, расположенное в центре четырехмиллионного города с враждебно настроенным к нам населением. Трудно себе представить более сложное положение.*

В штабе объединенного командования я услышал несколько идиотских предложений. Некоторые думали, что мы сможем прыгнуть на парашютах и, как туристы, проследовать на машинах в посольство».

Как показала жизнь, беспокойство Беквита было обоснованным.

И тем не менее в истории борьбы с терроризмом известно много удачных операций, проведенных на высоком профессиональном уровне. К ним можно отнести освобождение заложников в аэропорту Могадишо западногерманским спецподразделением ГСГ-9, на которое ушло всего 7 секунд.

Сотрудники ГСГ-9 прикрепили к люку салона самолета специальную подрывную ленту, применяемую для отделения ступеней ракет. В салон заброшены гранаты, обладающие ослепляющим и оглушающим эффектом. Террористы оказались на время парализованными, и этого было достаточно, чтобы их обезвредить.

Уникальную операцию по освобождению заложников осуществили израильские командос в аэропорту Энтеббе (Уганда). При подготовке к ней был проведен большой комплекс мероприятий. В Уганду заброшена агентура для поддержания радиосвязи с израильской разведкой. Заложников, которых отпустили террористы, тщательно опросили сотрудники израильской разведки МОССАД.

Для прикрытия операции в ходе телефонных переговоров с Францией постоянно подчеркивалась мысль о намерениях Израиля вступить в переговоры с террористами. Предполагалось, что переговоры перехватываются бандитами.

В день операции израильские командос самолетами были

доставлены из Тель-Авива в Кению. Ночью один из самолетов, оборудованный специальной аппаратурой для подавления радарной системы аэропорта, приземлился в Энтеббе. В ходе быстротечного боя бойцы группы антитеррора захватили терминал, в котором террористы удерживали заложников. Операция длилась 53 минуты вместо 55 по плану. Все террористы были убиты. Подразделение коммандос потеряло одного человека, из девяноста заложников погибло трое.

Но все это, как говорится, чужие лавры. Можно только позавидовать, что Израиль, Германия, Англия имеют столь высокоподготовленные спецподразделения.

А что в нашей стране? Средства массовой информации нередко кивали на Запад, мол, опять нас опередили. Трудно проверить, так ли это, официальных конкурсов на приз «супергруппа планеты» не проводилось, каких-либо соревнований тоже. Так что рассуждения на тему «Кто сильнее, кто слабее» просто бесплодны.

Если же говорить о боевых операциях, в которых участвовала группа антитеррора «Альфа», то они, пожалуй, лучше любых конкурсов говорят о ее высоком профессионализме.

1981 год. В Сарапуле, что в Удмуртии, спецподразделение обезвредило двоих вооруженных автоматами террористов, которые взяли в качестве заложников 25 учеников средней школы.

1983 год. Сотрудниками группы проведена боевая операция в Тбилиси по освобождению самолета «Ту-134» с 57 пассажирами на борту.

1986 год. Двое военнотружущих в Уфе захватили самолет «Ту-134». Жизни 76 пассажиров оказались под угрозой. В результате проведенной операции один из преступников был убит, другой ранен. Заложники не пострадали.

1988 год. Преступники во главе с матерым уголовником Якшиянцем в своих целях использовали детей: заложниками оказались ученики 4-го класса. В ходе длительного психологического противодействия, умелых и мужественных действий бойцов группы «А» все дети были освобождены. Террористы, вылетевшие в Израиль, возвращены.

1989 год. В результате штурма захваченного самолета в Баку преступник обезврежен, заложники оказались на свободе.

1989 год. Итогом боевой операции, проведенной в Саратове, стало освобождение семи заложников, среди которых находился и ребенок. Террористы, оказавшие сопротивление, уничтожены.

1990 год. Сотрудники подразделения, находившиеся в Ереване, принимали участие в задержании вооруженной банды «Серого». В

результате перестрелки три бандита убиты, двое ранены, шесть задержаны.

1990 год. Освобождение захваченного вооруженными преступниками следственного изолятора в Сухуми.

1990 год. Бойцы группы приняли участие в проведении операции в Ташкенте по пресечению преступных действий угонщиков пассажирского самолета «Ту-134».

Такой послужной список «Альфы» за десятилетие. Особенно важно отметить, что все операции прошли успешно.

Да, среди заложников были жертвы. Однако люди были убиты или ранены еще до вступления в дело подразделения антитеррора. Ни один человек не погиб, не получил ранения или увечья по вине сотрудников группы. Ни в чем нельзя упрекнуть этих мужественных, смелых, боевых парней.

В Тбилиси самолет находился в воздухе, когда бандиты без объявления каких-либо требований ворвались в пилотскую кабину и застрелили двоих пилотов, позже бортпроводницу и двоих пассажиров. Но при штурме самолета не погиб никто, а террористы были обезврежены.

В Уфе в первые же минуты захвата авиалайнера террористом был убит пассажир. Бандита застрелили.

Так у нас. Но мир потрясают иные цифры, десятки, сотни смертей и как итог терактов, и как результат низкого профессионализма спецслужб.

Ноябрь 1985 года. При освобождении заложников на египетском самолете «Боинг-737» в аэропорту «Валлетта» (Мальта) погибло более 60 человек.

Май 1986 года. В аэропорту Карачи при штурме захваченного самолета убиты 14 пассажиров и членов экипажа, 98 человек получили ранения.

...Однако вернемся к началу 80-х, когда мир захлестывала новая волна глобального террора. Советский Союз не стал исключением и принял самые решительные меры в борьбе с преступниками.

17 декабря 1981 года группа «А» была поднята по тревоге...

Сарапул. Восемьдесят первый год

Из служебного отчета группы «А»

«17 декабря 1981 года в 13.30 в г. Сарапул Удмуртской АССР военнослужащие в/ч 13977 рядовые Мельников А. Г. 1962 г. рождения и Колпакбаев А. Х. 1960 г. рождения, оба члены ВЛКСМ, покинули пост и, вооруженные двумя автоматами Калашникова со 120 патронами, в средней школе № 12 захватили в качестве заложников 25 учеников 10-го класса, выдвинув требование выдать заграничные паспорта и визы на выезд и отправить самолетом в США или любую другую капиталистическую страну, угрожая в противном случае расстрелять заложников.

В город Сарапул были направлены сотрудники спецподразделения 7-го управления для пресечения этой преступной акции. Руководство операции было возложено на заместителя председателя КГБ СССР генерал-полковника Чебрикова В. М.

Личный состав спецподразделения 7-го управления в 00.30 мин. прибыл к месту происшествия».

«В результате переговоров с преступниками в 19.40 они освободили 15 учениц, а позже, в 21.20, еще троих. К моменту прибытия спецподразделения обстановка характеризовалась следующими элементами.

Преступники с оружием наготове удерживали 7 заложников, продолжали оставаться в закрытом изнутри классе, расположенном на втором этаже здания школы, два окна из трех которого были экранированы щитами.

Во исполнение требований преступников им были выписаны загранпаспорта. Район происшествия контролировался военнослужащими конвойного полка внутренних войск. Класс, где находились преступники, и подступы к нему были блокированы оперативным составом местных органов Комитета госбезопасности и военнослужащими полка МВД, дислоцирующегося в г. Сарапуле».

«Сарапул» – первая антитеррористическая операция, проведенная в послеафганский период. Сейчас сотрудники группы «А» вспоминают ее, как умудренные опытом мужи вспоминают о своих первых несмелых, младенческих шагах. «Альфа» вырастет численно, наберется опыта, возьмет на вооружение передовые методы и способы борьбы с

терроризмом лучших зарубежных спецгрупп.

Но все это будет потом – через год, через два. А в декабре 1981 года группу поднимут по тревоге, бойцы загрузят боеприпасы. Кстати, патронов и гранат возьмут столько, что, пожалуй, хватило бы на месяц войны. На обратном пути, не израсходовав ни одного патрона, удивятся – как такое пришло в голову? Но кто знал, как оно повернется.

Позже, со временем, придет понимание того, что спецподразделению нужен только минимум боеприпасов. Где и как их применять? В самолете, когда каждый террорист прикрывается несколькими заложниками, а автобусе, когда преступник Якшиянц и его подручные держали на мушке детей? Вряд ли кому подобное взбредет в голову. Здесь скорее нужны психологическое оружие плюс точный расчет.

У нас нередко даже среди высоких руководителей, с экранов телевизоров звучат уверенные заявления: «Каждый имеет право на ошибку». Группа антитеррора такого права не имеет. Вспомним, чего стоила ошибка немецкой полиции и спецподразделений в Мюнхене, на Олимпийских играх-72. Вот как описывают те события репортеры французского журнала «Пари Матч»:

«...Немецкая полиция рассчитывает найти союзника в надвигающейся ночи. Полное затишье в Олимпийской деревне. Разящая тишина. Сейчас будет разыгран последний акт драмы.

Микроавтобус «Фольксваген» темно-голубого цвета останавливается перед израильским павильоном. Террористы – палестинцы-феддах отвергают машину. Она для них слишком тесна. Они не смогут в ней защищаться. Подъезжает военный кар. Палестинец внимательно исследует его. Затем девять заложников, со связанными за спиной руками, под дулами автоматов садятся в машину. Кар движется к условленному месту, к западу от деревни. Там заложников и террористов ожидают три вертолета с уже запущенными двигателями.

В аэропорту устроена западня. В сопровождении полицейских собак солдаты окружают взлетно-посадочную полосу. В укромных местах занимают позиции снайперы, палец на спусковом крючке.

По световому сигналу вертолетов прожекторы ПВО пронизывают ночь. БТР зажигают фары.

...Драма разыгралась стремительно. Два террориста, сойдя с вертолета, в качестве разведчиков направились к «Боингу». Внезапно вертолеты включают огни. Сигнал ли это? Полиция освещает взлетно-посадочную полосу прожекторами. Тут же начинается стрельба. Одна граната взрывается в вертолете. Это феддах предпочел взорвать себя и

заложников, которые были ему поручены. Теперь стреляют отовсюду.

Четыре других израильтянина со связанными ногами и запястьями принимают автоматные очереди в упор, не имея возможности сделать даже защитный жест. Все кончено. Полный провал. 18 часов тревоги заканчиваются в крови, в ненависти и стыде».

Трагедия всколыхнула весь мир. В Тель-Авиве лицеисты собрались перед зданием германского посольства. Посол Жеско фон Путткамер назвал «днями позора» страны ту трагедию, которую пережил Мюнхен.

Реакция непримиримых в Израиле была крайне резкой. Неужели вы надеялись, говорили они, что немцы озаботятся еврейскими жизнями? Не менее горькими были заключения газет: они обличали легкомыслие властей, позволивших захватить израильских атлетов, и действия немецкой полиции по освобождению заложников.

Америку лихорадило. Перед решеткой германского посольства в Вашингтоне Вильям Пирл, глава «Лиги защиты евреев», дирижировал манифестацией: «Мы обвиняем германское правительство в преступной небрежности. Оно ответственно за трагедию!»

Та же лига опубликовала коммюнике, в котором объявила, что единственным эффективным возмездием за мюнхенское злодеяние было бы убийство арабских дипломатов. Конгресс сотрясали крики ярости. Конгрессмены призывали порвать всякие отношения со странами, дающими убежище для террористов.

Госсекретарь Вильям Роджерс заявил со своей стороны: «Невозможно себе представить, что международное сообщество способно и далее терпеть этот вид рака...»

Да, дорого стоила Германии одна неудавшаяся операция. К нашей радости и гордости, мы можем сказать: в биографии группы «А» таких черных пятен нет. И Сарапул стал ее первой крупной удачей. Были освобождены все заложники, а террористы сдались без единого выстрела.

Через много лет одна из центральных газет сообщит: «Об этом происшествии в свое время по Удмуртии ходило много слухов... Как-то раз, когда в одной из школ подходил к концу последний урок, в десятый «В» ворвались двое солдат с автоматами. Объявили школьникам: «Вы – заложники, выпущены будете лишь в том случае, если нам дадут возможность улететь на самолете за пределы страны».

Весь вечер и всю ночь продолжался этот драматический «урок». Сотни людей ни на миг не сомкнули глаз: сами ученики и их родители, работники милиции и КГБ, военные. Кто-то из военных чинов предлагал даже взять класс штурмом, с использованием танков. Победила не сила, а разум и

точный расчет. Начальник местного райотдела КГБ капитан Владимир Орехов предложил себя в заложники вместо ребят, а потом сумел перехитрить террористов.

Орехову пришлось всю ночь быть в контакте с преступниками, вести переговоры, когда бандиты уже держали палец на спусковом крючке автомата. Все верно. Были сотрудник КГБ капитан Орехов и десятки других людей, сражавшихся за освобождение детей. Не названы только те, кто в 00.30 18 декабря прибыл к месту происшествия, а в 5.28 обезоружил преступников. Что это за люди? Почему о них не сказано ни слова?

Кстати говоря, такой подход наших средств массовой информации к действиям «Альфы» сохранится и в дальнейшем. Винаваты тут не только журналисты, но и руководство КГБ, которое держало группу на сверхсекретном положении. Хотя и Комитет госбезопасности понять можно. Подобное подразделение вряд ли нуждается в рекламе. И все-таки можно было найти золотую середину. И секретов не раскрыть, и группу с ее поистине героическими делами не оставить в неизвестности.

Да и другое очень важно. Зная о существовании столь мощного спецподразделения, возможно, кто-нибудь и задумался бы, идти ли ему на преступление?

Но ничего подобного не случилось, о группе «А» никто не знал, и рядовые Мельников и Колпакбаев, сбежав с поста, явились в близлежащую школу. План они продумали заранее, и когда на пороге школы их спросили о цели визита, солдаты невозмутимо ответили, что их послали разыскать противотанковые мины, которые якобы откопали и спрятали школьники. Им поверили.

Поднявшись на второй этаж, террористы ворвались в класс. Колпакбаев, дав очередь в потолок, объявил всех заложниками. Ими оказались 25 учеников и учительница.

Было 13.30. Началась 16-часовая борьба за жизнь детей. Психологи считают, что очень важны первые полчаса-час переговоров. Наиболее опасны первые минуты после захвата. Тем, кто вступает в контакт с террористами, необходимо стабилизировать ситуацию, начать переговоры, попытаться успокоить преступников. Ибо в начальной фазе инцидента психологическое напряжение велико и представляет особую опасность для жизни заложников.

Несомненно, надо отдать должное капитану Владимиру Орехову, который достаточно профессионально начал переговоры с Мельниковым и Колпакбаевым. Он сумел достичь определенного взаимопонимания с террористами, вел беседу в доверительном тоне, без угроз и грубостей. В

то же время был тверд в принятии решений, не допускал колебаний.

Когда террористы потребовали вылета в США или другую капиталистическую страну, он заверил, что это не такое простое дело, нужно подготовить соответствующие документы, выписать заграничные паспорта. В последующие часы Мельников и Колпакбаев только и были заняты тем, что заполняли анкеты, различные справки, отвечали на вопросы. Таким образом, было выиграно время, получена информация о преступниках, имеющих в их распоряжении огневых средствах. Район происшествия контролировал полк внутренних войск; класс, где находились преступники, и подступы к нему были блокированы оперативным составом местных органов КГБ и военнотружущими МВД.

Капитану Орехову удалось уговорить террористов сначала выпустить девочек с учительницей, потом нескольких ребят. В классе, в руках преступников, еще оставалось семеро мальчишек.

В 00.30 в Сарапул прибыла группа «А». Она совершила стремительный ночной рейд из ижевского аэропорта по скользкой, обледенелой дороге. В пути обогнали автобус с подразделением ОМСДОН МВД, своими давними партнерами, которые тоже спешили к месту происшествия.

Сергей Гончаров, сотрудник группы «А»:

– Когда мы въехали в Сарапул, было такое впечатление, что город не спит. Люди толпами и в одиночку шли в сторону захваченной школы. У школы плотное кольцо людей, которых едва сдерживает милиция.

Начальник группы Зайцев работал в штабе ЧП, на первом этаже школы.

Опыта проведения подобных операций не было. Ведь это один из первых вооруженных захватов в нашей стране.

Пока штаб искал выход из создавшегося положения, начальник местного КГБ Орехов вел переговоры с террористами. Мы попросили его дать информацию. Он коротко пересказал суть дела, объяснив, что в классе осталось семеро заложников, террористов он убеждает, будто им выписываются загранпаспорта. Ни на какие компромиссы те не идут.

Что ж, проработали операцию, расписали по точкам бойцов, надели средства защиты, бронежилеты, каски, оружие. В касках мы пробыли часа четыре. Помню, когда снял ее, показалось, что на плечах нет головы.

В школе тихо, когда идешь по коридору, титановые пластины в бронежилете постукивают, обувь скрипит. Пришлось разуваться и передвигаться в носках.

В общем, глубокая ночь, все устали. И тут вдруг неожиданно

открывается дверь. Мы подняли оружие. Оказывается, бандиты отпустили в туалет одного из парней. Его привели в штаб, расспросили, где сидят преступники. Сидели они за учительским столом, направив автоматы на заложников.

Ученика попросили возвратиться назад в класс и сказать, что в школе все спокойно.

Валерий Бочков, сотрудник группы «А»:

– Долгие и трудные переговоры закончились удачей. В обмен на загранпаспорта они отдали заложников, семерых школьников. И в результате в классе остались одни. Наш наблюдатель сквозь щиты, которыми были закрыты окна, видел, как один из террористов безнадежно разводил руками. Видимо, дошло, что они просчитались. В общем, переиграли их.

Сергей Кувылин, сотрудник группы «А»:

– Мы уже были готовы к штурму, когда открылась дверь и Мельников с автоматом вышел из класса. Я к нему:

– Ты чего?

– Мне капитана Орехова...

Оборачиваюсь, невдалеке Зайцев стоит. Он молча качает головой: не надо.

– Орехов ушел.

– Нет, я требую капитана...

Стараясь говорить как можно спокойнее, подхожу все ближе:

– Ты автомат бросай... – Он еще что-то бормотал, я еще раз: – Бросай оружие...

Мельников действительно бросил автомат, скрылся в классе, захлопнув дверь.

В это время из своего укрытия вылетают Гончаров и Зотов – и в дверь. Видимо, от волнения стали открывать ее внутрь. Но для террористов это тоже было шоком. Когда мы ворвались в класс, Мельников стоял бледный как мел за дверью, а Колпакбаев, вскинув автомат, злобно усмехался. Трудно сказать, хотел ли он выстрелить или просто для устрашения поднял оружие, но в ту же минуту автомат у него выбили, и вскоре он уже лежал в наручниках, носом в пол.

Все обошлось, героического особенно ничего не случилось. Хотя пулю вполне можно было схлопотать.

Так закончилась первая антитеррористическая операция «Альфы». Бескровная, без единого выстрела. Молодых, неопытных, психологически слабо подготовленных террористов удалось переиграть. Больше таких

подарков бойцам спецподразделения судьба не преподнесет. Они столкнутся лицом к лицу с оголтелыми, изощренными, циничными преступниками.

«На линию огня – марш!»

Выучка сотрудников «Альфы» не может не восхищать. Много находилось охотников проверить ее бойцов. И всякий раз проверяющие оказывались посрамленными. Не от того только, что такая проверка крайне затруднена, нет аналогов. Обычный норматив сотрудника КГБ к ним не подходит, а, например, проникновение в самолет за полминуты – плохо это или хорошо?

Человек, даже много лет прослуживший в системе госбезопасности, но не знакомый со спецификой работы группы, наверное, будет в восторге: ведь всего-то тридцать секунд. Оказывается, восторгаться нечем. Результат, как говорится, на двойку с минусом. Как подчеркивал Чарльз Беквит: *«Если студент в американском колледже дремлет на лекции по английской литературе, он получит «неуд» на экзамене. Если же студент «Дельты» дремлет на занятиях по штурмовым операциям, он вскоре получит пулю в лоб»*.

Студенты «Альфы» тоже не дремлют на занятиях. Тем более что занятия вряд ли располагают к дремоте. Не хотелось бы рассказывать о нормативах, тестах, обычных для сотрудников группы.

Цифры, даже самые яркие, не предадут всей палитры высокого профессионализма. Что же касается фактов, они, безусловно, более показательны.

Пятак, пробитый пулей снайпера из группы «А» с расстояния в 100 метров, впечатляет. Ножи, воткнутые частоколом в обычную оконную раму с расстояния в 30 метров, – тоже. Скоростная стрельба из пистолета Макарова, Стечкина и других систем стоя, лежа, в падении, на животе, на спине еще более эффектна. И все-таки каждый понимает: нынешние террористы не ходят в одиночку, они обучены, изощрены и изобретательны в своих варварских методах. Им должен противостоять не антитеррорист-одиночка, а коллектив – сплоченный, спаянный, понимающий друг друга не с полуслова (чаще на него и времени-то нет), но с полувзгляда.

Такой ли коллектив группа «А»? Этот вопрос не раз ставили перед ними начальники малых и больших рангов. И всякий раз ответ был етолько положительным.

Это были настоящие профессионалы. Но в стране, где правили бал надутые дилетанты и спесивые любители, профессионализм, мастерство вызывали нередко поистине столбнячный эффект.

Были конечно, и забавные случаи. «Альфа» – вот потрясающий парадокс! – в первые годы своего существования не имела своего стрельбища. Приходилось у кого-то просить, арендовать на время чужие стрелковые поля. Это крайне неудобно. Но иного выхода не представлялось.

Так вот, однажды, приехав на одно из таких стрельбищ, сотрудники группы попали в руки строгого армейского капитана. Тот, оглядев их, одетых в полугражданское-полувоенное обмундирование, с длинными, совсем не армейскими прическами, с усмешкой заключил:

– Партизаны...

Надо побывать хоть раз в шкуре офицера запаса, призванного на сборы и метко окрещенного в народе «партизаном», чтобы понять, сколько презрения и ехидства вкладывает в это слово кадровый офицер.

Бойцы «Альфы» поняли. И промолчали. Они уже привыкли к разным ситуациям и блюли старый завет: рассказывать о себе все, кроме правды. И на сей раз согласились принять легенду капитана и побыть несколько часов «партизанами».

Капитан, довольный собой, прошелся вдоль строя:

– Сейчас сержант Семенов познакомит вас с правилами безопасности при ведении огня, покажет, как держать пистолет, чтобы не поранить себя или соседа.

Он обернулся и махнул стоявшему в стороне сержанту. Тот проводил офицеров к линии огня, долго и старательно рассказывал, как снаряжать магазин, досылать патрон в патронник и наконец дал команду первой смене: «Заряжай!»

Трое сотрудников группы выпустили по обойме, не опуская пистолетов. Сержант недовольно покосился, мол, почему не по три патрона, но промолчал. «Альфовцы» первым пропустили его к мишеням, а когда подошли следом, то увидели, что тот обалдело таращил глаза: ни одна из пуль не вышла из мишени.

Обсудили результат, оглянулись, а сержанта и след простыл. Вернулся он вместе с капитаном.

– Что тут стряслось, Семенов? – бодро спросил капитан. – Какие десятки? Знаю я вас, партизан, наvertели дыр отверткой.

Сержант принес мишени. Капитан вскинул их на просвет, к солнцу. Озадаченно крикнул, дырки в центре бумажного листа очень напоминали пулевые пробоины. Но их оказалось так много и они лежали так кучно, что... Но ведь подобного не могло быть...

К тому же капитан тоже не лыком шит, навидался на своем веку

стрелков, знает, какие снайперы из «партизан», дрянные они стрелки. А тут прямо чертовщина: центр мишеней в кашу превратили.

Капитан снова стал рассматривать мишени на просвет.

– Не верится? – спросил один из лучших стрелков «Альфы» Григорий Золотовский.

– А вы б поверили?

– И я б не поверил...

Капитан обвел взглядом улыбающиеся лица «партизан» и только тут понял, что его провели, что они все сговорились.

– Эх вы, – укоризненно покачал головой капитан, – а еще взрослые серьезные люди, я так и знал – шомполом наvertели дырок.

– Ладно, капитан, – сказал Золотовский, – пошутили, и хватит. Постой вот тут, посмотри, если есть желание.

И подал команду:

– Вторая смена, на линию огня, марш!

С этой сменой повторилось то же самое. Притихшие, капитан и сержант, почуяв неладное, стояли в сторонке. Иногда вместе с сотрудниками подходили к мишеням, тупо смотрели в них.

Не сказав ни слова после стрельбы, капитан проводил «партизан» к автобусу и, заглянув в салон, удивленно выдавил:

– Так вы откуда, ребята?

– Ну вот, – рассмеялись сотрудники, – а говорил: «Вижу всех насквозь».

Когда автобус тронулся и покатил, кто-то из окна крикнул:

– Да партизаны мы, капитан, партизаны! Не сомневайся... Спи спокойно!

Высокий профессионализм группы – не заслуга командира и даже не личное желание ее бойцов, это жизненная необходимость. Хочешь уцелеть в бою – должен многое знать и еще больше уметь.

В «Альфе» каждый занимается по индивидуальной программе.

В ходе огневой подготовки сотрудники спецподразделения обучаются мастерскому владению всеми, как отечественными, так и зарубежными видами стрелкового и специального оружия, ведению огня ночью и днем, на предельной дальности. Основное внимание сосредоточено на выработке навыков поражать цели с первого выстрела, первой очереди, на ходу, по вспышкам, на звук. Вести огонь в городе, в здании, в горах, в самолете, вагоне поезда, на различных плавсредствах.

Бойцы способны переносить длительные физические и нервные перегрузки, они смелы, решительны, стойки. В ходе занятий в учебный

процесс вносятся элементы напряженности, внезапности, опасности и риска.

Вот обычное задание бойцам спецподразделения, действующим в составе разведывательно-диверсионной группы. На карте указывается точка в лесу. Группа должна в короткий промежуток времени выйти на точку, отыскать дерево, в дупле которого находится кассета с приказом. Затем, двигаясь по азимуту, выйти к охраняемому объекту, снять часового и захватить объект. По самым скромным оценкам, до объекта не один километр. Времени на операцию – 20 минут.

Задание, признаться, рассчитано на сверхчеловека. Будь ты супербегуном и даже экстра-класса ориентировщиком, вряд ли под силу на незнакомой, лесистой и пересеченной местности за минуту преодолевать по километру.

Выйти на дорогу нельзя: там засады.

В неординарных условиях следует искать неординарные решения. Это правило известно каждому бойцу «Альфы», что называется, с младых ногтей. Но легко сказать, да нелегко сделать. Перед разведчиками диверсионной группы – опушка леса, дальше огромное ржаное поле, на котором одинокий комбайн, и нигде ни души.

Текут минуты, и кажется, что выхода нет. Есть! Начальник группы командует: «Вперед!» – и через несколько мгновений люди в масках уже бегут рядом с комбайном.

Удивленный водитель останавливает комбайн, выглядывает из кабины. Один из бойцов вскакивает на подножку.

– С утра работаешь?

– Да, с пяти часов, – подтверждает комбайнер.

– Ничего подозрительного не заметил? Трое уголовников сбежали из лагеря. Не исключено, что они прячутся в лесу, – боец показывает на кромку леса, где находится их желанный объект.

– Так в чем дело, ребята, залезайте в шнек, я вас быстро к лесу подброшу. А если что, то и монтировкой подмогну.

– Не надо, – смеются ребята, залезая в чрево комбайна. – Мы сами. Если что, сигнал подай.

И через минуту-другую комбайн уже пылит по проселочной дороге. Положив рядом на сиденье монтировку, комбайнер зорко вглядывается в кустарник на обочине.

Замаскировавшаяся в перелеске рядом с дорогой засада и не подозревает о затаившихся внутри комбайна людях.

Вот и лес. Бойцы, словно тени, исчезают в густой чащобе, падает

«сраженный» часовой. Объект в руках диверсионной группы.

Так выглядит лишь один из эпизодов многочисленных тактических разработок «Альфы». Что же касается специальной подготовки – она разнообразна, профессионально многопланова и весьма необычна с точки зрения как армейского специалиста, так и сотрудника безопасности. Бойцы группы, умело используя веревку, спускаются со зданий, сооружений, самолетов, занимаются одиночным лазанием, лазанием в связке, проводят установку траверзных систем креплений тросов.

Они проходят обкатку на бронетанковой технике, занимаются воздушно-десантной подготовкой, осваивают программу боевых пловцов ВМФ.

Все сотрудники прекрасно знают любые образцы автомобильной техники, приобретают навыки ведения огня из вооружения современных танков, БМП, БТР, осуществляют радиообмен на штатных средствах радиосвязи при движении в автомобиле, при ведении огня и выполнении боевой задачи.

Бойцы «Альфы» являются специалистами в авиационной технике. Они знают все: как загружается авиалайнер, как меняется экипаж, как производится заправка самолета. Им знакомы все люки отечественных и зарубежных самолетов, отработана схема проникновения в салон.

Группа располагает современными видами стрелкового оружия, боевой и специальной техники. Среди них средства для психологического воздействия и метательные устройства, оптические и ночные прицелы.

Для экстренного вскрытия дверей, люков, замков, перерезания стальных прутьев и цепей применяются комплекты накладных зарядов и мощных резаков бесшумного действия. Контроль за обстановкой внутри помещений, занятых преступниками, осуществляется с помощью высокочувствительных технических устройств. А для проникновения в подобные помещения применяются специальные средства «Роллиглис».

Постоянно совершенствуются и средства индивидуальной защиты: сокращается вес бронежилета при обязательном условии – сохранении свободы движения.

Сотрудниками спецподразделения созданы схемы посольств и иностранных представительств жилых домов особняков и дач дипломатов, аккредитованных в Москве, даны поэтажные планы, указаны места проникновения в здания, возможное расположение в них сил и средств, количество людей, тактика их действий.

Имеются также планы гостиниц, железнодорожных вокзалов и аэропортов. Изучены маршруты выдвижения к объектам.

Таковы некоторые особенности подготовки уникального подразделения. Небольшая часть работы, способов деятельности группы, ее вооружения – все то, что можно хотя бы в общих чертах раскрыть.

Остальное – за порогом этого повествования.

Несмотря на демократию и открытость, секреты у «Альфы» остаются, ведь терроризм не складывает оружия. Значит, у «Альфы» по-прежнему много работы.

Крылья террора

Терроризм неистребим, считают психологи. Дело не только в природной агрессивности человека, но и в том, что для одних террорист – заурядный преступник, а для других – борец за свободу и счастье народа. Даже в резолюциях по терроризму, утвержденных в ООН, отсутствует четкое и однозначное определение.

В 1887 году Александр Ульянов в ночь перед казнью – он покушался на царя – написал матери письмо, в котором, в частности, есть такие строчки: «Терроризм – это оружие тех, кто силен духом и малочислен». Возможно, тут и спрятан ключ к пониманию корней терроризма?

Терроризм крылат. Он облюбовал одно из самых эффективных средств передвижения. Через аэропорты, пункты контроля, салоны лайнеров и пилотские кабины проходит фронт борьбы с терроризмом. Идет настоящая война.

Как считает американский профессор Маккензи Ора, руководитель программы «Терроризм и авиация», существующей в рамках Всемирного фонда авиационной безопасности, «это война, которую невозможно выиграть, но нельзя проиграть».

По оценкам экспертов, терроризм в авиации стал огромным бедствием. Статистика хайджекинга^[1] заставляет задуматься: по-прежнему угоняются самолеты, гибнут люди. В истории нашей страны таких периодов было немало. Случались, когда «мы были впереди планеты всей». Время от времени устанавливали рекорды не только по количеству угнанных в год самолетов, но и в месяц, в неделю. Напомню: именно таким выдалось «сумасшедшее» лето 1990 года.

9 июня был угнан самолет из Минска в Стокгольм, 18 июня – из Измаила в Турцию, 19 июня – из Риги в Хельсинки, 24 июня – из Таллинна в Хельсинки, 28 июня – попытка угона в Турцию самолета «Ту-154», совершавшего рейс Краснодар – Оренбург – Краснодар, 30 июня самолет, вылетевший из Львова, по требованию террориста изменил курс и совершил посадку в Стокгольме.

Что и говорить, «плотность» угона самолетов оказалась беспрецедентной не только в истории нашей гражданской авиации, но и в мировой практике. Летать самолетами стало не менее опасно, чем ходить по ночному городу.

Борется ли мировое сообщество с разбоем на воздушном транспорте?

Безусловно. Если коснуться правовой стороны этого вопроса, то следует отметить важность заключенных международных документов – Токийской конвенции 1963 года о преступлениях и некоторых других действиях, совершенных на борту воздушного судна, Гаагской конвенции 1970 года о борьбе с незаконным захватом воздушных судов, Монреальской конвенции 1971 года о борьбе с незаконными актами, направленными против безопасности гражданской авиации, и дополняющего эту конвенцию протокола 1988 года о борьбе с незаконными актами насилия в аэропортах, обслуживающих международную гражданскую авиацию.

В них воздушные террористы названы злейшими врагами человечества. И, думается, вполне справедливо. Каждый преступник, какими бы благими намерениями он ни прикрывался, должен знать: везде его ждет суровое наказание. Согласно конвенциям, государства, подписавшие их, обязаны выдать или сами наказать воздушных разбойников. Таким образом, гарантируется неизбежность возмездия.

В большинстве своем так и происходит. Нашей стране были выданы Гилев и Поздеев, угнавшие в 1970 году в Турцию самолет «Л-200»; Загерняк и Шелудько, улетевшие на «Ту-134» в 1977 году в Финляндию; Засимов, захвативший в 1986 году «Ан-2» и принудивший командира самолета совершить посадку в Иране.

Названные конвенции сыграли главную роль и в том, что террористы во главе с Якшиянцем, захватившие в Орджоникидзе детей и потребовавшие вылета за границу, были переданы Израилем в руки советского правосудия.

Однако и те преступники, которые не были возвращены на родину, не остались безнаказанными. Бандитов Шмидта и Шуллера, угнавших в 1982 году «Ан-24» в Турцию, приговорили к восьми годам тюремного заключения. Бывший пилот Алимуратов, захвативший в 1985 году самолет, тоже получил восемь лет тюрьмы.

Да, международное правовое обеспечение борьбы с терроризмом крайне необходимо. Но следует признать: при всей важности конвенций они срабатывают лишь после совершения акта воздушного разбоя. А что же делается по предупреждению бандитских вылазок на воздушном транспорте?

Здесь война идет с переменным успехом. К середине 80-х годов многие международные аэропорты оснащаются новейшими контрольными устройствами и рентгеновскими машинами. Казалось бы, положен конец террору на воздушном транспорте. Ведь на борт лайнера невозможно пронести незаметно даже газовый баллончик или металлическую

зажигалку.

Но человечество поторопилось отпраздновать победу. Весной 1986 года одну из дискотек Западной Германии потряс мощный взрыв. Погибло трое американских офицеров, США не собирались отмалчиваться. Ровно через десять дней президент Р. Рейган объявил всему миру о том, что он располагает неопровержимыми доказательствами причастности Ливии к этому теракту.

Военно-воздушные силы США нанесли бомбовые удары по предполагаемому месту нахождения Каддафи, а также по его штаб-квартире в Триполи. Каддафи уцелел, а через двое суток в Ливане нашли убитыми троих заложников – двоих британцев и одного американца. Таков был ответ террористов.

Война обретала новые масштабы, напряженность и новое качество. Самолеты перестали угонять, их стали просто взрывать. Бомба, положенная в самолет авиакомпании «Эйр Индия», который следовал маршрутом Монреаль–Лондон, взорвалась, погибли 329 пассажиров.

В следующем году взрывное устройство, к счастью, сработавшее в половину своей мощности, вырвало дыру в обшивке самолета компании «Транс Уорлд Эйрлайнз», летевшего из Рима в Афины. Погибло четверо пассажиров, которых выбросило в образовавшуюся дыру.

А еще через два года, в декабре 1988-го, в лондонском аэропорту Хитроу на борт «Боинга-747» ступили 259 пассажиров. Радиокассетный плеер, снабженный взрывным устройством, был уложен на багажную полку. В нужную минуту устройство безотказно сработало. Катастрофа.

Тратятся огромные суммы на безопасность полетов. Так, Израиль на безопасность своего аэропорта Бен-Гурион, который, как известно, находится в одной из самых взрывоопасных зон мира, тратит 25 процентов от общего бюджета, выделяемого на безопасность страны.

В конце 80-х и в 90-х годах прошлого столетия в нашей стране при некоторой изобретательности террористов можно было пронести на борт любое оружие или взрывное устройство. Правда, руководство гражданской авиации страны усиленно убеждало нас в обратном, приводило поистине фантастические цифры изъятых у пассажиров гранат, снарядов, стволов огнестрельного оружия и тонн взрывчатых веществ. Возможно, это и так. Нет основания не верить ответственным работникам. Но, видимо, это не то оружие, стволы и тонны, которые планировалось пустить в дело именно на борту самолета. Их просто перевозили, транспортировали в другую точку страны. И потому они были найдены.

Ибо оружие, которому предстояло «заговорить» при захвате

воздушного судна и сыграть свою роковую роль, в нужный момент все-таки оказывалось на борту. В 1988 году, например, террористы Овечкины уложили его... в футляр контрабаса. А в 1983 году преступники в Тбилиси даже этого не стали делать, просто пронесли оружие без досмотра через депутатский зал, как «уважаемые» люди.

Кстати, об «уважаемых» людях. Кровавая трагедия в тбилисском аэропорту так и не послужила нам уроком. В большинстве цивилизованных стран мира при досмотре перед посадкой в самолет даже самые высокопоставленные лица проходят шесть-семь самых тщательных проверок.

К чему, казалось бы, такая подозрительность? Дело в том, что люди, облеченные властью, должны служить примером для рядовых пассажиров. Это оказывает неоценимое положительное воздействие как на работников службы безопасности, так и на тех, кто проходит досмотр. Следует подчеркнуть особенный нюанс. Законы многих стран разрешают высокопоставленным чиновникам проходить без проверок. Но они соглашались на досмотр вполне добровольно, сознательно. Достойный пример, не правда ли?

В воздушном пиратстве было и еще кое-что, отличающее нас от других, – цели угонщиков. Да, действительно, как ни горько сознавать, в СССР похищали самолеты, чтобы сбежать из собственного дома. Нередко вокруг очередного происшествия газеты поднимали шум и на страницах печати появлялись заголовки: «Воздушный пират или несчастный мальчишка?»

Как ни странно, чаще всего, по мнению нашей гуманной прессы, оказывается, что они никакие не пираты, а те самые «несчастные мальчишки». Такой вывод сделали, к примеру, некоторые журналисты, написавшие о 19-летнем угонщике из Львова Анатолии Михайленко.

30 июня 1990 года, когда самолет был уже в воздухе, Михайленко подозвал стюардессу, показал ей гранату и потребовал от командира лететь в Швецию. Оказывается, был он человеком религиозным и не желал идти в армию. Как признался потом одному из журналистов: «Не хотел нарушить библейскую заповедь «не убий».

Вот только о том, что он мог бы сразу убить почти двести человек, Анатолий не подумал, видно, забыл о библейских заповедях. Тот трудный полет вполне мог закончиться катастрофой. Экипаж находился в сильнейшем стрессе: предстояло лететь по абсолютно незнакомому маршруту, посадка в шведском аэропорту Арланда требовала умения ориентироваться по радиомаякам, навигационным и посадочным огням,

знать систему захода на посадку. Естественно, что летчики, работающие на внутренних линиях, к таким полетам не готовы.

Когда пересекли границу, в воздух поднялись истребители шведских ВВС, они помогали нашему «Ту» приземлиться. За все эти «услуги» нашей стране выставили крупный счет. А таких угонов только в июне 1990 года было несколько. Что и говорить, дорогие «шалости» у наших «несчастных мальчишек».

Международных конвенций, где подобным мальчишеским играм дано четкое определение, предостаточно. Только, что нашим юнцам конвенции? Понимание того, что он, бандит, своими действиями поставил под угрозу жизнь и безопасность десятков, сотен людей, как правило, не берется в расчет. Для многих угонщиков важен иной, политический вывод: свободолюбивый член общества бежал из страны-тюрьмы. И он уже вроде и не преступник. Категорически утверждаем: преступник, бандит.

Сегодня в нашей стране, к счастью, есть нормальный, цивилизованный выезд за рубеж. Но и он, увы, не решает проблему терроризма. Ибо бежали у нас не только юнцы, которых обидел строгий папа или испугала служба в армии. Бежали и другие, которые при самом цивилизованном законе о выезде не пойдут в билетную кассу.

Среди наших доморощенных угонщиков были все типы террористов, которые соответствуют самым «высоким» международным стандартам.

Кто они? Прежде всего преступники, действующие по психологическим мотивам. Их поступки непредсказуемы, они в любой момент могут прибегнуть к насилию.

Имеются три типа преступников: самоубийца, психически больной и террорист, решившийся на преступление из чувства мести.

Посмертная судебно-психиатрическая экспертиза признала террориста Рзаева, захватившего 17 мая 1973 года самолет «Ту-104», следовавший по маршруту Москва – Челябинск – Новосибирск – Иркутск – Чита, психически больным. Хотя, покопавшись в причинах, толкнувших Рзаева на захват воздушного судна, можно было бы и его отнести к разряду свободолюбивых граждан нашего отечества. Рзаев, оказывается, мечтал стать дипломатом, но слабая школьная подготовка не давала ему такой возможности. Он считал, что уж там, за рубежом, его ждет блестящая дипломатическая карьера. Людей, ставших заложниками, террорист, естественно, в расчет не брал.

Преступники, действующие по уголовным мотивам, берут заложников, как правило, на месте преступления, будучи застигнутыми врасплох. Они не имеют разработанного плана и охотно идут на переговоры.

Случаются захваты заложников в заключении. Тут цель ясна: разработав заранее план, они добиваются освобождения или изменения условий содержания.

Самый сложный тип – вымогатель. Здесь террорист пытается заставить власти, семью потерпевшего выполнить его условия. Вымогатель всегда расчетлив, методичен и жесток.

Именно так действовал уголовник, руководитель вооруженной банды Якшиянц, в 1988 году захвативший автобус с детьми в Орджоникидзе. И он-таки добился своего. Ему предоставили самолет, три миллиона денег в валюте и вылет в Израиль. «Альфа» была готова пойти на штурм, но руководитель операции не решился отдать команду, поскольку на карту ставилась жизнь детей.

И, наконец, преступники, действующие по политическим мотивам. Они совершают преступления из чувства социального протеста. Может случиться, что фанатик пытается таким примитивным способом решить сложные политические проблемы. Например, с группой приверженцев захватить своих политических противников. Возможны и иные типы террористов, которые убеждены, что законы не имеют силы. Они, как правило, хорошо теоретически подготовлены и дисциплинированы.

Действия любых преступников могут быть разнообразны и непредсказуемы. Как подтверждает жизнь, с каждым годом они становятся все изощреннее, изобретательнее, берут на вооружение самые современные достижения науки и техники. Подтверждением тому – случай с гражданкой Ирландии, в чемодане которой была обнаружена крохотных размеров пластиковая мина.

Дама собиралась улететь рейсом Тель-Авив – Лондон. Взрыв этой микробомбы не причинил бы вреда даже окружающим предметам, но его было бы достаточно, чтобы сдетонировали несколько фунтов семтекста – высокотоксичного вещества, упрятанного под подкладкой чемодана. Ирландка прошла три пункта тщательнейшего контроля, и задержали ее только на четвертом с помощью суперсовременного специального проверочного устройства.

Специалисты по взрывателям были поражены изобретательностью террористов. Нет сомнения, что на любой другой авиалинии, не оснащенной столь дорогостоящей контрольной аппаратурой, мина оказалась бы на борту самолета.

...Итак, «воздушная война» продолжается. Терроризм не уступает. Он опытен, хитер, расчетлив. Тем, кто противостоит терроризму, тоже опыта не занимать. У «Альфы» счет боевых операций по освобождению

самолетов давно пошел на второй десяток. А начиналось все в ноябре 1983 года. Грузия. Небо над Батуми.

Кровавая «свадьба» в Тбилиси

Из служебного отчета группы «А»:

«18 ноября 1983 года в 16.16 московского времени, во время полета самолета «Ту-134А», следовавшего по маршруту Тбилиси – Батуми – Киев – Ленинград с 57 пассажирами и 7 членами экипажа на борту, группа вооруженных преступников смертельно ранила бортмеханика и заместителя начальника летно-штурманского отделения Управления гражданской авиации Грузинской ССР и потребовала изменить курс, посадить самолет в Турции.

Командир экипажа самолета не подчинился требованию преступников и произвел посадку в Тбилиси. Преступники захватили пассажиров в качестве заложников и настаивали на выполнении ранее выдвинутых требований.

Председателем КГБ СССР было дано указание немедленно направить в Тбилиси сотрудников спецподразделения 7-го управления для освобождения заложников.

В 23.08 38 сотрудников спецподразделения прибыли в Тбилиси».

Через восемь лет, в ноябре 1991 года, во время правления президента З. Гамсахурдиа, газета «Свободная Грузия» опубликует разоблачительную статью о том, как под руководством Э. Шеварднадзе была проведена «бессмысленная бойня», убийство молодых «борцов за свободу и независимость», пытавшихся покинуть на самолете «империю». Далее говорилось, что художник Гия Табидзе был убит, художник Давид Микаберидзе покончил с собой, актер Гега Кобахидзе, художник Сосо Церетели, врачи Паата и Кахи Ивериели получили ранения при штурме самолета «имперским спецназом».

В то же время в авиагородке, где живут грузинские летчики, в сквере был совершен акт вандализма: памятный камень с фамилиями погибших пилотов Шарбатяна, Чедия и бортпроводницы Крутиковой выдрали из земли, осквернили.

Так что же в действительности случилось ноябрьским днем 1983 года в тбилисском аэропорту? Центральная пресса об этом почти не писала, республиканские газеты при Шеварднадзе говорили одно, с приходом Гамсахурдиа – другое.

Сразу после происшествия весь экипаж наградили. Гардапхадзе и Гасоян были удостоены звания Героя Советского Союза. Но пройдет

несколько лет, и в Грузии образуют специальную комиссию по новому расследованию дела. Теперь о героях-пилотах скажут, что они «состояли в сговоре с КГБ и устроили бойню борцам за свободу».

Хотя что тут толковать, проще сказать словами международных документов: воздушные террористы – злейшие враги человечества.

Но, видимо, не всем по нутру такое определение, коли оскверняют памятники погибшим и оскорбляют живых. Хотя верно и то, что только из нашей страны угоняли самолеты, дабы убежать за границу. Может быть, тбилисские художники и актеры тогда, в восемьдесят третьем, и вправду хотели покинуть «империю», боролись за свободу? Что ж, попытаемся разобраться. Для этого восстановим события того дня.

18 ноября 1983 года. Тбилисский аэропорт.

Ахматгер Гардапхадзе, командир экипажа, рассказывает:

Я работал пилотом-инструктором Грузинского управления гражданской авиации. 18 ноября мы летели из Тбилиси. В Батуми должны были дозаправиться и следовать дальше, на Киев – Ленинград.

Мне пришлось исполнять обязанности командира экипажа, но сидел я в правом кресле второго пилота. В левом кресле находился Станислав Габараев, которого мне пришлось в этом полете вводить в строй в качестве командира экипажа. С нами летел проверяющий – заместитель начальника лётно-штурманского отдела Грузинского управления гражданской авиации Завен Шарбатян.

Станислав Габараев, пилот:

У нас в гражданской авиации есть такое понятие: «первый полет на вводе в строй командира». Для меня был именно такой полет. В остальном – все обычно. Если не считать, что в этот день отменили рейс самолета «Як-40» на Батуми и пассажиры, прошедшие регистрацию, оказались у нас на борту. Как выяснилось позже, угонщики готовили нападение именно на «Як-40» и полет на «Ту-134» явился для них в какой-то мере неожиданностью.

Владимир Гасоян, штурман:

Кабина в «Ту-134» маленькая, тесная. Бортинженер сидит на откидном кресле между первым и вторым пилотами. Шарбатяну и сест-то было негде, он стоял за спиной бортинженера Анзора Чедия.

Мы уже прошли Кутаиси и были на предпосадочной прямой, выпустили шасси, но в это время по радио сообщили: в Батуми внезапный боковой ветер. Там такое нередко случается. Нам приказали идти на запасной аэродром. Командир принял решение вернуться в Тбилиси.

А. Гардапхадзе:

Сделали разворот над Кобулету. И в этот момент условный стук в дверь. Так стучатся бортпроводницы. Шарбатян посмотрел в глазок и увидел лицо второй бортпроводницы Вали Крутиковой. Он не заметил, что у нее разбита голова.

Оказывается, когда выпускали шасси, преступники подумали, что мы снижаемся в Батуми, там ведь до Турции рукой подать, и приступили к захвату самолета. Оглушили обеих бортпроводниц, и те не успели нажать кнопку «Нападение», трижды выстрелили в штурмана Плотко, который летел в отпуск и был в форме работника гражданской авиации. Они приняли его за члена экипажа. Потом Валю Крутикову, оглушенную и избитую, подтащи ли к дверям пилотской кабины.

С. Габараев:

Шарбатян открыл дверь и получил в лицо пять пуль. Я услышал несколько хлопков и даже не подумал, что это могут быть выстрелы. Оказывается, в полете, на высоте, они звучат совсем иначе, чем на земле. Звук примерно такой, словно кто-то рядом открывает шампанское. Только когда Шарбатян вскрикнул, я повернулся к нему. Увидел, как он упал за кресло, а в кабину ворвались двое молодых ребят. Потом узнал: это были Кахи Ивериели и Гия Табидзе. Ивериели подскочил ко мне и приставил к горлу револьвер. Табидзе сорвал с командира наушники и ткнул в висок ствол пистолета «ТТ». Лица, перекошенные злобой, мат, истошные вопли: «Самолет захвачен! Берите курс на Турцию! Иначе мы всех вас перестреляем!»

А. Гардапхадзе:

Бортинженер Анзор Чедия повернулся к ним и спросил: «Что вы хотите?» Договорить ему не дали, прозвучало несколько выстрелов, он упал, завис в кресле.

Когда они ворвались, я правой рукой нащупал свой пистолет в кармане, но вынуть его не мог. Так и держал руку в кармане. У нас было три пистолета, у меня, у Габараева и у штурмана Гасояна. У каждого по обойме – 8 патронов.

Гасоян сидел внизу, при закрытых шторках, все слышал, но стрелять не мог. Перед ним был бортинженер. Когда Чедия упал, сектор обстрела открылся.

В. Гасоян:

Вижу, надо действовать. Спасти положение могу я один. Достал пистолет, взвел курок и выстрелил в преступника, который держал под прицелом командира. Террорист упал. Другой головой по сторонам вертит, кричит: «Кто стрелял? Откуда?» – но пистолет у виска

Габараева держит.

Я тогда и в него два раза выстрелил. Как потом оказалось, ранил. Он закричал и выскочил из кабины.

За это время командир успел выхватить свой пистолет.

А. Гардапхадзе:

Когда Табидзе упал, я развернулся в кресле и тоже начал стрелять. Ивериели выбежал за дверь и спрятался за холодильник. Началась перестрелка. Мы вдвоем с Гасояном стреляли, а у них, пожалуй, стволов пять было.

У нас патроны уже кончаются, и я думаю: «Надо закрыть дверь». Но как? В проходе лежит Шарбатян, на нем Табидзе – то ли убитый, то ли раненый.

Говорю Гасояну: «Оттащи их от двери, я тебя прикрою». В это время Валя Крутикова очнулась, приподняла голову. Они ее тоже у дверей оглушили. Гасоян говорит ей: «Валя, помоги их оттащить».

Крутикова полулежа-полусидя вцепилась в Табидзе и оттащила его к кухне. Шарбатян был еще жив, попытался сам заползти в кабину, Гасоян помог ему.

Я продолжал стрелять, чтобы прикрыть их, а Габараев вел самолет.

С. Габараев:

Во время перестрелки я управлял самолетом. Ахматгер крикнул мне: «Переходи на ручное управление, создавай перегрузки!» Я так и сделал: резко бросил машину по курсу и по высоте, чтобы сбить с ног преступников.

Над Гори командир израсходовал последний патрон. У Гасояна патроны кончились еще раньше. Он взял мой пистолет и опять вел огонь. Мне показалось, что стрельба продолжалась вечность, а прошло, наверное, не больше пяти минут.

Валя захлопнула двери кабины, а сама осталась в салоне с бандитами.

В. Гасоян:

Шарбатян пришел в себя, кричит: «Володя, посмотри, у меня глаз вытек или нет?» Глянул на него и содрогнулся. Все лицо в крови, во лбу пулевое отверстие, в горле рана – из нее кровь так и хлещет. Я достал платок, прижал его к ране на горле. Платок сразу пропитался кровью. Тут опять началась стрельба. Бандиты стреляли в дверь, хотели сбить замок.

Что делалось в салоне, не знаю. Думали: раз так жестоко с экипажем обошлись – ни слова не говоря застрелили Чедия и тяжело ранили Шарбатяна, то в салоне всех перестреляли.

Шарбатян кричит: «Не могу, ребята, спасите! Не хочу умирать! –

Достал документы, деньги, командир протягивает, просит: – Передай жене». Господи, о чем говорит! Чувствовал, что умирает.

Командир его успокаивал как мог, держись, мол, Завен, сейчас сядем, тебе окажут помощь.

А. Гардапхадзе:

Когда захлопнули дверь, я надел наушники, вышел на связь, передал, что на нас совершено бандитское нападение, убит бортинженер, ранен Шарбатян. Потом включил сигнал бедствия.

Из Сухуми передали: «Садитесь к нам». Но я знал – в Сухуми взлетно-посадочная полоса на ремонте, и пошел в Тбилиси. Вскоре, смотрю, у нас на хвосте два военных истребителя, видимо, поднялись по нашему сигналу. Доложил обстановку в Тбилиси: «Встречайте, приготовьтесь».

При снижении над Рустави первая бортпроводница Ира Химич по внутренней связи просит: «Командир, летите в Турцию, они взорвут самолет! Достали гранаты!» Я ей отвечаю: «Ирина, передай, что мы уже над Турцией. Садиться будем в Турции».

Было пасмурно, дождь, туман, да и вечер уже наступил, время около половины седьмого, думаю: «Грузия под нами или Турция – сейчас не разберут».

В. Гасоян:

Я позже узнал, что они в салоне творили. Как только мы взлетели, стали ходить туда-сюда, курить, пить шампанское. Наш штурман Плотко сделал им замечание. Они его запомнили, а когда напали на бортпроводниц, подошли к нему. Один несколько раз выстрелил в спину, другой в грудь. Плотко пытался закрыться рукой, у него потом из предплечья несколько пуль извлекли.

Убили двух пассажиров – Соломония и Абовяна, над бортпроводницами, как звери, измывались. Когда Валю Крутикову мертвую нашли, то ей волосы на голове повыдергивали. Вся в крови, без волос лежала. А Ире Химич голову рукояткой пистолета пробили. Вот такие «борцы за свободу».

Когда мы уже садились, слышали крики бортпроводниц – бандиты издевались над ними.

Л. Гардапхадзе:

Сели. Нас поставили в самый конец зоны аэропорта, рядом со стоянкой военно-транспортных самолетов. Вижу: с двух сторон самолета – солдаты с автоматами. Угонщики заставили открыть аварийный люк, а рядом с люком сидел пассажир – молодой солдат. Он выпрыгнул в люк на крыло, с крыла на землю. По нему из салона стреляли, и

оцепление открыло огонь, думая, что террорист убегает. Очередями и по самолету прошили. Габараева в ногу ранили. Я подключил аккумуляторы, кричу по радио: «Уберите этих дураков!» А тут и связь пропала: при стрельбе повредили радиостанцию.

У Гасояна в штурманской кабине – убитый Чедия и раненый Шарбатян. Я приказал Гасояну покинуть самолет. Он вылез через форточку. Поворачиваюсь к Габараеву – он к ноге склонился: «Командир, я ранен». – «Давай, Станислав, вылезай», – говорю. Тот тоже вылез.

В кабине остались я и Шарбатян. У него лицо все в крови, глаз вытек, кричит, просит: «Не могу, страшная боль, дайте лекарство». И двигаться уже не мог.

Что творилось в салоне, не видел. Только через форточку слышал: они одного пассажира вытолкнули к двери: «Говори наши требования». Парень вырвался, выпрыгнул, ногу сломал.

Тогда у женщины взяли ребенка, толкнули ее к двери: «Говори наши требования. Если выпрыгнешь, убьем ребенка». Она кричит: «Заправьте самолет, отпустите их в Турцию, а то они убьют всех пассажиров и взорвут самолет!»

Заместитель начальника Управления гражданской авиации Грузии Кадзаяна подошел к двери, стал вести переговоры, а я в форточку крикнул женщине: «Скажите им, что мы заправимся и полетим в Турцию!» Я уже видел, сзади к нам подходил автозаправщик. Понял – решили слить топливо.

18 ноября 1983 года Москва. Расположение группы «А».

Виталий Демидкин, сотрудник группы «А»:

Было около 18 часов, в тире шло занятие по стрельбе. Начальник группы Геннадий Николаевич Зайцев зашел в тир, но тут же за ним прибежал дежурный. Он что-то доложил Зайцеву, тот поднялся в свой кабинет, и вскоре прозвучал сигнал боевой тревоги.

Мы быстро собрались, загрузились в автобус, и по дороге в аэропорт нас ввели в обстановку. В Тбилиси захвачен самолет. Террористы действуют с особой жестокостью – убито несколько человек.

Уже в полете получили информацию о расстановке сил и средств, кто действует в группе захвата, поддержки, наблюдения, какими парами работаем, с какой стороны.

Игорь Орехов, сотрудник группы «А»:

Выезжая по тревоге, не знаешь, будешь ли в группе захвата или поддержки. Когда сказали, что я вхожу в группу захвата, ощутил какое-то двойственное чувство – с одной стороны, радость и гордость за

доверие, а значит, и признание как профессионала, с другой – волнение, желание не подвести.

Сразу же после объявления состава группы ребята стали помогать подгонять нам бронезилеты, вооружение. Здесь же, в самолете, обсудили первоначальный план действий, потом руководство собрало группу захвата, уточнили некоторые детали.

Когда мы прилетели в Тбилиси, все силы уже были приведены в готовность по плану «Набат». Аэропорт оцепили войска. Погода – хуже не придумаешь: дождь, промозглый ветер, градуса два-три тепла. Темно.

Вошли в здание аэропорта в касках, в экипировке, с кейсами. Вокруг полно людей, все таращат на нас глаза. Ведь в ту пору о группе не писали ни слова, сверхсекретность. Мы тоже ни с кем не разговариваем, не общаемся...

18 ноября 1983 года. Тбилисский аэропорт.

Арушан Геворкян, авиатехник по самолетам и двигателям «Ту-134» тбилисского авиапредприятия:

Ночью, где-то между 23.00 и 24.00, у меня состоялся разговор с командиром 347-го летного отряда Григолашвили. Он попросил: надо пойти на захваченный самолет, помочь раненым и выполнить некоторые технические работы. Сказал, что это дело добровольное и связано оно с риском. Я согласился.

Меня отвели в комнату особого отдела. Там были председатель КГБ Грузии генерал Инаури, офицеры спецподразделения, еще какие-то люди. Мне сказали, что надо помочь раненому флаг-штурману Шарбатяну, подключить электропитание и выполнить работы, необходимые для слива топлива с самолета.

На машине поехали к стоянке самолета я, начальник управления Кадзаная и три милиционера. Подошли к самолету. Кадзаная начал переговоры с угонщиками. Они требовали дать свет в салон и заправить лайнер. Кадзаная сказал, что для этого нужно пропустить техника в кабину.

Бандиты потребовали, чтобы я разделся догола у них на виду. Пришлось подчиниться.

На аэродроме ветер, дождь, замерз, заледенел. А они стоят на том, чтобы я прошел в кабину через салон. С трудом удалось объяснить, что дверь в кабину заперта и из салона ее не открыть. Согласились. По аварийному канату я влез наверх, протиснулся в кабину. Вытолкнуть в форточку Шарбатяна не удалось, он был полный мужчина.

Включил аккумуляторы, преобразователи тока, в общем, сделал все

необходимое для слива топлива. Пока работал – бандиты из салона ломались, просили открыть дверь, сулили миллионы. Потом стали угрожать. Я не отвечал.

Закончил ремонт, спустился обратно по канату. В это время один из милиционеров отвлекал их разговорами. Когда я спрыгнул, он сказал: «Беги». Все время, пока бежал, милиционер (он был в бронежилете) закрывал меня своим телом. Добежал. Оделся. Рассказал о том, что видел и слышал.

Под утро узнал, что спецподразделение быстро и умело обезвредило террористов.

В. Демидкин:

В аэропорту нам дали возможность потренироваться на запасном самолете. Все-таки волнение было – до сих пор мы работали на учебных машинах, а тут реальный самолет, настоящие убийцы, жертвы.

После тренировки началось самое неприятное время: время ожидания. В здании аэропорта нам отвели несколько комнат, периодически их покидали и выдвигались к самолету. Потом вновь уходили, прятались за ангаром, за грузовиками. Ждали. И так в течение всей ночи. В это время штаб по чрезвычайному происшествию вел переговоры с террористами. В зависимости от накала этих переговоров и действовали. Они агрессивней – мы ближе к самолету.

Там я впервые понял состояние солдата на фронте перед атакой. Его не передать словами...

Видимо, террористы нас все-таки заметили. Дело в том, что самолет освещался прожекторами, и делалось это весьма неудачно: наши тени были видны из иллюминаторов. На ломаном русском языке звучали угрозы, мол, уходите отсюда, иначе всех взорвем. Потом вдруг слышу: что-то упало нам под ноги. Невольно весь сжался – ни бежать, ни падать нельзя. К счастью, это оказалась не граната, а оторванная телефонная трубка.

Минуты текут, волнение нарастает, промозглый ветер с дождем, кажется, протыкает ледяными иголками каждую косточку. Вокруг темнота, где-то вдалеке горы. О них я судил по огонькам селений да фарам машины, которая петляла по горной дороге. Луч ее то утыкался в скалу, то шарил по небу, словно прожектор. Подумалось: увижу ли я еще раз ночную картину? Вспомнились семья, жена. Моему ребенку исполнился год, один месяц и один день. Увижу ли я своего малыша, когда ему будет год, месяц и два дня?

Но в следующее мгновение раздался плач ребенка из салона самолета,

и мысли о семье ушли. Теперь все силы души были отданы операции: не отстать, не споткнуться, не испортить дело.

И. Орехов:

Посадка самолета была очень жесткой, и при ударе о взлетно-посадочную полосу один из люков вывалился на крыло. Террористы его приподняли, прислонили. Этот люк мог в любую минуту упасть сам или его могли открыть бандиты. Теперь представьте, как «приятно» лежать у этого люка. Не успеешь ахнуть, как получишь пулю. Но такая уж, видимо, у меня судьба, по боевому расчету мне достался именно этот люк.

Когда была дана команда готовиться к штурму, заняли свои места на самолете. Не в самолете, а – на самолете. Ползешь и каждую заклепку чувствуешь. И все-таки качание машины, видимо, было. Из салона раздались крики: «Не вздумайте штурмовать! Всех перестреляем!»

Теперь, с годами, когда анализируешь свои действия, понимаешь: помогло то, что наше отделение в ходе учебных занятий так много внимания уделяло тренировкам на борту.

Не могу точно сказать, сколько мы пролежали на ноябрьском ветру – час, два, три. Напряжение огромное, а команды все нет и нет. Кажется, кожа уже примерзла к плоскости. Ведь у нас на голое тело были надеты бронежилеты и легкие комбинезоны. И все!

Виктор Федорович Карпухин, который находился где-то между штабом и самолетом, как мог, подбадривал нас, успокаивал: «Ребята, не волнуйтесь!»

А у меня свои, так сказать, индивидуальные проблемы из-за люка. Что делать, если он неожиданно откроется? Выход один: штурмовать, не дожидаясь команды.

В. Демидкин:

Сначала в кабину поднялся Владимир Николаевич Зайцев. Помню, первое, что увидел: кабина маленькая, узкая, возле кресла лежал мертвый пилот. Впереди – бортинженер, тоже уже мертвый. Каждую минуту выходили на связь. Боевые группы докладывали о готовности. Мы тоже доложили, и потянулись минуты. Неоднократно объявлялась «готовность номер один». И снова время штурма откладывалось.

Из штаба нам сообщали о перемещении террористов, уточняли их местонахождение.

И. Орехов:

Пока лежал у люка, продумал каждый свой шаг. «Сейчас я вскочу, выбью люк. У самолета «Ту-134» два люка, которые выходят на крыло, значит, между ними салонная перегородка... Здесь я должен упасть,

встать... Будут сложности с пассажирами, которые сидят у люка...»

Но в жизни оказалось все по-другому. Пассажиров на этих местах не было, спинки кресел оказались опущенными вперед, и люк упал в другую сторону.

Падаю в проход, вскакиваю. Дым, ничего не вижу. Тут еще ребята со всех сторон пошли. Поднимаю забрало каски. Понимаю, что попал в начало второго салона, где были пассажиры.

В салоне темно, небольшая подсветка. Крики, стоны. Мы тоже кричим: «Где? Где?» Пассажиры показывают: «Вот они».

Мне достался один из бандитов, раненный в шею. Он сидел в третьем ряду салона, у прохода, и контролировал ситуацию. А порядок такой: если кто-то тебе попался, работаешь с ним до конца. Вот я и работал...

В. Демидкин:

По команде «Штурм!» мы стали отрывать дверь кабины, но она не поддавалась. Оказывается, была привалена трупами. Налегли изо всех сил – открыли.

Вперед пошел Зайцев, я за ним. Слышу его голос: «Руки за голову!» Здесь, в коридорчике, который отделяет дверь кабины от салона, были двое террористов, мужчина мощного телосложения, ростом эдак под метр девяносто, и женщина. Оба с пистолетами. Зайцев неуловимыми движениями сразу уложил их на пол, лицом вниз, и побежал. Решительно действовали мы. Мне досталась женщина, напарнику – мужчина. Я ее схватил и спустил по трапу вниз.

Выскочил в салон и увидел еще одну женщину, подумал – пассажирка. Сказал: «Пойдемте, вы свободны». И хотел помочь. Но она вцепилась в кресло, закричала: «Нет, нет, я хочу взорваться!» Оглянулся, позвал товарища: «Володя, она взорваться хочет!» И мы вдвоем под руки подняли ее, передали вниз, ребятам.

Снова вернулись в салон, а Зайцев уже далеко. Тороплюсь за ним. Справа, помню, когда бежал, увидел труп мужчины. Но заниматься им некогда, надо было спасать живых.

Во втором салоне поработал уже Головатов с ребятами. Когда мы вбежали, все в креслах полулежали-полусидели с поднятыми вверх руками. Кто из них заложник, кто террорист – не очень разберешь.

Посветили фонарем, мужчина в кресле обернулся, и мы увидели у него два пистолета. Подхватили под руки – и вниз. Потом помогали пассажирам – кому одеться, кому собрать разбросанные бумаги, документы. Многие и этого не могли сделать – в шоке от страха.

Затем осмотрели сиденья, места под сиденьями и все углы и закоулки

– нет ли взрывного устройства. И наконец я спустился вниз. Было уже светло, вдалеке виднелись горы. Понял, что теперь увижу отца, мать, жену с сыном. Потом ребята не раз шутили, мол, Демидкин спустился с трапа и сказал: «Как хорошо жить!»

И. Орехов:

Прошло столько лет, а все вспоминается тот штурм. Странно, как по-разному перед лицом опасности ведут себя люди. Наша группа поддержки должна была подъехать к самолету на аэродромном микроавтобусе, но водитель автобуса в самый ответственный момент струсил, отказался ехать. Пришлось ребятам в экипировке бежать через летное поле.

И противоположный пример. В самолете, рядом с туалетной комнатой, есть еще одна небольшая комнатка, гардеробная. Там несколько часов просидел врач, он на коленях держал женщину с пулевым ранением в спине. Несмотря на угрозы, выстрелы, он оказал помощь пострадавшей...

...С рассветом 19 ноября кровавая трагедия завершилась. Итогом ее стало несколько убитых и раненых. Террористы застрелили летчиков Завена Шарбатяна, Анзора Чедия, двоих пассажиров, зверски замучили бортпроводницу Валентину Крутикову. Получили тяжелые ранения и остались инвалидами штурман Плотко и бортпроводница Ирина Химич.

Террорист Табидзе убит в перестрелке, Микаберидзе покончил с собой. Суд приговорил всех бандитов к высшей мере наказания – расстрелу. Казалось бы, приговор снял все вопросы. Но не тут-то было. Кровавая история имеет свое продолжение, и со временем она получила в Грузии новый импульс – старые судебные дела были сняты с архивной полки. Кое-кто хотел из бандитов, террористов и убийц сделать мучеников грузинского народа, объявить их «борцами за свободу и независимость». Не вышло.

Но как все это было, проследить, пожалуй, весьма интересно. Рассказывают участники событий.

В. Гасоян:

Если бы еще немного у власти побыл Гамсахурдия, то наверняка бандитов героями объявили бы, а нас судили. После того как в 1983 году я вернулся из госпиталя, мне очень много раз звонили в дверь. Смотрю в глазок: какие-то мужчины. Спрашиваю: «Кто?» Отвечают: «Открывайте, мы следователи КГБ, поедете с нами на допрос». Я им: «Приходите ко мне завтра, на работу». Постоят и уходят.

Я в окно гляжу: садятся в легковую машину без номера и уезжают.

Пришел сам в КГБ. Мне говорят, никого ко мне не посылали, но

пообещали установить наблюдение за домом. Установили, нет – не знаю, но больше никто не приезжал.

Перенервничал, конечно. У меня ведь четверо детей, мал мала меньше.

Потом я на Кубе работал, думал, столько лет прошло, забылось. Нет. Газеты стали нас грязью обливать. Почему, мол, нам Героев до окончания следствия дали? А мы откуда знаем? С Кубы приехал, денегжат немного привез. Пошел в Управление торговли, прошу: «Дайте машину как многодетному или как Герою». Там отвечают: «Ты Герой Советского Союза, а Союза больше нет, значит, и машины тебе нет».

В том, что тогда стрелял, не раскаиваюсь. Бандиты к нам ворвались, товарищей на наших глазах убили, что ж, по головке их гладить?

А. Гардапхадзе:

После той трагедии меня с летной работы по здоровью списали. А ведь вся моя жизнь в авиации прошла. У нас, когда летать перестают, там же, в аэропорту, остаются работать. А я не могу. Больно. Потому и ушел.

Что сейчас журналисты пишут: «Шеварднадзе, КГБ и экипаж были в сговоре, знали обо всем заранее, устроили бойню правозащитников». Какие же они правозащитники? На суде им сказал: «Вы же все дети высокопоставленных родителей. Взяли бы туристические путевки в Турцию и остались там, попросили политического убежища».

Знаете, что они ответили: «Если бы мы таким путем сбежали в Турцию, нас бы приняли за простых эмигрантов. Вот Бразинкасы улетели с шумом, со стрельбой, Надю Курченко убили, так их там в почетные академики приняли».

Сколько было угонов в разных странах, повсюду бандиты сначала предъявляют свои требования, один из членов экипажа выходит из кабины на переговоры. А наши? Пять пуль в лицо Шарбатяну, три пули в спину Плотко, рукоятками пистолетов по голове бортпроводницам.

Мне говорят, выполнил бы их требования, отвез в Турцию, и жертв не было бы. Зачем, мол, Гасоян и я стреляли? Ко мне в дом врываются бандиты, убивают моих близких, а я должен молча смотреть, начинать «переговоры»? Чедия пытался начать переговоры – они его тут же убили.

Один из них сказал на следствии, что Шарбатяна они в ногу ранили, а экипаж его пристрелил. Какие сволочи! У них погиб один, другой сам застрелился, а наших пятерых положили.

Суд был закрытым, а жаль. Пусть бы народ все увидел и услышал. А то, мол, Героев дали еще до окончания следствия, подозрительно. При чем

следствие? Нас, что ли, судили?

Комиссию назначили по расследованию этого дела. Говорят о «невинно убиенных детях». Хороши «детки», столько перестреляли, инвалидами сделали. Нет, наша совесть чиста. Мы защищали жизни пассажиров.

Надо ли добавлять что-либо к сказанному?

Взять шпиона «без шума и пыли»

В 1984 году вышел телесериал, поставленный по роману Юлиана Семенова «ТАСС уполномочен заявить». Политический детектив о деятельности советской контрразведки, пытающейся предотвратить организованный ЦРУ переворот в одной из африканских стран, полюбили советские зрители.

В одной из серий есть драматический эпизод, когда агент американской разведки «Трианон», он же сотрудник нашего МИДа Александр Огородник, арестован. Ему удалось усыпить бдительность сотрудников контрразведки. Он сказал, что признал вину и готов написать письменное признание. «Трианона» усадили за стол, дали бумагу. Огородник начал писать: «В Комитет государственной безопасности СССР...» Но ручка оказалась с секретом, вернее с ядом. Ею снабдили агента хозяева из ЦРУ. И он успел воспользоваться чудо-ручкой. В следующую секунду Огородник захрипел и стал сползать со стула. «Скорая помощь» приехала быстро, но «Трианона» спасти не удалось.

В жизни все было точно так же, как описал Юлиан Семенов. Это был серьезный провал контрразведки. И он ясно показал, что развитие шпионской спецтехники не стоит на месте. ЦРУ активно работает в этом направлении. Теперь яд может оказаться не только в излюбленном месте шпионов – воротнике рубашки или куртки, но, как показала практика, в любом другом месте. Значит, противодействовать изощренным методам западных спецслужб должны профессионалы высокого класса.

Таковыми профессионалами были сотрудники группы «А». Им и поручили проводить задержание агентов иностранных разведок. Деятельность эта требует большой изобретательности, правильного психологического расчета и поистине виртуозной работы. Как шутил один из киногероев: «без шума и пыли». Ведь каждый агент своеобразен и на арест может реагировать по-разному: от вооруженного сопротивления до желания самоликвидации. А поскольку захваты происходят не в глухой тайге, а, как правило, в оживленных местах, не должны пострадать люди, которые случайно оказались на месте проведения спецоперации.

В истории «Альфы» много таких успешно проведенных операций. И самое важное – ни одного провала. Назову только некоторые из них, когда сотрудники подразделения «брали» наиболее известных иностранных агентов. Среди них генерал-майор военной разведки Дмитрий Поляков,

более 20 лет работавший на ЦРУ, полковник Первого главного управления КГБ Владимир Пигузов, полковник Адольф Толкачев – ведущий конструктор Министерства радиоэлектронной промышленности, полковник Владимир Васильев – военно-воздушный атташе при посольстве СССР в Венгрии, подполковник Валерий Мартынов – офицер вашингтонской резидентуры КГБ, майор Геннадий Вареник – сотрудник боннской резидентуры КГБ, майор Сергей Воронцов – начальник отделения УКГБ по Москве и Московской области.

*«В нашем подразделении на задержании шпионов, – рассказывал командир группы «А» генерал **Геннадий Зайцев**, – больше всех «набил руку» мой однофамилец Владимир Николаевич Зайцев со своими подчиненными. Он постоянно тренировал сотрудников в реальных условиях города. Например, идет людской поток – и нужно задержать объект, но чтобы это не вызвало нездорового ажиотажа и излишнего любопытства у прохожих.*

Конечно, можно было сделать В. Зайцева монополистом в этой работе. Так проще и надежнее. Но мы ставили перед собой другую задачу – не только бойцы из его отделения, но и другие сотрудники должны получить практический опыт взаимодействия в этих операциях.

Причем речь шла не только о конспиративном задержании агентов иностранных спецслужб. Это могли быть уголовные авторитеты и главари мафиозных кланов. Они не шпионы, но методы задержания одни и те же».

Первым, на кого «альфовцы» надели наручники, был Адольф Толкачев – ведущий специалист-конструктор НИИ радиостроения Минрадиопрома СССР. Занимался он аэронавигационными приборами. Восемь лет предатель работал на ЦРУ. Он снабжал своих хозяев из Лэнгли секретными материалами по новейшим разработкам этой тематики.

Спецоперация по захвату Толкачева проводилась летом 1985 года. Задачу Владимиру Зайцеву ставил лично начальник 7-го управления КГБ СССР генерал Е. Расщепов. Он предупредил Владимира Николаевича о личной ответственности: этот человек после ареста должен быть живым и здоровым. Даже малейшая возможность того, что он может покончить с собой, не допускалась. Прежде Зайцеву приходилось иметь дело только с террористами. А тут такие повышенные меры предосторожности.

«Альфовцы» приступили к разработке операции. Прежде всего командир определил состав группы захвата. Тут было о чем поломать голову. В профессионализме своих подчиненных он не сомневался, но в данном случае этого было мало. Как скажет позже Владимир

Николаевич: «...Нужны были определенные актерские способности, умение «вписаться в пейзаж»: делать свое дело нам предстояло не в городской толчее, а в таком месте, где «клиент» наверняка заметит и начнет «высчитывать» нас издалека. А между тем ничто не должно было вызвать у него настороженности».

Задержать предателя надо было не в Москве, а за городом. Его американские кураторы как можно позже должны были узнать об аресте агента.

Зайцев со своими подчиненными и сотрудниками «наружки» выехал на место будущей операции. Это была достаточно малолюдная дорога, которая хорошо просматривалась отовсюду. В таком месторасположении были свои плюсы и минусы. Положительно то, что при проведении операции практически не будет посторонних. Однако и отрицательных сторон оказалось в достатке. Первое и самое существенное – видимость, как говорят моряки, «миллион на миллион». Каждый человек просматривается со всех сторон. Где укрыться?

Стали искать, за что уцепиться. Уцепились за придорожный перелесок. Перелесок так себе, реденький, но другого, как говорят, не дано. Решили обживать этот кусочек леса. Он давал некоторую скрытность выхода на рубеж атаки.

Теперь оставалось определиться с техническими средствами обеспечения спецоперации, экипировкой бойцов. «Обрадовала» и служба наружного наблюдения. Они подсказали, что Толкачев не просто автолюбитель, он частенько гоняет на машине. Это еще одна опасность – автомобиль в руках предателя мог в любую минуту стать серьезным оружием.

– К тому же он любит крепко выпить, – уточнил один из сотрудников «наружки».

– И что, в пьяном виде садится за руль?

– Нет. У него жена имеет права и водит автомобиль.

Это была весьма интересная информация. «Значит, – решил Зайцев, – поддав хорошенько в выходные на даче, он будет за пассажира. Машину, скорее всего, поведет жена. Стало быть, действовать придется несколько иначе».

В день операции, если кто и проезжал по этому шоссе, не заметил ничего необычного. У обочины была припаркована машина ГАИ, рядом с ней еще одна – видимо, ее тормознули. Гаишники занимались своим обычным делом, беседовали с водителем.

Расчет Владимира Николаевича оказался верным. Агент ехал на

заднем сиденье. Сотрудник ГАИ сделал отмашку, жена Толкачева притормозила, остановилась. И тут из леса выскочили какие-то люди, в мгновение ока вытащили ее мужа с заднего сиденья и перегрузили в свою машину.

*«Через пару минут, – будет вспоминать **Зайцев**, – от нас на шоссе и следа не осталось. Словно и не было».*

Впрочем, Толкачев оказался не самым серьезным противником. Он хоть и работал на ЦРУ, но оставался ученым, сугубо лабораторным работником. Иное дело профессиональный разведчик, офицер Главного разведывательного управления, помощник военного атташе в Португалии подполковник Геннадий Сметанин. Он окончил Суворовское училище, разведфакультет Киевского высшего общевойскового военного училища, Военно-дипломатическую академию. После ее окончания в 1982 году получил назначение в лиссабонскую резидентуру ГРУ.

Сметанин долго не раздумывал. Уже через год с небольшим он предложил свои услуги американцам. Правда, потребовал за свою предательскую работу ни много ни мало – миллион долларов. Даже выдавшие виды цэрэушники подивились такой алчности. Такую сумму ему, конечно же, не дали, но 300 тысяч долларов заплатили. А также дали агенту меткий, ироничный псевдоним «Миллион».

Вскоре подполковник завербовал и свою жену. Она трудилась машинисткой в посольстве и имела доступ к многим документам. Вот так и сложился этот шпионский «семейный подряд».

В августе 1985 года Сметанины приехали в отпуск в Москву. По полученным оперативным данным стало ясно – шпионская пара по возвращении за границу собиралась под прикрытием хозяев остаться там навсегда.

Вскоре предатель и его жена уехали в Казань к матери. Туда же со своей группой захвата убыл и Владимир Зайцев, а также сотрудники военной контрразведки и службы наружного наблюдения. Планировалось взять их там. Однако осуществить эти планы не удалось: шпионы все время находились в кругу родственников и друзей.

Мы уже говорили, что Геннадий Сметанин был опытным, матерым врагом, знавшим профессиональные секреты, обладавший знаниями и умением. И он преподнес чекистам неожиданный сюрприз.

*«В Казани, – вспоминает **Владимир Зайцев**, – подполковник... вдруг исчез, растворился. Можно себе представить, какое оцепенение охватило всех, кто был «завязан» на этом человеке. Несколько дней мы, что называется, землю рыли, перепахивая Казань во всех мыслимых и*

немыслимых направлениях, изматываясь до седьмого пота и загоняя местных сотрудников. Я до сих пор могу водить по Казани тематическую экскурсию «Проходные дворы и подъезды» – и еще несколько в том же роде».

Однако Сметанина отыскать не удавалось. Чекисты старались найти хоть какую-то зацепку. И Зайцев нашел ее. Оказывается, кто-то звонил матери предателя по междугородней линии. Звонок отследили. Он был из поселка Козловка от двоюродного брата Сметанина. Поселок рядом с железной дорогой. Родственники шпиона приобрели на поезд Казань – Москва два билета. Кстати говоря, на тот же день были заказаны и билеты на самолет. Мозаика наконец сложилась.

Теперь никто не мог сказать, возвращается ли Сметанин в Москву или задумал что-то еще и путает следы. Шпиона обнаружили на вокзале. Его с трудом удалось опознать: парик, очки... Отступать дальше было нельзя. Решили брать его в дороге, хотя понимали – обстановка сложная: ограниченное пространство вагона, большое количество людей. Предатель, обнаружив чекистов, мог решиться на крайние меры. В общем, группе захвата надо было работать быстро, точно и безошибочно.

На захват ушло всего несколько минут. Сметанина быстро переодели, отобрали очки. И вовремя. В дужках очков обнаружили умело вмонтированную в них ампулу с ядом. Достаточно было попадания этого сильнодействующего яда на кожу – и смерть обеспечена.

У Светланы Сметаниной тоже обнаружили «подарки». В ее кожаном поясе обнаружили алмазы, которые передал шпионам двоюродный брат подполковника, который прежде работал в Якутии на алмазных приисках.

Задача по задержанию предателей группой «Альфа» была проведена успешно.

Террористы из МВД

Из служебного отчета группы «А»:

«20 сентября 1986 года в 3.40 по местному времени дежурному по КГБ Башкирской АССР поступил доклад о том, что двое военнослужащих срочной службы, вооруженные ручным пулеметом и автоматом с большим запасом боеприпасов, захватив такси, направились в сторону аэропорта. Не доехав до аэропорта около километра, они скрылись в прилегающих к дороге лесопосадках.

Как было выяснено, в ночь на 20 сентября трое военнослужащих в/ч 6520 внутренних войск МВД СССР Н. Р. Мацнев, А. Б. Коновал, С. В. Ягмурджи, находившиеся в наряде, самовольно покинули часть, похитили ручной пулемет и автомат Калашникова, снайперскую винтовку Драгунова и 220 патронов к ним.

В пути преступники заметили идущую за ними патрульную машину милиции и решили, что их преследуют. Они остановили такси и открыли огонь по патрульной машине, убив при этом двух сотрудников милиции – сержанта Зульфира Ахтямова и младшего сержанта Айрата Галеева.

Один из преступников, вооруженный снайперской винтовкой, скрылся. Двое других продолжали движение в такси в аэропорт.

По получении информации по сигналу тревоги были подняты сотрудники, участвующие в мероприятиях по плану операции «Набат».

В 4.40 преступники ворвались в производивший посадку самолет «Ту-134А», следовавший по маршруту Львов – Киев – Уфа – Нижневартовск. На борту самолета находился экипаж – 5 человек – и 76 пассажиров.

При захвате самолета преступники открыли стрельбу, убив при этом 2 пассажиров. Угрожая уничтожить остальных, они потребовали от командира лететь в Пакистан. С этого момента начались длительные переговоры с преступниками, в результате которых в 5.55 они дали согласие освободить женщин с детьми, а в 7.30 выпустили большую часть пассажиров, оставив заложниками 20 человек.

В 7.00 в аэропорт г. Уфа спецрейсом прилетели 42 сотрудника группы «А».

Младший сержант Николай Мацнев до армии учился в архангельской мореходке и слыл среди товарищей человеком бывалым. Еще бы, просоленный штормовыми ветрами морской волк! Николай, конечно, не

признавался, что в плавание выходил всего несколько раз, да и то учебное, у морских берегов. Рассказывал товарищам по роте заманчивые сказки о богатых странах, красивой жизни. Он, конечно, знал: работа на судне тяжела и далека от красивой жизни. Близился «дембель», возвращаться в Архангельск не хотелось, не тянуло «морского волка» заново драить палубу, потеть в машинном отделении. Хотелось чего-то другого...

Выход, казалось бы, подсказала сама жизнь. Из взвода был назначен в так называемую «нештатку» – нештатную группу освобождения самолета от террористов. Они изучали типы самолетов, которые садились в Уфе, от «Ан-12» до «Ту-134», их устройство, расположение салонов, выходы и входы, люки, лючки и многое другое. В иное время Мацнев попросту плюнул бы на плакаты, карты, схемы, которыми был увешан их учебный класс, но только не теперь. На удивление друзьям, Николай зубрил «летные уроки», словно собирался сменить морские просторы на воздушный океан.

Еще «веселее» стало, когда выехали в аэропорт для практических занятий на самолете. Их учили очень нужным приемам проникновения в самолет, использованию спецсредств при борьбе с террористами.

Через несколько месяцев упорных тренировок Мацнев откроет близким друзьям, готовым идти за ним в огонь и в воду, свой «гениальный» план. Поскольку самолет они теперь знают как свои пять пальцев, смогут захватить его, заблокировать группу захвата, да еще для обороны возьмут не какой-нибудь дедовский обрез, а современное стрелковое оружие, успех им обеспечен. Ну а там отлет за рубеж – и здравствуй, красивая жизнь!

Осталось проработать план, продумать пути бегства из подразделения, захватить оружие, узнать расписание движения самолетов, на очередной тренировке поинтересоваться у работников аэропорта, охраняются ли воздушные лайнеры.

Кто-то предложил взять из парка бронетранспортер. Быстроходная машина, и на случай погони это тебе не «Жигули». Дал пару очередей из крупнокалиберного пулемета, сразу отпадет охота догонять. На том и порешили.

В преступную группу под руководством младшего сержанта Николая Мацнева вошли рядовые Александр Коновал, Сергей Ягмурджи и Игорь Федоткин.

С 19-го на 20 сентября все вместе заступили в наряд по роте. У Мацнева ключи от оружейной комнаты. Он вскрывает «оружейку» и забирает ручной пулемет, автомат, снайперскую винтовку, боеприпасы к ним. Через окно столовой солдаты покидают расположение части, на улице

останавливают такси. В затылок водителя упирается ствол автомата: «Гони, быстро!..» Указывают адрес. За городом в одном из караулов стоит Игорь Федоткин, который должен вывести из парка бронетранспортер.

Проскочили ночными улицами Уфы, выехали за город. В поселке Затон приказали остановиться, почему-то решили сменить машину.

Ждать пришлось недолго. За поворотом мелькнули фары автомобиля. Но что это? Покачиваясь на ухабах дороги, навстречу им мчал милицейский «УАЗ». Их выследили! Мацнев вскинул автомат. Очередь... И желто-голубой автомобиль кувыркнулся с обочины.

Коновал испуганно прижал к себе винтовку и прыгнул в кусты.

– Сука, предатель, – прошипел Мацнев, но Ягмурджи упрямо тянул его за рукав.

– Некогда, Коля! Хрен с ним.

Они упали на заднее сиденье такси, Ягмурджи прокричал:

– Хочешь жить, шеф, жми что есть мочи!

Было уже не до Федоткина. В ту ночь он так и не дожидается своих сообщников. Машина мчалась в аэропорт.

Не доезжая до аэропорта, беглецы бросили такси на дороге и скрылись в лесопосадках. Пробрались к взлетно-посадочной полосе и залегли в канаве. Ближайшим к ним оказался «Ту-134» с бортовым номером 65877.

Самолет бориспольского авиаотряда принимал пассажиров. Была уже глубокая ночь, дежурная по встрече Людмила Софронова проверяла билеты, бортпроводницы Елена Жуковская и Сусанна Жабинец рассаживали уставших людей. Наконец все утряслось, пассажиры в салоне, опоздавших не было, и дежурная протянула загрузочную ведомость на подпись второму пилоту Вячеславу Луценко.

И тут под чьими-то тяжелыми шагами загрохотали ступени трапа, и Людмила увидела направленный на нее ствол автомата. «Бандиты!» – успела крикнуть она, и Луценко мгновенно втащил ее в кабину, захлопнув дверь.

На крик оглянулась бортпроводница Елена Жуковская, перед ней стоял растрепанный, запыхавшийся парень в солдатской форме.

– Вы почему не в кресле?

– Что-о?! – заорал тот. – Быстро взлетайте, даю двадцать минут.

Впереди, у входа в салон, появился другой, в таком же солдатском бушлате, со вскинутым автоматом.

– Хорошо, – сказала Лена, – успокойтесь. Я сейчас доложу командиру ваши условия.

А условия были таковы: взлетать и следовать в Пакистан. Лена еще не

раз ходила к пилотам и возвращалась назад – передавала, уточняла, разъясняла. Наземные службы после шока приходили в себя, тянули время.

Прошло двадцать минут. Мацнев нервничал. Он схватил Сусанну за шиворот, приставил к затылку автомат и громко стал отсчитывать секунды: «Один, два, три!»

– Лена, – прохрипела, задыхаясь, Сусанна, – он меня убьет!

Жуковская бросилась к кабине, забарабанила в дверь. В это время в салоне прозвучал выстрел. Лена похолодела. Убили!

Но Сусанна была жива, стрелял другой бандит, Ягмурджи, – убил пассажира, монтажника управления Запсибнефтегеофизика Александра Ермоленко. Он что-то не так сказал террористу, и тот нажал на спусковой крючок пулемета.

Мацнев оглянулся и, решив, что кто-то из пассажиров убил его напарника, дал очередь по салону. Пули прошили рядом с головой Лены, обожгли плечо женщины, закрывавшей собой ребенка, ранили в живот электрика из Управления буровых работ «Укрнефть» Ярослава Тиханского и вновь поразили Ермоленко.

Лена видела разъяренных бандитов, они готовы расстрелять пассажиров. Надо было что-то срочно делать. Как можно спокойнее она сообщила Мацневу и Ягмурджи: «земля» полностью приняла их требования, но взлет невозможен – нарушена герметичность машины, им предлагают другой самолет. Террористы не поверили. Дали двенадцать часов на ремонт. Иначе перебьют всех заложников.

Пошли первые минуты двенадцати часов ультиматума.

Группа «А» совершила посадку утром 20 сентября в уфимском аэропорту. Все, что стало известно еще в полете, потом на земле, не вселяло оптимизма. Придется иметь дело если и не с профессионалами, то уж с полупрофессионалами точно. Им известны пути проникновения в самолет, и они, вероятнее всего, уже заблокированы. Работать можно только по двум направлениям – с хвоста и из кабины. Но опять-таки это знают и террористы. Они готовы встретить мощным огнем всякого, кто сунется в самолет. Пулемет и автомат – сокрушающее оружие. Ни один бронежилет в ту пору не способен был выдержать удар автоматной пули. Чтобы уничтожить террористов, пришлось бы стрелять в салон, но там находились люди. Стало быть, выход один: поразить бандитов сразу и наповал. В ином случае они могли открыть огонь по пассажирам.

Легко сказать – наповал. Такое предложение скорее из области фантастики. Террористы постоянно передвигаются по самолету. Где они окажутся в тот момент, когда нужно будет открывать огонь? Не ускользнут

ли в другой салон, не прикроются ли заложником? Решение искали в штабе по чрезвычайной ситуации, в группе «Альфа», пилоты самолета и две хрупкие девушки-бортпроводницы.

Это они уговорили террористов разрешить вынести убитого Ермоленко, потом выпустить раненых. Потом – четырех женщин с детьми.

Тянулись часы. Устали пассажиры. Устали бандиты – Ягмурджи впадал в оцепенение. Мацнев, наоборот, начинал метаться по самолету, как затравленный зверь, матерился, кричал.

Девушки мучительно искали выход.

– Знаешь что... – Лена Жуковская подсела к Мацневу. – Есть один вариант...

– Какой еще вариант? – недовольно пробурчал бандит.

– Чтобы быстрее взлететь, надо улучшить центровку.

– Ну и что?

– Убрать лишних пассажиров. Тебе не все ли равно, двадцать их или семьдесят?

– Оно, конечно, меньше мышей – меньше писку.

Лена уже собиралась вскочить, но он опустил свою ладонь на ее плечо.

– Не спеши. Надо подумать.

Думал долго. Смотрел в иллюминатор, потом зачем-то мерил шагами самолет, наконец согласился:

– Ладно, давай.

Лена шла по проходу между креслами. Теперь от ее решения зависела судьба этих людей. Останутся ли они вновь под дулами автоматов или через минуту вздохнут облегченно.

Сколько будет жить бортпроводница Лена Жуковская на свете, столько будет помнить эти глаза.

Хотелось забрать всех, но двадцать пассажиров предстояло оставить. Выбирала тех, кто был на самом надломе, в нервном возбуждении, которое грозило взрывом, кто выглядел больным и особенно уставшим. А остальные? Что станет с ними? Она отводила глаза.

Лене удалось выпустить сорок шесть заложников, когда Мацнев остановил ее окриком и ткнул автоматом в бок, отгоняя от дверей.

«Альфа» отработывала вариант за вариантом. И отбрасывала. Ни один из них не годился. Группа захвата уже дежурила в кабине лайнера, снайперы припали к окулярам оптических прицелов и докладывали о перемещениях террористов внутри самолета. Готовность – высшая, но возможность действовать нулевая.

И все-таки забрезжил свет в конце тоннеля. На соседнем самолете,

стоящем невядалеке, бойцы «Альфы» отработывали новый, не применяемый никогда прежде, даже на тренировках, вариант.

Сняв каски, бронежилеты и оставшись, считай, в нательном белье, без оружия, репетировали скоростной штурм самолета.

Оставив своих ребят в роли заложников, группа захвата врывалась в салон.

Да, действительно, налегке можно сделать несколько бесшумных шагов и даже нанести неожиданный удар. И все-таки риск был огромен.

Где в этот момент окажутся террористы? Будут ли стоять, сидеть? Удастся ли разглядеть их среди пассажиров, застать в расслабленном состоянии? А если наоборот? Нападавшим, безоружным, не защищенным ничем парням грозила смерть.

Тем не менее этот вариант был принят. Опасный, но единственно возможный. Да, жертвовать собой ради спасения заложников стало жизненным правилом каждого бойца группы.

Но вскоре события получили самое неожиданное развитие: Мацнев и Ягмурджи потребовали наркотиков. Оказывается, еще на «гражданке», а потом и на службе, в роте, они покуривали запретную травку. «Можно организовать!» – согласилась Лена.

– Значит, так, – с видом знатока сказал Мацнев, – передай, пусть готовят двадцать ампул, иглы, ну и все остальное – спирт, жгут, вату... И еще гитару. Серега классно поет.

Лена бросилась к кабине пилотов, но Мацнев ее остановил:

– Скажи, чтоб ампулы и гитару принес наш ротный, другого к самолету не подпустим...

«Земля» прислала ампулы. Вместе с наркотиками дали сильнодействующее снотворное. Ягмурджи, выпив три ампулы, скис на глазах. Мацнев к наркотикам не притронулся, но, поглядев на спящего, тоже присел рядом, прикемарил.

Убедившись, что оба уснули, Лена предложила пассажирам обезоружить преступников. Однако никто на такой шаг не решился. Тогда она сама осторожно сняла с колен Ягмурджи пулемет. Надо отдать должное мужеству Лены, но, забрав пулемет, она подвергла себя страшной опасности, по существу, подписала себе смертный приговор. Очнувшись, террористы просто убили бы ее. И это действительно чуть не стоило ей жизни.

Уснув, Ягмурджи свалился с кресла, при этом разбудил Мацнева. Тот вскочил, еще секунда-другая, и он бы вспомнил о пулемете. Но Лена нашла, схватив ампулы, протянула их Мацневу:

– Смотри, он и тебе оставил!

Мацнев обрадовался. Сусанна подсунула чашку. Он слил все ампулы вместе и залпом выпил. Дико застонал, закружился по салону. Пока не опомнился, Лена вцепилась в него: «Коля, Коленька, выпусти пассажиров, ты же обещал...»

«Черт его знает, обещал – не обещал, – отмахнулся он от Лены, как от назойливой мухи. – Подгоняй трап и к едрене фене, пока я добрый!»

Подогнали трап. Выбежали пассажиры, следом бортпроводницы.

Дверь захлопнулась. И тут Мацнев очнулся: где пулемет? Стал трясти Ягмурджи. Но тот ничего не помнил.

В ярости они колотили прикладом автомата в дверь пилотской кабины, орали, матерились, обещали перебить всех. А ведь если бы исполнили свое обещание, дали очередь по кабине, крови было бы много. Слава богу, выстрелов не прозвучало.

«Альфе» же предстояло решить, что делать с террористами. Они по-прежнему вооружены, опасны, на совести Мацнева и Ягмурджи убийства, ранения заложников. И как бы это жестоко ни звучало, их могла остановить только пуля. Но в данной ситуации на применение оружия должен дать добро... прокурор. Однако он долго не мог принять решение.

Затяжка грозила смертью всем, кто находился в кабине, – и пилотам, и группе захвата. Не было сомнения, что, окончательно придя в себя, преступники откроют стрельбу по кабине.

Прокурор по-прежнему вилял, а потом принял «соломоново решение»: брать живыми, но если применяют оружие, уничтожить. Командир «Альфы» резонно возразил, что у террористов не берданка, а автомат Калашникова. Это значит, они должны уложить кого-нибудь из группы, и тогда только можно открывать огонь. Получается, трупов пока мало. Уже известно, что умер раненный в живот пассажир. Опять молчание штаба. Опять прокурор думает.

Наконец решение есть. Группа захвата открывает дверь пилотской кабины. Мацнев сидит с автоматом на коленях. Он еще успевает сделать несколько выстрелов в атакующих, как ответная очередь бросает его навзничь. Ягмурджи пытается схватить выпавший из рук сообщника автомат, но ему не дают этого сделать. Мацнев убит наповал, Ягмурджи ранен. Поединок окончен.

Бортпроводниц Елену Жуковскую и Сусанну Жабинец наградили орденами Красного Знамени. Но главная награда, как до сих пор считает Лена, ее ребенок. Когда все это случилось, она была беременна.

Невероятно, но факт: против бойца «Альфы», применившего оружие,

возбудили уголовное дело. Но, к счастью, в ходе следствия было доказано, что сотрудник действовал в соответствии с законом. Ибо он сам воплощал в себе закон, а террористы стояли вне закона.

Ягмурджи не признал свою вину и не раскаялся. Просто сожалел, что не до конца продумал террористическую акцию. Что же касается людей, которые погибли от его руки, о них он не думал вовсе.

Собаки «Альфы»

В группе «А» с точки зрения обычного человека немало экзотических служб. Ну, например, служба кинологов. На первый взгляд собаки «Альфы» выполняют те же задачи, что и их «коллеги» из МВД или пограничных войск: ищут оружие и боеприпасы, помогают бойцам взять вооруженного человека. Я не раз беседовал с милицейскими кинологами, их «боевые друзья» так же лихо умеют «взять» преступника с пистолетом и ножом. И все-таки смею утверждать: собаки группы антитеррора – особые, если так можно сказать, высококлассные спецы.

В чем этот класс? Во многом. Например, работа на сугубо специфических объектах – в посольствах, консульствах, диппредставительствах. Кроме ответственности, есть немало других нюансов. Назову лишь один – мраморные полы. Они часто встречаются в подобного рода организациях.

Это значит – собака скользит, скорость снижается, нет возможности для мощного прыжка. Обычная, не тренированная в таких условиях «политеса» собака обречена на провал.

А поиск взрывчатых веществ в рейсовых автобусах, на спортивных сооружениях, вокзалах, где множество запахов, шумов! Представьте себе обычную вокзальную камеру хранения. Какой сложный фон для работы собаки – в одной ячейке лежит колбаса, в другой – мясо, еще какие-то пахучие вещества. Попробуй сориентируйся, не ошибись. Нужна специальная, длительная тренировка. И она проводилась прямо на вокзалах, в аэропортах.

Более того, по заказу «Альфы» один из институтов Комитета госбезопасности изготовил несколько десятков самодельных взрывных устройств. Они были почти реальными, только без детонаторов. Важно, что в макет СВУ закладывались различные типы взрывчатки: боевой, промышленной, самодельной. Так что собака привыкала искать не просто взрывчатку, а устройство с полным букетом «террористических» запахов.

Сами тренировки готовились и проводились очень тщательно. В соответствии с рекомендациями ученых-одорологов, то есть специалистов по запахам. Макеты взрывных устройств всегда хранились в плотно закрытых контейнерах, хорошо упакованные. Закладка СВУ осуществлялась только в резиновых перчатках. С момента закладки до поиска проходило не менее полусуток.

Собаки «Альфы», естественно, не должны бояться шума выстрелов, разрывов. Для тренировки использовались звукоимитаторы, кинологи постоянно выезжали на стрельбища.

Поскольку в функции группы входит борьба с воздушным терроризмом, кинологи с «младых ногтей» знакомят псов с авиалайнерами. И не только на земле, но и в воздухе. Кстати говоря, приучать собак к полету – дело весьма непростое. Они очень чувствительны к воздушным путешествиям.

Важная часть обучения собак-антитеррористов – работа среди людей. Надо научить пса мгновенно реагировать на вооруженного человека и в то же время наложить «табу» на реакцию на детей и женщин. Если среди женщин террористки встречаются редко, то испуг и истерика ребенка в стрессовой ситуации вполне возможны. Стало быть, задача кинологов «Альфы» – натренировать собаку спокойно относиться к крику ребенка.

Вообще путь группы антитеррора – это путь проб и ошибок. Не было методик, рекомендаций, зачастую любое дело приходилось начинать с чистого листа. Кинологическая служба подразделения – не исключение.

Собаки появились в группе в 1988 году. До этого все операции проходили без участия собак. Их следовало «вписать» в общий процесс, иными словами, найти место в боевой операции. Поэтому сначала разрабатывалась операция, определялась в ней роль кинологической службы, потом тренировались собаки и, наконец, проходили общие учения. Ибо не только собакам надо было привыкнуть действовать в едином тактическом строю, но и людям адаптироваться к работе с новыми «коллегами». Таким образом, нагрузка на кинологов оказалась весьма существенной.

Ответственный этап работы – взаимодействие пары «инструктор – собака». Здесь зачастую была обратная связь – инструктора «подбирали» к собаке. И если розыскные псы работали с любым инструктором, то собачья «группа захвата» только со своим, индивидуальным наставником.

Особая тема – снаряжение для собак группы антитеррора. Речь, конечно, не об ошейнике или поводке, а, например, об уникальном радиоприемнике. Вмонтированный в «сбрую» пса, он транслирует команды инструктора в ухо собаки. А это значит, что после соответствующих тренировок собака может действовать в отрыве от человека, исполняя его команды.

Разумеется, собаки «Альфы» так же бесстрашны, ловки и сильны, как и их хозяева. Всякий, кто имел дело с тренировкой псов, знает, как не просто выучить своего любимца передвигаться «по лестнице» вниз. У

собак группы антитеррора на полосе препятствий есть «лестница», но, скажем, несколько усложненная. Высота от земли до верхней площадки – 5 метров. На этом огромном для любого пса пролете всего три ступеньки. И они умело их преодолевают. Воистину собаки-чемпионы!

У любителя собак, прочитавшего эти строки, сразу возникнет вопрос: какой породы собаки-антитеррористы?

Выбирая в свое время «боевых друзей», «альфовцы» изучали псов многих пород. Среди них были черные терьеры, ризеншнауцеры, но остановились на немецкой овчарке. По характеру, психике, возможностям, словом, по собачьим талантам немецкая овчарка оказалась наиболее удачным выбором.

Важно и другое – собака должна была выглядеть устрашающей. Это один из факторов воздействия на террориста. Оттого в группу антитеррора и выбирают псов черного окраса, с большими «медвежьими» головами. Одним словом, в элитной группе и элитные собаки.

Подводя итог сказанному, следует отметить, что собаки – это, разумеется, вспомогательное средство для борьбы с террористами. Они лишь помощники. Но помощники важные, умелые и ловкие. Их нельзя недооценивать. Потому в группе «А» своих псов ценят по достоинству.

Они и только они способны среди тысяч запахов учуять запах взрывного устройства. Они – фактор страха, а значит, и фактор выигрыша в бою с террористом. Они никогда не подводили и не подведут своих хозяев в трудную минуту.

«Взбесившийся» автобус

О бандитском захвате автобуса с детьми в Орджоникидзе 1 декабря 1988 года, о том, как освобождали ребятишек, наша пресса писала много. Операция прошла успешно. Израиль выдал преступников. Сотрудники КГБ, экипаж самолета проявили мужество и были по достоинству награждены. Высокие награды в Кремле вручали первые лица государства: Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета М. С. Горбачев и его первый заместитель А. И. Лукьянов.

Смелая учительница Наталья Ефимова, которая более суток находилась вместе с детьми под боевыми стволами террористов, была удостоена ордена «За личное мужество» № 1.

На экраны страны вышло два фильма: документальный – «Заложники из 4-го «Г» и художественный – «Взбесившийся автобус».

Кажется, в этой истории нет белых пятен, все ясно и понятно, расписано и снято по минутам. Ан нет. Через три года в «Досье» «Литературной газеты» появляется статья «Международный терроризм – кто «за»? Автор ее – достаточно опытный журналист, в некотором роде даже «специалист по терроризму». К этой теме он обращался неоднократно. Тем удивительнее было прочесть его откровение.

«Помните декабрь 1988 года? – спрашивает автор. – Да, когда террористы захватили автобус с ребятишками во Владикавказе (на момент захвата г. Орджоникидзе) и выпустили их и учительницу только тогда, когда получили в свое распоряжение огромные деньги (3,5 миллиона американских долларов) и самолет для отлета в Израиль. И там они были схвачены и выданы советским представителям.

Так вот, все то, что связано с реагированием на этот террористический акт, как мне известно, формировалось уже в ходе самих событий, что было явно ненормальным. И когда представители «Аэрофлота», уполномоченные соответствующих компетентных органов делали максимум возможного, чтобы нейтрализовать террористов, то многое ведь базировалось на их интуиции, а не на профессионализме и опыте».

Странно, не правда ли? Автор прекрасно знает, что удалось освободить всех до единого заложников – 30 детей, учительницу и водителя автобуса. И террористы не мальчики – матерые преступники, готовились долго и тщательно. Как признавался сам главарь банды, они перечитали десятки

публикаций, просмотрели не один зарубежный фильм о нападениях на самолеты и выбрали самый бесчеловечный и изощренный способ – захват детей.

Кстати, детей и учительницу они отдали раньше, чем получили деньги, на которых автор статьи заостряет внимание. Да и не деньги определили исход борьбы, а оружие. Впервые в мировой практике его вручили бандитам. Но даже после этого удалось переиграть террористов.

И все благодаря интуиции? Ни опыта тебе, ни знаний, ни профессионализма. «Формировались в ходе самих событий», «базировались на интуиции» и поди ж ты, сумели выиграть труднейший бой с хитрыми, жестокими бандитами. Вот так любители!

Не думаю, что автор статьи столь наивен и не может отличить работу профессионалов от любительских упражнений. Но тогда в чем же дело? Видимо, даже многочисленные публикации, фильмы по причинам ли секретности или по каким-то другим обстоятельствам не смогли по-настоящему раскрыть деятельность профессионалов. Их сложная психологическая борьба за жизни заложников прошла как бы мимо повествования.

Хотелось бы восполнить этот пробел. Ведь захват автобуса с детьми в Орджоникидзе и их освобождение – без сомнения, одна из сложнейших операций такого рода, проведенных когда-либо в мире. И мы должны знать о ней все.

2 декабря 1988 года. 3.10. Аэропорт Минеральные Воды.

Пять минут назад полковник Геннадий Зайцев начал переговоры по рации с главарем вооруженной банды, захватившей автобус с детьми, Павлом Якшиянцем. Главное, что волновало штаб по чрезвычайному происшествию, – состояние детей. С этого и начал полковник.

Зайцев: Алло, Павел, ты слышишь меня?

Якшиянц: Не беспокойтесь.

Зайцев: Павел, учительницу можешь пригласить?

Якшиянц: Пожалуйста. – *Обращается к учительнице:* – С тобой будут разговаривать. Говори, что хочешь.

Учительница: Здравствуйте, говорит учительница Наталья Владимировна.

Зайцев: Очень приятно, Наталья Владимировна. Я – Геннадий Николаевич.

Учительница: Вы не скажете, когда нас отсюда выпустят?

Зайцев: Наталья Владимировна, я обращаюсь к вам как к главной защитнице детей. Как они чувствуют себя?

Учительница: Дети сейчас спят. Конечно, все хотят домой. Проснутся, опять начнут плакать.

Зайцев: Нужно ли кому-то из детей оказать медицинскую помощь? Или иную помощь, по вашему мнению?

Учительница: Нет. Они чувствуют себя хорошо. Помощи медицинской не надо. Только есть хотят и домой бы поскорее.

Зайцев: Я очень прошу вас: держитесь изо всех сил. Что бы ни произошло, знайте – все о вас беспокоятся. Подчеркиваю, вашей жизни, если все пойдет нормально, ничего не угрожает.

...Ах, дети, дети. Просто представить трудно, что родился, ходит по земле человек, который пошел на такое чудовищное преступление – в заложники взял детей.

Что знал полковник, что знали в штабе на этот час о главаре банды? К их прилету в Минводы местные комитетчики уже получили кое-какую информацию.

Павел Якшиянц, 38 лет, уроженец Ташкента, работал водителем в Орджоникидзе. Трижды судим. Хитер, изощрен, жесток.

Н-да. Десять с лишним лет руководил Зайцев группой «А», всякого навидался, но такое – держать под ружьем автобус с одиннадцати-двенадцатилетними детишками – встречает впервые. Он, сам отец и дед, представляет сейчас испуганные глазенки мальчишек и девчонок.

Эх, кабы не дети, «Альфе» на все про все хватило бы считанных секунд, и лежать бы сволочам мордой на грязном полу.

Но нет, он должен быть спокоен и мудр. Ему вести дуэль с главарем бандитов.

Якшиянц: Мы поступили очень грубо, сапогами в морду, можно сказать. Но мы себя оправдаем. В дальнейшем, я вам говорю, одна секунда, как вы сделали добро, вторая секунда будет наше добро. Не принимайте нас за дуралеев. Я интересовался всеми этими акциями и, по-моему, неплохо продумал операцию.

Зайцев: Павел, готовы удовлетворить все ваши требования. Но нами руководит беспокойство за детей. Могли бы вы тоже ответить гуманностью и освободить детей?

Якшиянц: Да, освободим детей. Но только в случае, если руководитель государства официально объявит во всеуслышание и подпишет документы о нашем беспрепятственном выезде.

Зайцев: Куда вы хотите вылететь?

Якшиянц: В любое иностранное государство, которое нас не выдаст. Уверены в лояльности Пакистана, Израиля, ЮАР. – *Заместитель*

председателя КГБ генерал Виталий Пономарев выжидающе смотрел на Зайцева. Полковник опустил микрофон. – Пакистан...

– Добро, – ответил Пономарев и направился в противоположный конец комнаты, в которой располагался штаб, к телефону правительственной связи.

2 декабря 1988 года. 0.45. Москва. Аэропорт Шереметьево.

Экипаж Александра Божкова готовится к полету в Дели. Они недавно вернулись оттуда, увозили после гастролей цирк. Веселые пассажиры попались: медведи, лошади, орлы. В полете вели себя смирно, только орлы все помахивали крыльями, беспокоились.

Однако очередной рейс в Индию был неожиданно отменен. Самолет полетел в Минеральные Воды. Когда приземлились, поразило безлюдье в аэропорту. Пока выруливали на дальнюю стоянку, «земля» ввела в обстановку. У трапа их встречал сотрудник КГБ, рассказал подробнее о случившемся, уточнил: «Дело добровольное. Кто чувствует себя неуверенно, может отказаться». Ни один из пилотов не дрогнул. С этой минуты они уже знали: им лететь за границу по требованию террористов, им быть заложниками.

Зайцев (*нажал тангенту микрофона*): Мы готовы предоставить вам возможность вылететь в Пакистан. Как вы относитесь к этому?

Якшиянц: Хорошо. Значит, куда мы улетим отсюда?

Зайцев: Самолет без дозаправки дотянуть до Пакистана не сможет. Поэтому требуется промежуточная посадка в Ташкенте. Именно Ташкент ближе всего к Пакистану. Поняли меня?

Якшиянц: Душанбе вас не устраивает?

Зайцев: Душанбе ближе к нам и дальше от пакистанской границы.

Якшиянц: Там разве нет прямой границы с Советским Союзом?

Зайцев: Нет. Да и Ташкент географически ближе к Пакистану.

2 декабря 1988 года. 1.20 московского времени.

Советские посольства в Исламбаде, Кабуле, генконсульство СССР в Карачи.

Советские полномочные представители в Афганистане и Пакистане получили срочное сообщение о захвате детей в Минеральных Водах, о требованиях террористов предоставить им самолет до Пакистана.

Несмотря на глубокую ночь, послы СССР настойчиво выходили на связь с местными представителями власти.

2 декабря 1988 года. 1.25 московского времени. Аэропорт Минеральные Воды.

Произвел взлет самолет, следующий рейсом по маршруту Минводы –

Ташкент, с 15 сотрудниками антитеррористической группы «Альфа» на борту. Возглавил группу Сергей Гончаров.

Вскоре в штаб пришло сообщение: Ташкент готов принять террористов. Однако к тому часу бандиты уже изменили свое решение.

Якшиянц: Значит, я вам говорю: иностранный самолет из Пакистана прилетает в Ташкент. Что мы делаем? Грузимся в самолет. Там присутствует посол этого государства. Вы подписываете с нами договор, что не применяете силу, мы детей оставляем и летим.

Зайцев: Хочу пояснить: вопрос весьма сложный. Сейчас ночь. Посла Пакистана требуется из Москвы доставить в Ташкент. Значит, надо провести переговоры на самом высоком уровне.

Якшиянц: Непонятно мне, разве посол Пакистана не может сразу вылететь?

Зайцев: Может. Но подчеркиваю, он находится в Москве. Его надо найти, поднять, обеспечить вылет...

Якшиянц: Вы меня не поняли, что ли? Я спрашиваю: посол или временный поверенный?

Зайцев: Полномочный представитель Пакистана в Советском Союзе. Его резиденция в Москве.

Якшиянц: Как, вы поддерживаете дипломатические отношения с государством, которое с нами воюет?

Зайцев: Что вы имеете в виду?

Якшиянц: С территории Пакистана уничтожаются наши парни. Там базы. Ну если у вас пакистанский посол, нам Пакистан не нужен. С этим послом можно о чем угодно договориться. Да-а, значит, они тоже засранцы приличные, простите за выражение. Наших бьют, а сами в Москве сидят. Ладно. Как насчет Израиля?

Зайцев: У нас с Израилем нет дипломатических отношений. Павел, а если Финляндия, вас устроит?

Якшиянц: Я даже улыбнулся – Финляндия! Боже мой! Это ж наши шлепанцы в Балтике. Летим только в Израиль!

2 декабря 1988 года. 2.47 московского времени. Тель-Авив.

Консульская группа Советского Союза.

Руководитель консульской группы Г. И. Мартиросов был поднят с постели ночным телефонным звонком из Москвы. Сообщив о происшествии, его предупредили, что самолет скорее всего направится в Израиль.

Заместитель министра иностранных дел СССР попросил выйти на руководство страны. Он намеренно воспользовался открытой связью в

надежде, что Тель-Авив «услышит» беседу МИДа со своим посланником и как-тоотреагирует. Так, по существу, и случилось. Через час после разговора с Москвой Мартиросову позвонил исполняющий обязанности генерального директора МИД Израиля Ануг и дал понять, что им известно о захвате самолета.

Израильтяне практически сразу выразили согласие принять самолет. А в Минводах продолжалась борьба. Теперь бандиты требовали денег.

Зайцев: Вы уже несколько раз говорили о деньгах. Что вы имеете в виду, какие деньги?

Якшиянц: Нам нужны доллары, стерлинги.

Зайцев: О какой сумме идет речь?

Якшиянц: Ну тысяч по пятьсот на брата.

Зайцев: А сколько вас братьев? Сколько человек? Вы слышите меня, вы не ответили.

Якшиянц: Я сказал еще в Орджоникидзе – нам нужно миллион в долларах, миллион в фунтах стерлингов и миллион золотом. Золотом с пробами. Мы все это проверим.

Зайцев: Миллион золотом и миллион фунтов стерлингов. Я вас правильно понял?

Якшиянц: И миллион долларов. И золотом. Русским золотом. Самым дешевым и самым дорогим.

Зайцев: Я вас так понял: либо миллион долларов, либо миллион фунтов стерлингов, либо миллион золотом?

Якшиянц: Совершенно вы меня не поняли. Все три в одно место. Может быть, вы скажете: «Дадим вам три – золотом. Пожалуйста».

Зайцев: Павел, я откровенно говорю, что у нас такой возможности нет. Речь может идти о долларах.

Якшиянц: А почему золота нет, русского золота?

Зайцев: Павел, у нас золота с собой нет.

Якшиянц: Как так? В Советском Союзе золота нет, что ли? Я удивляюсь. Неужели вам жалко денег? Просто туда с миллионом неудобно ехать. Столько морд! Не успеешь оглянуться, как опять будешь в заднице.

Зайцев: Я еще раз обращаюсь к вам. Вы обсудите этот вопрос с товарищами. Мы можем дать только доллары.

Якшиянц: Три миллиона?

Зайцев: Нет, два...

Якшиянц: На каких условиях?

Зайцев: Условие одно: вы освобождаете детей, мы передаем два миллиона и обеспечиваем вылет.

В это время в комнате штаба полковник Зайцев увидел сотрудника группы «Альфа» Валерия Бочкова, окликнул:

– Как с деньгами, Валерий Александрович?

– Все нормально, Геннадий Николаевич, деньги уже в Минводах.

А было так: сотрудники 4-го управления КГБ, приехав во Внешторгбанк, выгребли из сейфов все, что было в наличности. Работники банка только руками развели: с чем работать завтра? Сотрудники безопасности промолчали. Только один, увязывая мешок с валютой, угрюмо сказал: «До завтра еще дожить надо...»

В ту ночь каждый из них думал о своем: банкиры – о деньгах, уплывающих неизвестно куда, сотрудники безопасности – о детях, в сердце которых направлен бандитский обреза.

...Самолет с мешками денег улетел в Минводы.

Теперь, когда с будущей безбедной жизнью все было решено, террористы потребовали новых гарантий. Гарантий безопасного вылета в Израиль. Как только не изощрялись бандиты, чего только не придумывали. Их требования, даже самые безумные, пытались удовлетворить. Повторим, никто не имел права рисковать детьми.

Позже выяснилось, что бандиты продумали даже мелочи: окна автобуса наглухо зашторили, в салоне расставили банки с бензином. Одна искра, и гибель тридцати детей неминуема. Арестовать преступников ценой тридцати жизней?

Якшиянц: Значит, я вам говорю: сюда к нам члена Политбюро, но не того, который должен выйти на пенсию, а цветущего. Личность мировую, известную. И гарантии от нашего президента. Пусть даст железные гарантии, а его жена Раиса Максимовна пусть едет с нами. Если она детей любит.

Зайцев: То, что вы предлагаете, нереально.

Якшиянц: Раиса Максимовна – не государственный человек, она мать. Почему же на это нельзя пойти? Знаю, с ней меня и за два миллиона никто не уничтожит.

Зайцев: Вас и без нее никто не собирается уничтожать. Но ваше требование невыполнимо.

Якшиянц: Думаете? Но другого выхода не вижу. Это, может, моя фантазия, но если бы я был Первый, посоветовал бы: «Знаешь, жинка, давай-ка съезди с хлопцами». Считаю, что Крупская бы поехала. Сказала бы: «Я вам как бабушка, меня возьмите, а детишек отдайте».

Зайцев: Павел, вы прекрасно видите – рядом стоит самолет, работают двигатели, он полностью готов к вылету. Так летите! При чем тут Раиса

Максимовна?

Трудно сказать, были ли эти требования доложены президенту. Говорят, Горбачев знал о них. Во всяком случае, секретарь ЦК Егор Лигачев, в ту пору второй человек в государстве, несколько раз звонил в штаб ЧП в Минводах.

А главарь уже требовал вернуть в автобус жену и дочь. Дело в том, что при захвате автобуса вместе с террористами находилась и жена Якшиянца Тамара Фотаки с дочерью. По дороге в Минеральные Воды она упросила мужа выпустить их. Тот согласился. Теперь счел необходимым возвратить обеих обратно.

Якшиянц: У нас все идет отлично, не жалуюсь. Единственно, у меня была минута слабости, когда жену с ребенком выпустил. Она мне сказала: «Павел, нас всех уничтожат! Пожалей ребенка». Действительно, я посмотрел, у нас такая зарядка техбензином, непременно сгорим, – и выпустил. Теперь передумал и говорю: подготовьте их к возвращению. Это будет одно из требований. Они должны вернуться в автобус. Вот так – Тамару Михайловну и дочь. Она не против, просто не верит, что все пройдет благополучно.

Зайцев: Я понял.

Но Фотаки возвращаться наотрез отказалась. Ее уговаривали заместитель председателя КГБ генерал Пономарев, полковник Зайцев, местные партийные работники. Просили как женщину, как мать. Тамара Михайловна боялась.

После проведенной оперативной работы стали известны имена сообщников Якшиянца.

В. Муравлев, 26 лет. Шофер, электрик. Последние месяцы нигде не работал. Дважды судим.

Г. Вишняков, 22 года. Работал в автобусном парке, потом на заводе...

Однако пока никто не знал: трое их, четверо или пятеро? Главарь банды говорил о семерых сообщниках, но хотел получить восемь бронежилетов. И вот впервые прозвучало грозное требование выдать оружие. Требование – одно из самых опасных и тупиковых. В мировой практике не было случаев выдачи оружия террористам. В отечественной тоже.

Что означал бы такой шаг? По существу, самоубийство. Все понимали: каждая пуля бандитов – пуля, летящая в грудь людей из «Альфы».

А Якшиянц требовал семь автоматов.

Зайцев: Еще раз прошу повторить. Как я понял, мы должны дать вам восемь бронежилетов. Так или нет?

Якшиянц: Да, так. И еще семь автоматов. Их работоспособность мы проверяем, заряжены ли они боевыми, чтобы не было подлога. Это наша полная гарантия. Плюс Тамара с ребенком.

Зайцев: Для чего вам нужны автоматы?

Якшиянц: Вы должны точно гарантировать, что по прилете на место один из нас выйдет в город, проверит, действительно ли это та страна. Потом автоматы сдаем.

Зайцев: По существующим международным нормам ввозить в другую страну оружие запрещено законом.

В это время, чтобы увести Якшиянца от мысли об оружии, Зайцев предлагает в качестве заложников вместо детей экипаж самолета. Бандит не верит, он считает, что в форме летчиков перед ним предстанут работники спецслужб.

Зайцев: Взамен детей мы даем гарантии правительства и экипаж.

Якшиянц. Экипаж – это первоклассные бойцы, они согласны пожертвовать собой, чтобы выполнить долг перед Родиной. Это я понимаю. Вы должны применить все, чтобы не выпустить нас. Я не верю, что вы просто так отпускаете. Такого не было. Не было никогда.

Зайцев: Да, не было. А сейчас впервые проблема решается таким образом. Я подчеркиваю еще раз, ваши требования удовлетворены на самом высоком правительственном уровне.

Когда читаешь магнитофонную запись переговоров, порою кажется, что там, в автобусе, находится благоразумный человек, со своими мыслями, чувствами. Он не лишен сострадания, то и дело говорит, что ему жаль детей, пытается философствовать о добре и зле, даже шутит! Но вот лишь один непредвиденный случай – в радиостанции террористов село питание. Штаб послал к автобусу женщину, работника аэропорта, с новыми батареями.

Ну а кого же послать? Мужчину? Бандиты могут решиться на отчаянный шаг. Увидев в окно женщину, Якшиянц пригрозил: «Если еще кто-нибудь подойдет, как эта женщина, без предупреждения, – уничтожим автобус».

Зайцев: Не было другого выхода. У вас село питание.

Якшиянц: Питание у нас нормальное. Просто вам трудно кнопочку нажать.

Полковник Зайцев «нажимал кнопочку» и вел переговоры одиннадцать часов без перерыва. Уговаривал, увещевал, лавировал, уходил от вопроса об оружии. Упорно работали местные комитетчики: они выявили сообщников Якшиянца, доставили в аэропорт отца одного из бандитов –

Муравлева.

Отец: Володя, доброе утро.

Муравлев: Здравствуй, папа.

Отец: Володя, мне страшно, и я плачу. Что ты творишь? Что ты делаешь с детьми? Остановитесь. Не оставляйте Родину, важнее Родины ничего нет! Куда вы катитесь? Подумай о бабушке, о дедушке Саше, подумай. Ты на его земле сейчас. Кого ты бросаешь? Остановись, сынок! Я тебя прошу. С ваших голов ни один волос не упадет. Это гарантии правительства, Горбачева. Если он сказал, кому еще верить в нашем государстве?

Муравлев: Слушай, папа, мы повязаны друг с другом: кто выйдет, тот должен умереть. Такой закон у нас.

Отец: Никто вас умирать не заставляет. Вы должны жить. Вы молоды.

Муравлев: А что, разве плохо для государства валюту заработать? Подумаешь, пройдет каких-то десять лет, и мы эти два миллиона вернем. Ничего не случится.

Отец: Два миллиона захотели? Зачем они вам, эти два миллиона? Честно надо трудиться. У нас в семье копейку зарабатывают трудом. Твой дедушка Ваня трудился, молотком добывал свой хлеб. Сынок, я должен с вами поговорить.

Муравлев: Не надо.

Отец: Ты хотел бы с матерью встретиться, проститься? Если она вас попросит как сыновей одуматься и вернуться, согласишься.

Муравлев: Больше нечего сказать?

Отец: Ты не хочешь со мной в последний раз поговорить?

Муравлев: Нет, не надо, тут все против.

Отец: Можешь дать микрофон Павлу? Его Павлом зовут?

Муравлев: Не надо, все это впустую.

Отец: Володя, одумайтесь, там же маленькие дети, я слышу, они плачут.

Муравлев: Кто плачет? Они смеются.

Отец: Володя, ты подумай, если бы такое случилось с твоим двоюродным братом Алешкой, Лехой. Он такой же маленький.

Муравлев: Уже поздно задний ход давать.

Отец: Я с матерью разговаривал. Знаешь ведь, какое у нее здоровье.

Муравлев: Не могу я, не уговаривай.

Отец: Положи ее в гроб тогда, положи в гроб. Мать у нас труженица, тебя любила, лелеяла, обогревала, обмывала, кормила, в детский сад водила. Ты вспомни это, сынок. Давай я подойду. Хочешь или не хочешь, я

обязан сказать. Я все-таки отец.

Якшиянц: Не надо мучить парня. Он волнуется. На протяжении двух месяцев каждый из нас обдумывал. В любой момент мог отказаться. В любой момент. Сто раз!

Отец: Павел...

Якшиянц: Для меня не имеет значения, сколько нас человек. Здесь достаточно одного с зажигалкой. Даже если вы заберете всех, со мной вопрос не решите. Если кто будет подходить, я водителю и этой бабе-училке уши или что-нибудь еще отрежу и выброшу прямо в лицо...

Волк показал зубы, почувствовав опасность. А дети который час сидели в душном, пропахшем бензином автобусе. Отец Муравлева взывал к совести бандитов.

Отец: Деньги есть, самолет стоит, но мы, советские люди, обращаемся к вам. Я как отец Володи обращаюсь. Подумайте еще раз. Какое кощунство – взять детей заложниками. Такого даже варвары не делали.

Якшиянц: С помощью ума, силы, хитрости они хотят добиться результатов. Но мы-то стоим по другую сторону баррикад. Нам надо добиться своего! Мы не грубим, не торопим. А можно события поторопить. Парочка жертв, и события потекут, побегут. И правительство приедет. Боже мой. Это очень много – тридцать человек.

Да, это очень много – тридцать детских душ.

Аэропорт был оцеплен солдатами, танки и бронетранспортеры замерли у летного поля, боезапас наготове. Они могли бы стереть с лица земли батальон, а может, даже полк противника, но оказались бессильными перед горсткой бандитов. «Альфа» тоже была бессильна. Пока бессильна.

У микрофона другой бандит. Он назвался Германом.

Герман: Вы не приняли наши условия с автоматами и бронежилетами?

Зайцев: Жилеты лежат, восемь штук. Мы готовы передать их в любое время.

Герман: В чем тогда дело? Все предельно просто.

Зайцев. Вы можете принять бронежилеты. Сколько штук требуется?

Герман: Восемь бронежилетов и семь автоматов.

Зайцев: Мы ведем речь о бронежилетах.

Герман: И об автоматах тоже. Это входит в наши условия.

Зайцев: Герман, я каждому разъясняю: автоматическое оружие по нормам международного права запрещается ввозить как в Советский Союз, так и в любую другую страну мира. Вы поймите.

Герман: А как это станет известно, что мы ввозим?

Зайцев: После приземления местная полиция сделает досмотр.

Герман: Можно тайник в самолете придумать.

Зайцев: За это ответственность еще больше. Я повторяю, вопрос о вашем вылете решен. Вы требовали деньги – Советское правительство готово выделить их. Вы требовали бронежилеты – мы готовы дать бронежилеты. Но просим в обязательном порядке соблюсти непереносимое условие: освободить всех детей.

Герман: Это можете рассказать детям четвертого класса. Они поверят.

Зайцев: Что вас не устраивает?

Герман: Нет стопроцентной гарантии. Сказано уже сто раз.

И такой гарантией бандиты считали выдачу оружия. Требования террористов были переданы в Москву. Но что необычного, нового может предложить Москва? Москва молчит. Штаб бросает в бой последний «резерв».

Зайцев: Павел, с тобой жена хочет поговорить.

Жена: Павлик, доброе утро. Павлуша, родной, послушай. Я только что разговаривала с заместителем председателя КГБ Советского Союза. Гарантии полные. Бог тебе навстречу. Хочешь – оставайся здесь, хочешь уходить – уходи. Детей оставляй и лети. Никто тебе здесь помехой не будет. Павлуша, милый, я здесь одна, ребенок у чужих людей остался. На все иду, только сейчас сделай по уму, не напори глупостей, родной. Оставляйте детей и идите. Деньги вам приготовлены, Горбачев в курсе дела. Он дал свое согласие. Уже там, в твоём любезном Израиле, все договорено. Не упирайся, иди, заклинаю тебя, Павел, я тебе говорю, что с тобой буду. Буду! Но сейчас это не в моих силах. Ребенка на чужих людей не брошу.

Якшиянц: Было бы твоё желание, я бы подождал. Даже своим ходом готов в любое государство ехать, хоть в автобусе. Раису Максимовну они не хотят в заложницы. Боятся. А члена Политбюро? Тоже нет. Нам что, погибать впустую?

Жена: Павлик, я тебя прекрасно понимаю. Для чего вас уничтожать? Это ни к чему. Тут единственная цель: забрать детей. Я же здесь все своими ушами слышу, обстановку знаю. Неужели ты думаешь, я бы тебя на гибель толкала? Павел, поступи благоразумно, по-человечески, как отец. Там же дети, чьи-то дети. Ты представь, если бы это твои дети были. Кошмар! Сколько это длится? Сутки! Вдумайся. Вам все дадут. Уже мешки денег стоят наготове. Забирайте, езжайте. Зачем вам оружие? Вас же самих с ним не пустят никуда. Зачем оно тебе? Вот, пожалуйста, экипаж самолета здесь, все здесь. У меня на глазах! Я же тебе родная душа. У нас же ребенок, Паша! Мы же дитём связаны!

Якшиянц: Зачем врать. Пацаны над нами смеются. Учительница даже

говорит: «Нет, ребята, вас постреляют». Шофер это говорит. Люди посторонние, со здравым умом. Скажем, у меня преступный ум, извращенный. Ты сама мне вчера сказала, что нас с детьми уничтожат. Нет, не верю, дайте гарантию.

Жена: Павлуша, если я сейчас приду, ты ко мне выйдешь?

Якшиянц: Ты, наверное, будешь говорить за свою судьбу, за нашего ребенка. Не уговоришь. Что тебе нужно? Крест от меня?

Жена: Да дурак же! Какой крест мне от тебя нужен? Что еще сказать, господи! Хочу объяснить, гарантии вам даны. Эти люди слов на ветер не бросают. Бронежилеты дают, деньги дают. Экипаж не вооружен. Зачем вам оружие! Какой ты упрямый. Это только твоих рук дело, я знаю. Мальчишки там – тьфу! По сравнению с тобой – телята. Это же твоя рука! От тебя все зависит. Павел, еще раз говорю, креста от тебя не хочу. Знаешь, у меня на свете четыре родных человека: ты, отец, мать и дочь. Так почему, если у меня есть возможность, тебя не спасти? Почему я тебя должна хоронить? Ты жив останешься, будешь с деньгами.

Якшиянц: Я уже все потерял. Я обречен на выезд. А это хуже смерти. Смерть – это мгновение. Но ты сама подписала приговор. Ни Родину, ни честь я не предаю (!). Мог бы заставить полететь в Пакистан и там бы пошел в формирования, взяв оружие в руки. Но я не пойду туда. Потому что хочу жить для себя и для своей семьи, а не для государства.

Жена: Павлик, я хочу только одного: чтобы ты вернулся домой. Есть такая возможность. Паша, остановись! Еще не поздно. Поверь мне! Нас Элечка дома ждет. Дитя пожалей!

Якшиянц: Ты вышла – и все. Между нами барьер. Не надо из меня делать зверя.

Жена: Мы можем жить по-человечески. Пойти к тебе я не могу, ребенка бросила у знакомых в городе. Ты мне три года назад какое горе сделал – ребенка украл! За тобой летели. Куда опять меня тянул? Зачем? Знаешь прекрасно, что я не хотела, против была. Так не делается, надо по-человечески делать.

Якшиянц: Тамара, если ты женщина и мать, ты поймешь матерей этих детей. Вернись, и я отдам детей. Ан нет, о себе думаешь. Теперь о других подумай, пусть тебе тяжело будет, но не убьют же тебя.

Жена: Мой ребенок на улице, понимаешь? Чего ты хочешь? Чересчур много хочешь. Люди все, что могли, предложили. На все твои условия пошли...

Итак, переговоры Якшиянца с женой ничего не дали. Бандит был непреклонен. У этого человека и вправду не осталось ничего святого.

Прошло 16 часов со времени захвата автобуса. Истекал девятый час переговоров. Якшиянц по-прежнему требовал оружия. Переговоры оказались в тупике.

На связь вышла Москва. Центр давал добро на выдачу оружия террористам. Трудно было поверить в это. Но другого выхода не было.

Зайцев: Мы предлагаем тебе четыре пистолета Макарова.

Якшиянц. Хорошо! С полными обоймами. Пистолеты и по запасной обойме. Мы берем обоймы на выбор, постреляем. Но если будет подвох, пистолеты выбрасываем и диктуем другие условия.

Зайцев: Павел, ты имей в виду сам и предупреди товарищей, четко изложи: с нашей стороны оружие применяться не будет. Но чтобы и с вашей стороны были полные гарантии неприменения.

Якшиянц: Безусловно. Я еще раз повторяю, безусловно. Вы нам для самолета предоставьте один автомат. Будем выходить, автоматом прикрываться. Когда половина экипажа будет в самолете, автомат оставим на полосе.

Зайцев: Один автомат Калашникова. Мы удовлетворили ваши требования. Наши требования прежние: все дети, учительница и шофер должны быть освобождены.

Якшиянц: Да, конечно. Теперь об экипаже самолета. Пусть они выйдут в рубашках, чтобы было видно: никакого сверхсекретного оружия при них нет.

Зайцев: Еще один вопрос. Надо сообщить ваши данные. Вы же летите за границу. Фамилии, имя, отчество, год рождения, местожительства.

Якшиянц: На это я ребят уговорить не могу. У некоторых родители ничего не знают. И они не хотят, чтоб знали.

Зайцев: Скажи хотя бы точное количество людей, чтобы сообщить, сколько человек летит.

Якшиянц: Герман говорить не хочет, Ахат, Гриша – тоже. Они скажут в самолете.

Зайцев: Я понял тебя. Сейчас готовим бронежилеты, оружие. Убедительно прошу: не нервничайте, если что – связь со мной.

Якшиянц: Приносить оружие частями. Передавать в окошко.

Зайцев: Экипаж и специалисты, которые будут готовить машину к вылету, пошли к самолету.

Ну вот и наступил их час. Заместитель начальника шереметьевской эскадрильи Вячеслав Балашов оглядел экипаж.

Командир Александр Божков. Летчик что надо, и в личном деле запись «первый класс», и в работе – первоклассный пилот. Работал в ледовой

разведке, в высокоширотных арктических экспедициях, летал в Афганистан.

Второй пилот – Александр Гончаров. Сибиряк, красноярец. Молчун, слова не вытянешь, надежен в полете и на земле. Пилотировал «Аннушку», «Як-40», «Ил-86».

Штурман Сергей Грибалев. Работал штурманом вертолетного отряда в Тюменской области. Летал на «точки» – к нефтяникам, геологам, охотникам. Позже облетел всю Европу, Юго-Восточную Азию.

Старший бортиженер авиаотряда Юрий Ермилов. Опытен. Знал еще «Ту-114». Попадал в переделки – садился со сломанным шасси, однажды заклинило тягу руля, а за спиной двести пассажиров. Но нашел выход из критической ситуации.

Радист Александр Горлов. Прошел три антарктические экспедиции. Самая сложная – на корабле «Сомов». За тот героический рейс получил орден.

Бортоператор-инструктор Борис Ходусов и его молодой коллега Виктор Алпатов. Борис начинал еще бортпроводником, потом участвовал в первом полете «Ил-76» в Антарктиду. Виктор – самый молодой в экипаже. Окончил авиационно-техническое училище, работал в конструкторском бюро. И вот потянуло в небо.

«Что ж, ребята как на подбор», – подумал Балашов и кивнул экипажу:

– Вперед, пилоты! Отступать некуда. – Перед выходом на летное поле задержался: – Только вот что, мужики, разное увидим. Но с бандитами – ни-ни, предельная вежливость. От нашей выдержки зависит жизнь детей.

Они шагнули за порог. Поле аэродрома лизал колючий зимний ветер, низкие облака, казалось, зависли над самыми самолетами. Автобус стоял невдалеке. Тихий, мрачный, с зашторенными окнами.

Главарь банды вновь вышел на связь со штабом.

Якшиянц: Тамара не думает лететь?

Зайцев: Тамары здесь нет. Она ушла.

Якшиянц: Не хочет?

Зайцев: Павел, сейчас товарищи по одному, как условились, будут подносить бронежилеты.

Якшиянц: А оружие?

Зайцев: Потом принесут оружие.

Якшиянц: Ждем и наблюдаем.

К первой встрече с бандитами были готовы начальник отдела Ставропольского УКГБ Евгений Шереметьев и сотрудник «Альфы» Валерий Бочков.

Бандиты вновь на связи.

Муравлев: Нам вроде сказали, что кто-то будет идти. Но никого не видно.

Зайцев: Пошел товарищ.

Муравлев: С какой стороны?

Зайцев: Идет к автобусу.

Первым понес бронежилеты Шереметьев. Ни одна шторка не шевельнулась на окнах.словно вымер автобус. Приоткрылась дверь. В темноте салона никого не было видно. Шереметьев приподнял руки: «Вот, мол, принес».

На пороге появился небольшой мужчина – скуластое, заросшее черной щетиной лицо, впалые, с хищным наркотическим блеском глаза.

– Я принес бронежилеты, Павел, освобождай, как обещал, детей.

Ядовитая усмешка скривила лицо бандита:

– Я не Павел, я Геннадий.

– Геннадий так Геннадий. Восемь комплектов будут, а пока два. За один раз не утащить.

Муравлев, стоявший сзади Якшиянца, передал тому обрез, спустился с подножки, стал слева, вплотную к Шереметьеву. Подстраховал главаря.

– Пропусти в автобус, – попросил сотрудник КГБ, – надо на детей глянуть.

Важно было и другое: до сих пор неизвестно, сколько бандитов? Просил-то восемь бронежилетов. Оказывается, темнил. Четверо их всего было.

Заглянул Шереметьев в салон, и сердце сжалось от боли: в духоте, в грязи, среди банок с горючим, изнуренные, уставшие, с потухшим взглядом сидели детишки. Но, слава богу, все живы. Молоденькая учительница полными слез глазами глядела на Шереметьева. Подмигнул ей ободряюще: держись, Наташа.

Потом начался торг. За бронежилет – ребенка.

Следующим пришел Бочков. Бандиты глянули на него, угрюмо кивнули: «Сложи у колес». Чем-то не понравился им Валерий. Комплекцией, что ли. Очень уж могучий мужик.

Снова у автобуса Шереметьев: в одной руке автомат, в другой снаряженный патронами магазин.

Опять очередь Бочкова. Передал Якшиянцу пистолет, тот повертел его, вставил магазин. Вернул Валерию: попробуй. Тот передернул затвор, нажал на спусковой крючок. Выстрела нет. Бандит насторожился: никак подвох? Но Бочков уже понял, в чем дело. «Что ж ты магазин толком не дослал?»

Прогредел выстрел.

Потом следователъ долго будет пытатъ Валерия: зачем, мол, стрелял? Затем и стрелял, что нельзя было не стрелять.

Протянул пистолет, заглянул в автобус:

– Слушай, Павел, я свое слово сдержал, оружие принес. Отдай мне девчонок.

Понимал: девочкам труднее, да их всегда и больше в классе. Значит, больше удастся освободить.

– У меня самого в доме две девочки. Не мучай их.

Девочки стояли на площадке у дверей, Муравлев прикрывался ими, когда Бочков внизу с Якшиянцем вел переговоры. Не получив ответа, сотрудник группы «А» стал не спеша снимать с площадки детей – одну, другую. Заглянул в салон: есть еще девочки?

Взял четверых, а когда отошли от автобуса на несколько шагов, еще две выпрыгнули. Всего шестеро. Обнял за плечи, повел, а сам шепчет: «Что бы ни случилось, не бойтесь и не бегите. Только не бегите». Вдруг за спиной выстрел. Валерий крепче прижал к себе девочек, командовал: «Не бежать!» Хотя у самого внутри все похолодело.

Оказывается, бандиты проверяли автомат, выстрелили вверх, в люк автобуса.

Каждая ходка Бочкова и Шереметьева – вызволенные дети. Двое, четверо, шестеро... всего десять человек. Заложниками оставались одиннадцать мальчишек вместе с учительницей Натальей Ефимовой.

Долго обсуждалась процедура пересадки из автобуса в самолет. Наконец, казалось бы, решение принято...

Зайцев: Павел, я хотел бы уточнить некоторые вопросы. Мы с тобой определились, что дети идут до самолета, становятся в две линейки у трапа, и вы в это время поднимаетесь на борт. Так?

Якшиянц: Знаете, что я вам скажу. В дальнейшем вы предоставьте все это нам делать. Так будет спокойнее. Потому что можно придумать и другие хитрости.

Зайцев: Павел, мы же с тобой договорились основательно. Все, что вы просили, мы сделали, требования выполнили. Ты согласен со мной?

Якшиянц: Я согласен с тем решением, которое я принял.

Зайцев: Павел, мы с тобой так не договаривались.

Якшиянц: Мы договаривались, что дети останутся здесь.

Зайцев: Правильно, будут стоять у входного люка в две шеренги. Так или нет?

Якшиянц: Был такой момент. Но ситуация изменилась...

Зайцев: Павел, давай, раз уж определились, будем держать слово.

Якшиянц: Почему не даете с женой попрощаться по рации?

Зайцев: Ее нет, она уехала домой, к ребенку.

Якшиянц: Понятно...

Зайцев: Павел, как мы все-таки определимся с детьми? Давай оставим вариант, который обговорили?

Якшиянц: Вы считаете, он самый безопасный?

Зайцев: Но мы же договорились, что будем поступать таким образом. Дети выстроятся у самолета, вы пройдете, а дети уйдут к нам.

Якшиянц: Так и будет. Только часть детей останется в автобусе.

Зайцев: Повтори, я тебя не понял.

Якшиянц: Часть детей останется в автобусе.

Бандит обманул. За одиннадцать часов переговоров он не раз клялся в честности, вспоминал Родину, честь, жену, дочь, но обманул нагло и коварно. Вместе с экипажем заложниками вновь оставались дети.

Террористы проводили детей в самолет, прикрываясь ими на случай нападения. В самолет заходили так: сначала летчик, потом ребенок, а уж за ним бандит. Не забыли Шереметьева.

Последним поднялся на борт Муравлев. Произвел салют из обреза в воздух и дико захохотал от радости.

Бандит Герман Вишняков, по-хозяйски оглядев самолет, сказал, что знаком с машиной, в прошлом служил в десанте, прыгал с парашютом.

Еще один, не говоря ни слова, прошел в хвост самолета и занял там боевую позицию.

И тут новое требование Якшиянца: Шереметьев должен остаться в самолете заложником вместо детей.

Зачем это сделали бандиты, остается только гадать, ведь в заложниках у них недостатка не было. Может, ждали, что сорвется офицер КГБ. За время их общения Якшиянц без конца тыкал Шереметьеву в грудь оружием, грубил, дерзил. Но Евгений Григорьевич молча делал свое дело, старался казаться спокойным, сдержанным, невозмутимым. И на сей раз он только до боли сжал зубы, сказал, мол, сходит в штаб, доложит, и назад с ответом.

Ухмыльнулся бандит:

— У тебя что, шеф, жены нет, детей, родителей? А может, у тебя две жизни?

В штабе, услышав об этом, дали прямой провод на Москву, на Комитет. Оттуда передали: в данном случае приказать не могут. Что ж, пришлось идти без приказа. Понимал: иначе бандиты не отпустят детей.

Когда поднимался на борт, у входа стоял вооруженный Муравлев. Не обращиваясь, быстро зашептал:

- Как отец, а? Как? Что еще говорит?
- Одумайся, пока не поздно. Не позорь фамилии.
- Поздно. Передайте, пусть простит, если сможет.

Шереметьев прошел в салон, кивнул Якшиянцу на детей, которые, словно стайка испуганных воробьев, жались к учительнице.

- Финтишь, Паша. Обещал же пацанов на земле оставить. Отпусти!..
- Ты Тамару приведи, тогда отпущу. Без нее взлета не будет, и дети тут останутся.

Что ответить бандиту? Даже если бы и можно было высказать все в лицо, где же найти такие слова? Как определить глубину человеческого падения? Да и человек ли перед ним? По виду вроде смахивает: голова, ноги, руки, а по нутру – зверь, монстр, исчадие ада.

Но кто бы он ни был – надо идти уговаривать Тамару Фотаки, жену Якшиянца. Вновь Тамару просили Пономарев, Зайцев, Шереметьев. Не соглашалась, отказывалась. «Я не хочу к нему возвращаться. Ненавижу!» Больше часа прошло с тех пор, как покинул борт Евгений Григорьевич. И вот наконец жена Якшиянца возвращается с ним в самолет. Павел отводит ее в конец салона, что-то возбужденно говорит, объясняет. Тамара тоже не молчит, просит отпустить детей.

– Черт с тобой! – орет бандит и подбегает к Шереметьеву: – Молись, твоя взяла. Выгружай детей.

Наташа с Тамарой начинают спускаться на землю вконец измученных ребятишек. Внизу их принимает Бочков, другие сотрудники группы. Подходить чекистам к трапу опасно, поэтому они стояли с другой стороны самолета, так и считали спускающихся детишек. Один, два... пять... одиннадцать. Последней сошла учительница.

Наступило временное облегчение. За много часов тяжелой психологической дуэли – первая победа. Все дети живы, вырваны из рук мясника. На борту в качестве заложников остались экипаж и Женя Шереметьев. Но они – взрослые, закаленные люди, бывавшие не раз в переделках, они выдюжат. Теперь с бандитами говорить попроще.

«Альфа» была готова к штурму. Группа захвата, засевшая в пожарном депо, находилась там почти сутки. Ребята были в любую минуту готовы пожертвовать собой, чтобы уничтожить бандитов, освободить заложников. Однако пока не пришло их время.

Бочков принес к трапу самолета три мешка денег. Якшиянец все больше нервничал, грозил, тыкал пистолетом в лицо Шереметьеву. Он никак не мог

поверить, что операция удалась, их выпустят, они взлетят.

Запущены двигатели. Якшиянц мечется по салону. Шереметьев опускается на пол самолета. Пистолет в грудь, команда: «Руки за голову!» Евгений Григорьевич повинуется. Но вот в проем двери влетает мешок с деньгами. Бочков кричит снизу:

– Павел, отдай Шереметьева!

– Гони «бабки»! Еще мешок! – требует бандит.

Когда на борту оказываются все три мешка, он выглядывает в дверь:

– Не хочет Шереметьев выходить, понял!

– Ах ты, подонок! – взрывается Бочков. – Да тебе, сволочи, вообще верить нельзя. Веди мне Шереметьева, я с ним поговорю.

Бандит растерялся. За полсуток увещеваний так с ним никто не разговаривал. Шереметьева вытолкнули к дверям, Бочков и Кирсанов приняли его внизу.

Все ушли, у самолета остался один Бочков.

Присутствие его у трапа нервировало бандитов, они боялись штурма. На этом Бочков и сыграл. Через члена экипажа передал требование: соблюдать договоренность, вернуть автомат.

На сей раз они подчинились быстро – выбросили на полосу автомат. Бочков подобрал его, стер снег с приклада: «Так-то легче с вами разговаривать...»

Он до последнего был уверен: сейчас группа захвата пойдет на штурм. Самолет знакомый: успеют они выстрелить, не успеют – это уж не столь важно. Скрутят их ребята, сомнений нет.

Поразило, когда лайнер стал выруливать на старт.

Бочков еще не знал, что по дипломатическим каналам Израиль дал добро на выдачу бандитов. Так стоило ли рисковать экипажем, бойцами группы, самолетом?

Маршрут был непростой. В Тель-Авиве никто из пилотов не был. Трасса незнакомая, проходит через Турцию, Кипр. Где-то за Сухуми с экипажем попрощался советский, родной диспетчер. Пожелал доброго пути. Да уж, на «доброту» бандитов грех жаловаться: с летчиков перед рейсом сняли наручники, а над Анкарой «Павлуша», как окрестили пилоты главного головореза, забежал в кабину, стал совать деньги. Говорил, что в знак благодарности, за работу.

Прошлось взять, чтоб не обидеть «хозяина».

Опять же, валюта государственная, у командира экипажа будет сохраннее.

Бандиты, раскрыв мешки, распахивали по карманам доллары, франки,

фунты стерлингов. Вишняков, приняв очередную порцию наркотиков, матерился от досады, что надел узкие джинсы: беда, деньги в карманы не лезут.

Радист Александр Горлов держал связь с диспетчером на Кипре, когда «Павлуша» дернул его за рукав:

– Слушай, а вы нас правильно везете? Не по кругу катаете, как иркутян?

Хотелось врезать бандиту, чтоб башка с резьбы слетела, да нельзя. Горлов кивнул:

– Иди к штурману, он все покажет...

Штурман ткнул пальцем вниз: смотри, мол, под крылом Кипр. Якшиянц вроде успокоился, ушел в салон. Там рабочие места бортоператоров – Бориса Ходусова и Виктора Алпатова. Бандита потянуло на откровения. Поведал биографию. Крутая жизнь, ничего не скажешь: из 38 лет 16 Якшиянц провел в тюрьмах и лагерях. Имеет две семьи. От первой жены двое детей и от второй, Тамары, ребенок.

Алпатов спросил:

– Неужто в детей смог бы стрелять?

«Павлуша» долго думал, качал головой:

– Не знаю. В детей, может, и нет. А учительку... Надоела она мне.

Излил душу и Муравлев. Тоже не повезло в жизни – дважды судим. Денег нет, с квартирой проблема. А вот работать неохота. Дома бросил жену и ребенка.

Под крылом был Израиль, самолет заходил на посадку. Якшиянц вновь забеспокоился, заглянул в кабину, поигрывал пистолетом.

– Смотрите, мужики, Сирия нам не годится...

Не годилась она и экипажу.

Божков посадил самолет на одной из военных баз под Тель-Авивом. База уже была окружена войсками.

Заглохли двигатели, и бортинженер Борис Ходусов открыл правую дверь.

– Всем оставаться на местах! – заорал Якшиянц и оттолкнул Ходусова от двери.

Встречающих было трое. Бандит приветствовал их пачками стодолларовых купюр.

– Презент! – широко улыбнулся «Павлуша».

Однако хозяева от денег отказались. Страшная догадка пронзила Якшиянца: эти сволочи не туда посадили. Разве могут в Израиле отказаться от долларов? Оказывается, могут.

– Переводчика! – закричал террорист.

Потребовал у встречающих удостоверение личности. Израильский солдат вынул удостоверение. Что там прочел бандит – сложно сказать. С ним пытались объясниться по-французски, по-английски, по-немецки...

– Боже мой, – горько усмехнулась жена, – он по-русски с трудом говорит.

Свои услуги израильтянам предложили пилоты.

Но Якшиянц высокомерно отказался – на иностранной территории не верил соотечественникам.

Наконец прибыл переводчик, и представители властей потребовали освободить экипаж, немедленно сдаться. У бандитов отобрали четыре пистолета, охотничье ружье, мешки с деньгами. Такой прием террористам не понравился, и они тут же предложили израильтянам миллион долларов за возможность улететь в Южную Африку. Увы, и от этого миллиона встречающие отказались. Единственное, что разрешили террористам, – «отдохнуть» в камере тюрьмы Абу-Кебир.

3 декабря 1986 года. 14.30 московского времени.

Израильский международный аэропорт Бен-Гурион.

Группу сотрудников «Альфы», прилетевших в Израиль, встречал представитель Советского Союза Мартиросов, работники полиции и спецслужб страны. Сразу уточнили детали операции – когда и как осуществится передача террористов, оружия и денег. После этого сотрудники Комитета выехали на военную базу, где и должны были встретить террористов. Однако их ждали осложнения. Некоторые депутаты кнессета от оппозиции стали возражать против выдачи бандитов, оружия и денег.

После выступления депутатов оппозиции государственная машина закрутилась быстрее. Большинством голосов было принято единственно разумное решение: вернуть преступников. Срочно послали за ними в тюрьму, разрешили готовить самолет, тот же «Ил-76», который угнали террористы.

Вскоре на летное поле, к самолету, подкатил кортеж полицейских машин. Бандиты были с завязанными глазами, в наручниках. Работники спецслужб Израиля устроили живой коридор, провели по нему террористов. Вверху, в дверях самолета, их приняли два сотрудника «Альфы». В «Ил-76» усадили самых агрессивных – главарей Якшиянца и его подручного Вишнякова. Муравлева, Анастасова и Тамару Фотаки отправляли в другом лайнере.

Здесь же, у трапа, передали деньги и оружие. Самолеты взлетели и

через несколько часов приземлились на московской земле. Первым сел «Ил-76».

Бандитов спустили вниз, с главаря сняли повязку.

В холодной декабрьской ночи над козырьком аэропорта нестерпимо ярко горели страшные для Якшиянца слова: «Москва. Шереметьево».

Подкосились ноги, поплыли ненавистные неоновые буквы. Сознание отказывалось воспринимать реальность. Тело Якшиянца обмякло, повисло на чьих-то сильных руках.

Когда он пришел в себя, то спросил:

– Что со мной будет? Расстреляют?

– Пряников дадут, – сказал кто-то за спиной.

Суд приговорил Якшиянца к 15 годам лишения свободы, с отбыванием всего срока в тюрьме.

Без единого выстрела

«Альфа» – уникальное в своем роде подразделение в нашей стране. Во всем мире подобные подразделения можно перечесть по пальцам: «Дельта» в США, ГСГ-9 в Германии, САС в Англии, израильские спецподразделения, группа национальной жандармерии во Франции, австрийская «Кобра», бельгийский спецэскадрон быстрого реагирования, испанский «ГАЛ». Известно, что и некоторые другие страны создают специальные части по борьбе с терроризмом. Им активно помогают израильские и немецкие инструкторы.

Несмотря на вполне понятные различия, подразделения антитеррора в разных странах сталкиваются с множеством одинаковых, весьма схожих проблем.

Только в конце 70-х годов Беквиту удалось «протолкнуть» идею создания секретного армейского подразделения под кодовым названием «Дельта». Как говорят, «не было бы счастья, да несчастье помогло». В октябре 1977 года в Могадишо террористы захватили авиалайнер компании «Люфтганза» «Боинг-737». Западногерманская антитеррористическая группа ГСГ-9 штурмом взяла самолет и освободила 86 заложников. В ходе операции были убиты трое и ранен один террорист.

«Тот день, – пишет Беквит, – для Пентагона оказался необычным. Состоялось совещание комитета начальников штабов, всюду были суматоха и беготня».

Президент написал записку, он интересовался у председателя комитета начальника штабов, есть ли в Вооруженных силах США подобная единица. Генерал Роджерс информировал председателя о своем принятом несколько месяцев назад решении – создать подразделение по борьбе с терроризмом. Дело сдвинулось с мертвой точки, теперь Беквит пользовался не просто благорасположением начальника штаба армии, но и его активной поддержкой.

В ту пору, когда создавалась «Дельта», нашей антитеррористической группе «Альфа» исполнилось три года. На ее счету не было громких побед, и создатель группы «А», тогдашний председатель КГБ Юрий Андропов, не очень спешил вводить ее в бой. На штурм самолетов, захваченных террористами, ходили наспех сформированные милицейские подразделения.

Так уж случилось, что главным экзаменом «Альфы» стал Афганистан.

Возникает закономерный вопрос: ее ли это дело – участвовать в переворотах, штурмовать дворец? Разумеется, нет. Но как тогда группа «А» отказалась в Кабуле? Да так же, как и «Дельта» в Гренаде, когда она, по существу, была использована в качестве элитного диверсионного подразделения. Известно, что за несколько часов, а по некоторым источникам – за двое суток до начала агрессии в Гренаде подразделения командос проникли на остров и совершили ряд диверсионных актов.

Отряд «Дельты» был переброшен к месту действий на вертолетах спецподразделения «Ночные охотники». Захватил ключевые объекты, в том числе аэропорт, и совместно с другими командос обеспечил высадку основных сил. Подобная операция под кодовым названием «Пегас» планировалась и против Никарагуа, где «Дельте» отводилась ведущая роль – ее бойцы должны были накануне вторжения проникнуть в столицу, чтобы убить или взять в плен руководителей сандинистской революции.

Это говорит о том, что несмотря на статус подразделения, предназначенного исключительно для антитеррористических операций по освобождению американских заложников на территории других государств, «Дельта» используется далеко не по назначению. Следует признать, что нередко юридический статус подразделения антитеррора служит ширмой для диверсионной работы американских командос. И тут, как показывает практика, не спасает даже то, что решение об использовании «Дельты» принимает Совет национальной безопасности страны.

У нас до августовского путча «Альфа» выполняла приказы председателя Комитета государственной безопасности, подчиняясь только ему. После августовского путча она была выведена из структуры КГБ и стала подчиняться непосредственно президенту СССР, а с развалом Союза – президенту России. Региональные отделения группы стали самостоятельными подразделениями антитеррора суверенных государств – бывших республик Советского Союза.

Юридический статус группы (по существу, его отсутствие) в условиях советской системы изначально предопределил будущее подразделения. Все тут зависело от воли и взглядов председателя КГБ на использование «Альфы». Если в конце 70-х и начале 80-х годов она применялась в основном по своему назначению (за исключением, пожалуй, Афганистана), то примерно на 1987–1991 годы приходится пик тяжелейших нагрузок на группу, не связанных с исполнением антитеррористических функций. Это и длительные командировки в «горячие точки» страны, в места межнациональных конфликтов, привлечение к оперативной работе, охрана особо важных мероприятий.

Да, «Дельта» также обеспечивала безопасность Олимпийских игр в Лос-Анджелесе, охраняла папу римского во время его визита в Латинскую Америку. Это вполне объяснимо. При проведении крупнейших спортивных и зрелищных мероприятий, визитов государственных и общественных деятелей для охраны привлекаются лучшие силы службы безопасности. Но как объяснить годовое «стояние на часах» сотрудников группы «А» у тюрьмы Лефортово? К явно чудаческой команде руководства КГБ «альфовцы» относились с иронией, но приказ есть приказ – денно и ночью бойцы, оставив боевую учебу, дежурили у стен изолятора. Зачем? Официальная версия была такова: американцы собираются напасть на тюрьму и выкрасть некоторых арестантов. Смешно? Однако бойцам «Альфы» смеяться пришлось недолго. Заступив на охрану, они мокли, мерзли и пеклись на солнце у Лефортово.

Никакие обращения к руководству Комитета не помогали. Сердобольные бабушки подкармливали «невольников приказа» пирожками, выносили чай. Студенты из расположенного по соседству общежития, завидев поутру на лавочке две знакомые фигуры, приветственно помахивали спортивными шапочками: «Привет, ребята! Как дежурство?»

Прошли лето, осень, зима, весна, снова наступило лето. Из Лефортово никого не выкрали. Охрану, к счастью, сняли.

Все это можно было бы воспринять как досадное недоразумение или перестраховку высокого начальства, если бы не одно обстоятельство: обстановка в стране накалялась, то в одном, то в другом месте вспыхивали межнациональные конфликты, и «Альфу» бросали в самое пекло. Там, куда они приезжали, их, как правило, не ждали и встречали далеко не с распростертыми объятиями.

Бойцы не жаловались на отсутствие комфорта, но когда в Баку их поселили в казарму и не предложили ничего, кроме матрацев, даже выдавшие виды оперативники были удивлены. И так сотрудники жили три месяца, питаясь всухомятку. Кстати, им платили те же пресловутые 3.50 командировочных в сутки, а работа была такая, что возвращались в ночь, за полночь, под утро – какая уж там столовая!

Из Еревана пришло известие: на Комитет госбезопасности готовится нападение. Сотрудники «Альфы» выехали в Армению, словно там не было своих чекистов. И охраняли не столько Комитет, сколько его председателя. А нужен ли такой председатель, который не доверяет своим работникам, просит охрану из Москвы? Увы, этим вопросом, видимо, никто в верхах не задавался.

Юридическая незащищенность и правовая неопределенность

сотрудников группы особенно ощущались в самые острые моменты оперативной работы. Отдавать приказы находилось множество охотников, но отвечать за них не хотелось никому. Разумеется, в роли «стрелочника» выступали бойцы.

Логическую точку в этих странных, перевернутых взаимоотношениях спецподразделения поставил Вильнюс. «Альфа» пережила драму – погиб молодой сотрудник, лейтенант Виктор Шатских.

За что погиб? Во имя чего?

Михаил Головатов, который командовал группой сотрудников подразделения в столице Литвы, был объявлен врагом литовского народа, преступником. Но самое страшное их ждало в родной Москве. Проснувшийся утром после событий президент Советского Союза... отказался от них напрочь. Он «ничего не знал и знать не хотел», кто и что творил у вильнюсского телецентра.

Президент предал свой спецназ. Теперь по всему выходило: именно он, подполковник Головатов, вместо воскресного отдыха с семьей собрал несколько своих подчиненных и махнул в Прибалтику. Чтобы раз и навсегда навести там порядок.

«Альфа» привезла в Москву своего убитого товарища. Истерзанное разъяренной толпой обмундирование и такие же истерзанные души. Каждому – и кто вернулся из Вильнюса, и кто не видел никогда в жизни его мощенных камнем улиц – было о чем подумать.

Газеты ревели о «головорезах КГБ». Назывались дикие цифры убитых, раненых. А «Альфа» не сделала ни единого выстрела. Не был истрачен ни один боевой патрон!

Понятно, что кто-то должен был ответить за отданный приказ. Но тот, кто отдал его, отвечать не хотел.

Верные слова написал Чарльз Беквит в своей книге, размышляя о роли спецподразделений в жизни общества. Очень многое надо сделать, чтобы создать такое подразделение, – трудиться не один год, проявив при этом максимум изобретательности, поиска и таланта. Но самое главное, о чем беспокоится первый создатель американской «Дельты», – определить юридический статус подразделения с момента его комплектования. И следовать ему неуклонно. В этом залог успеха подразделения и надежная защита каждого, кто встанет в его ряды. Кто выберет себе крайне трудную, опасную, истинно мужскую профессию.

Цена теракта

8 марта 1988 года на военном аэродроме Вещево, что под Ленинградом, был предотвращен угон самолета «Ту-154». Цена этого теракта велика – сгорел дотла авиалайнер, погибло, включая пятерых террористов, 9 человек, 19 человек ранено.

Врачи госпиталя, куда доставили пострадавших, сделали 32 операции. На пяти столах одновременно оперировали пострадавших военные хирурги. Всю ночь, до рассвета продолжалась борьба за жизнь 26-летнего ленинградского аспиранта Игоря Мойзеля. Пуля, пробив поясницу, прошла навылет через легкое.

Поражает признание самого Мойзеля, сделанное уже после выздоровления. Когда на борту самолета прогремел взрыв и авиалайнер загорелся, заложники стали прыгать вниз, на бетонку. Игорь раньше других оказался у открытого люка. Прыгнул, указывая спасительный путь другим. На земле оказался первым. Казалось бы, опасность миновала.

«Я упал на землю, на корточки, – рассказывает Игорь, – мне завернули руки назад, прижали лицом вниз к бетонному покрытию и выстрелили в спину. Боли я практически не почувствовал, затем меня подняли, провели вперед на несколько метров, положили вниз лицом и велели лежать с руками за головой. Пока меня тащили, то били ногами, стараясь попасть в лицо и по голове, но я закрывался руками».

Сколько раненый Мойзель пролежал на бетонке, трудно сказать. Когда его подобрала «Скорая помощь», врач Е. Кочетова уже с трудом прощупывала пульс.

Кто же стрелял в Игоря, пинал ногами? Террористы этого уже не могли сделать, к тому времени он были мертвы. Оставшиеся в живых спрятались за кресла. Убивали Мойзеля его так называемые спасители. Те, кто пришел вызволять заложников из лап бандитов, имея мало представления о том, что и как делать. Что тут сказать? Не дай нам бог впредь таких спасителей.

Однако заклинания вряд ли помогут. Ибо трагедии, подобные ленинградской, время от времени повторяются. И не только в нашей стране.

23 ноября 1985 года самолет египетской авиакомпании вылетел из Афин в Каир. Через 22 минуты после взлета он был захвачен террористами. По рассказам очевидца, один из них прошел в пилотскую кабину, второй

расположился в центре корабля, третий остался в хвостовой части. Бандиты были вооружены пистолетами и ручными гранатами.

Сотрудник службы безопасности, сидевший впереди, открыл огонь, но тут же был тяжело ранен.

После этого террористы отобрали у всех паспорта и, рассадив пассажиров по национальным группам, расстреляли пятерых – двух израильтян и трех американцев. Просьба командира корабля о дозаправке самолета была отклонена. Авиалайнер совершил посадку в аэропорту Валлетта (о. Мальта).

Во время штурма самолета египетские командос действовали неумело и не смогли предотвратить применение террористами ручных гранат, что привело к массовой гибели пассажиров. Было убито более 60 человек.

Офицер британской антитеррористической команды САС, оказавшийся свидетелем трагедии, рассказал, что с бандитами никто не вел переговоров. Диспетчер за полчаса до штурма прервал все контакты с бортом. А они крайне необходимы для того, чтобы отвлечь внимание террористов.

Египетские командос имели лишь теоретические знания по захвату «Боинга-737». Штурмуя самолет, они пренебрегли отвлекающими маневрами, группа захвата постоянно находилась в поле зрения террористов. На каждый люк и дверь египтяне поставили по 8–10 человек, которые мешали друг другу. Долго, около трех секунд, штурмующие открывали первый люк, а первый боец оказался в салоне только через 5 секунд.

Одной из причин, подтолкнувшей террористов к открытию огня, было то, что на борту оказались сотрудники службы безопасности. По своему поведению они явно отличались от обычных пассажиров. На своих местах они разместились еще до посадки пассажиров. А ведь в других авиакомпаниях сотрудники безопасности, дабы не быть обнаруженными, садятся со всеми пассажирами.

Кстати говоря, на борту нашего «Ту-104», следовавшего по маршруту Москва – Новосибирск – Чита в 1973 году, произошла подобная трагедия. Милиционер В. Ежиков, сопровождавший самолет (такая мера безопасности широко практиковалась после угона «Ан-24» отцом и сыном Бразинскасами), уловив момент, выстрелил в спину террориста Рзаева, который захватил лайнер. В ту же секунду сработало взрывное устройство.

К сожалению, есть и еще достаточно яркие примеры неудач в борьбе с террористами. Сюда следовало бы отнести и освобождение самолета в

аэропорту Карачи. На борту «Боинга-737», летевшего в Бомбей, было около 400 пассажиров, 17 из которых погибли и 98 получили ранения в ходе перестрелки, завязавшейся между пакистанскими солдатами и преступниками.

Мы привели только три случая гибели десятков людей от рук террористов, назвали три адреса: Ленинград, Валлетта, Карачи. Тысячи миль между ними – Северо-Запад Европы, Средиземноморье, Азиатский континент. Но их объединяет то, что люди оказались заложниками не только воздушных бандитов, но и невольными жертвами малоопытных, неподготовленных бойцов спецслужб.

Как не вспомнить предупреждение полковника Чарльза Беквита: нельзя частично заниматься борьбой с террором, даже талантливый дилетант не сможет соперничать с ними, только профессионалы способны на равных вести бой с международными террористами.

Оставим в покое ошибки египетских и пакистанских командос. Но как случилось, что у нас, при существовании мобильной, высоко профессиональной группы антитеррора, имеющей достаточно богатый опыт борьбы с воздушными бандитами, разыгралась эта кровавая бойня?

Вспомним, что в первые же минуты после посадки террористы увидели солдат с оружием, бегущих к самолету, вспомним выпрыгивающих из горящего лайнера пассажиров, которых принимали за бандитов и встречали на земле ударами прикладов. Как это далеко от профессионализма, как не похоже на умелые, расчетливые действия «Альфы»...

В том-то и весь секрет трагедии под Ленинградом 8 марта 1988 года: группа «Альфа» не имела к ней ровным счетом никакого отношения. Захваченный самолет взорвался в тот момент, когда вертолет «Альфы» заходил на посадку на аэродроме Вещево. Бойцы прикинули к иллюминаторам – увы, уже было поздно. Им осталось только постоять у догорающего остова самолета. Они были единственными людьми, кто мог с самого начала помочь заложникам. Однако нашлись «ответственные работники», которые, приняв сообщение о захвате самолета, быстро смекнули: дело особой сложности не представляет, какие-то юные музыканты во главе со своей мамой, вооруженные обрезом, захватили самолет. Соберем силы, припугнем, смотришь, можно и дырочку для ордена вертеть. Широкая грудь «ответственных» так и осталась без орденов. Но оказались смертельно раненными ни в чем не повинные люди. Или, быть может, это чужая боль? Только кто даст гарантию, что завтра она не станет нашей болью, когда пуля террориста настигнет нас с вами? Никто

такой гарантии не даст.

Потому хотелось бы вспомнить заново, как все это было в весенний день 1988 года. Не только вспомнить, но и навсегда сохранить в памяти. Может статья, скоро в полет. Конечно, трудно поверить на тихой, благословенной земле, что внезапно обрушатся на тебя такие страсти-мордасти, но ведь пилоты и пассажиры самолета «Ту-154» № 85413, следующего из Иркутска, тоже не верили... Даже получив угрожающую записку: «Следовать в Англию (Лондон). Не снижаться. Иначе самолет взорвем. Вы находитесь под нашим контролем» – бригадир бортпроводников Ирина Васильева не поверила. Так и сказала командиру корабля Валентину Куприянову, мол, не пойму, может, столь оригинальная шутка по случаю 8 Марта?

Командир корабля не разделял оптимизма бортпроводницы. Он отдал ясные и четкие команды: с этого момента в пилотскую кабину не входить, связь поддерживать по телефону, выяснить, действительно ли реальна угроза, что конкретно требуют террористы?

Всего через несколько минут девушки поняли справедливость слов Куприянова. Когда Тамара Жаркая и Ирина Васильева появились во втором салоне, в конец которого ушли после посадки в Кургане Овечкины, они увидели направленные в грудь стволы охотничьих обрезов.

– Вдвоем не подходить! Одной оставаться на месте! – раздался окрик.

15.01. Главный центр управления воздушным движением получил информацию из Ленинграда: на траверзе Вологды вооруженными преступниками захвачен самолет «Ту-154». Высота полета 11 600 метров.

...Бандиты обнаружили себя после вылета из Кургана. Пассажиры хвостового отсека с удивлением увидели, что молодой человек в сером свитере и фетровом берете не пускает людей в туалет. Не пустил женщину, потом ребенка. Не успел подняться со своего места мужчина, как услышал резкую команду: «А ну сядь!..» Он обернулся – два парня подняли обрезы и направили их в пассажира.

15.15. Борт самолета № 85413 информировал «землю»: в салоне 11 угонщиков. Остаток топлива на 1 час 35 минут полета.

Кто они, угонщики? Многодетная семья Овечкиных из Иркутска. Здесь их хорошо знали: газеты, радио, телевидение не раз рассказывали о талантливых ребятишках, создавших семейный диксиленд «Семь Симеонов». У ансамбля было достаточно меценатов – областные руководители гордились: как же, не в прославленных консерваториях, а в рабочей «глубинке» подрастают истинные таланты. Считали, что появление Овечкиных на сцене повышает престиж местных органов

культуры.

В рекламе «Симеонов» не было границ: Восточно-Сибирская киностудия сняла о них документальный фильм. Юных музыкантов устроили в Иркутское училище искусств, потом обком выбил места в Институте имени Гнесиных.

Только учиться по-настоящему музыке оказалось некогда, грянули гастроли: сначала в Москве, Кузбассе, потом за рубежом – в Японии. А по возвращении оттуда учиться уже не хотелось. Старшие быстро поняли, что свалившаяся на их головы нежданно-негаданно популярность может дать богатые дивиденды. Какое уж тут творчество – успеть бы побольше урвать, пока не подросли в семье самые младшие. В них-то все и дело: вырастут – будет обычный ансамбль. А так – с изюминкой, дети вызывают умиление слушателей.

Институт Гнесиных, едва отучившись семестр, пришлось бросить.

Окончательно вскружила голову Япония. «Симеоны» вернулись с гастролей в полной уверенности – только за рубежом по-настоящему смогут оценить их талант. Тогда-то, видимо, и возникла мысль «мотнуть» в капстрану.

Не следует судить Овечкиных за желание покинуть Родину. Каждый волен жить там, где ему захочется. И сама история привлекает как раз не намерением уехать из Советского Союза, это было не такое уж редкое стремление, а необычайной жестокостью молодых людей и их матери, лично руководившей всей операцией.

Потом журналисты будут «раскручивать» психологический феномен «Симеонов» и придут к поразительному выводу: когда обсуждался план захвата самолета, никто в семье и словом не обмолвился о заложниках, их жизнях. словно эти люди не существовали для Овечкиных.

Игорь Овечкин, оставшийся в живых, рассказывал на суде, что в случае провала братья договорились взорвать «бомбу». Его спросили:

– Но в самолете-то почти сотня человек. В чем их-то вина?

Игорь отвечал:

– Я не помню, чтобы мы говорили о них.

Но сам он боялся смерти. Когда стало ясно, что угон не состоялся, Игорь спрятался возле пилотской кабины. Самому застрелиться? Ни за что!

Знал цену жизни.

Вопрос о пассажирах задали и сестре Игоря Ольге Овечкиной, тоже оставшейся в живых.

– Оля, а как же пассажиры?

– Не думали как-то мы о них...

15.22. Удаление самолета от Ленинградского аэродрома Пулково – 180 километров.

15.30. Начальник смены Главного центра УВД передает на борт: бортинженера можно выпустить в салон для переговоров. Соблюдать меры предосторожности.

Бортинженер Иннокентий Ступаков вышел во второй, задний салон. Едва вошел, крик: «Стоять! Дальше ни шагу!»

Как можно спокойнее предложил: «Подойдите кто-нибудь один, поговорим...» Сошлись на середине салона, сели в кресла по разные стороны прохода. Террорист нервничал:

– Требуем лететь в Лондон!

– Горючего не хватит. У нас топлива едва до Ленинграда. Надо садиться на дозаправку.

– Тогда садитесь за границей...

– Хорошо, – сказал Ступаков, – я доложу командиру.

Чтобы не подвергать риску пассажиров, экипаж первоначально принял решение лететь за рубеж. «Земля» дала добро. Но чем ближе лайнер подходил к Ленинграду, тем яснее становилось: до ближайшего финского или шведского аэродрома не дотянуть.

В Кургане самолет был дозаправлен, но ровно настолько, чтобы долететь до Ленинграда, на крайний случай – до запасного аэродрома в Таллинне.

Если же следовать в Финляндию, то у неизвестного аэродрома пришлось бы маневрировать, изучать подходы, тут и могло бы кончиться топливо. Как быть? Садиться в Ленинграде или Таллинне? А если террористы узнают город с высоты? Обещание взорвать «бомбу» более чем реально.

«Земля» приказывает уходить на запасной аэродром, который находится в стороне от Ленинграда. Самолет делает разворот почти на 180 градусов.

А в салоне раздаются истеричные крики террористов: «Что такое? Что происходит? Почему самолет поворачивает? Всех взорвем!»

К бандитам бросается бортпроводница Тамара Жаркая, пытается их успокоить, объясняет: самолет делает маневр перед посадкой в финском городе Котка. По громкой связи звучит сообщение: лайнер идет на дозаправку в Финляндию, просим пассажиров оставаться на своих местах, пристегнуть ремни, сохранять спокойствие.

15.55. «Ту-154» у цели. Впереди аэродром Вещево. Высота 1500 метров. Командир корабля Валентин Куприянов запрашивает «землю»:

какие рекомендации? Рекомендация одна – продолжать переговоры.

...Самолет резко идет на снижение. Низкая облачность. Преступники беспокоятся, требуют сделать круг над землей. Но у пилота свой план: надо скорее посадить лайнер.

16.05. Самолет произвел посадку.

Потом в десятках публикаций, в разных вариациях прозвучит одна мысль – теперь все зависело от профессионалов другого ведомства.

Операция вступила в самый ответственный, завершающий этап.

Но именно посадка ознаменовала и первый просчет: пилоты, пассажиры и, конечно же, террористы увидели, как от края летного поля к лайнеру бегут солдаты. Знакомые шинели, фуражки, автоматы Калашникова. Бандиты понимают: их провели. Гремят первые выстрелы, пока предупредительные, в салонную переборку.

Преступники требуют, чтобы экипаж вышел из кабины и выстроился лицом к стене.

Командир корабля передает через бортпроводницу Ирину Васильеву о подходе автомобиля-заправщика. Вновь в салоне крики: «Взлет! Взлет! Не нужна дозаправка, взорвем!» Василий и Дмитрий Овечкины ломятся в дверь пилотской кабины, бьют ногами, прикладами обрезов, стремянкой. Грозят: «Если экипаж не будет подчиняться, начнем убивать пассажиров!»

Тамара Жаркая просит их успокоиться, уговаривать: «Не надо стрелять! Взорвется самолет, погибнут люди. Сейчас подойдет заправщик, и полетим дальше». Двое бандитов хватают ее за руки и усаживают с собой. А через несколько минут Дмитрий Овечкин, красавец-трубач в ансамбле «Семь Симеонов», убивает Тамару.

Подошел первый заправщик. С борта самолета видно, как находящийся на заправщике офицер спешно срывает с шапки кокарду. Люди, стоящие у края летного поля, делают жесты, тоже понятные всем – они направляют действия штурмующих. Обстановка накаляется. Василий рвется в кабину: «Открывай! Иначе кого-нибудь застрелю!» Олег бежит с оружием по салону и истерически орет: «Не смотрите на меня – перестреляю!»

Командир передает в салон: при дозаправке без бортинженера не обойтись.

17.04. С борта самолета сообщили: разрешение на выход бортинженера получено.

Иннокентию Ступакову ловко удалось выскользнуть из кабины, да так, что никто из преступников не успел проникнуть к пилотам. Вот он уже на крыле, открыл горловину, опустил в нее шланг. Бандиты внимательно

сlediли за каждым его движением.

17.12. Первый заправщик заправил самолет. С борта требуют второй.

17.18. Напряжение на земле растет. Спасатели на вертолетах перебазировались ближе к самолету. Рейсовые самолеты огибают опасный район.

17.20. Угонщики, угрожая оружием, требуют немедленного вылета в Хельсинки.

17.50. К «Ту-154» подошел второй заправщик.

18.10. Заправка окончена.

Теперь перед Ступаковым стояла задача вновь проскользнуть в кабину, не дав прорваться туда бандитам. Но как это сделать? Овечкины «пасут» каждый шаг.

Поднявшись на борт, Иннокентий передает бандиту стремянку, просит: «Подержи, надо люк закрыть». Пока тот возится со стремянкой, удается совершить обратный маневр.

В это время – вызов по СПУ. Кто-то из террористов, взяв трубку у бортпроводницы, спрашивает: «Почему не взлетаешь, командир?» – «Надо развернуться, жду тягач». – «Жди, но только пять минут, понял? Не взлетишь – взорвем самолет!»

18.35. Два человека из группы захвата поднялись в кабину. Начинается подготовка к обезвреживанию бандитов.

18.50. Продолжаются угрозы взорвать самолет. Бортпроводники проявляют выдержку.

В 19.10 самолет тронулся с места, и группа рванула дверь пилотской кабины.

В те дни газета «Известия» дальнейшие события живописала так:

«Сразу началась бешеная стрельба. Через несколько секунд дверь захлопнулась. Два бойца, разрядившие пистолеты в преступников, упали на пол кабины, обливаясь кровью. Их раны, к счастью, оказались не опасны для жизни».

В том, что «два бойца разрядили пистолеты», сомнения нет, но вот в кого? Преступники не получили и царапины. Куда же летели пули, в кого палили два бойца?

Вот что рассказывает участница тех событий, бортпроводница Валентина Николаева:

«Они приоткрыли дверь и начали беспорядочную стрельбу по салону, не видя и не думая, что кроме преступников здесь находятся бортпроводницы, пассажиры. Пули летели не в преступников, а в мою

сторону. Я присела, закрыв голову руками, пули летели над головой, через панель, в пассажиров первого салона».

Старший следователь военной прокуратуры Ленинградского военного округа майор юстиции Андрей Ковалев, который вел следствие, так оценивает действие группы захвата:

«От экипажа группе захвата было известно, чем вооружены преступники, но это не помогло».

«Когда в нас понесся град выстрелов, – рассказывали они, – мы подумали, что стреляют из автомата...» В ответ сами стали палить из пистолетов. Прикрывшись щитами, стреляли вслепую в конец салона, где находились Овечкины. Ранили пассажира, майора Я. Таюрского. Он сидел в трех-четырех метрах от кабины самолета, из которой вела огонь группа захвата. Вместе с ним пострадали еще три человека. И только чудом можно объяснить тот факт, что в такой перестрелке не поубивали пассажиров, находившихся в салоне самолета...

Замечу, так действовали не солдаты срочной службы, а профессионалы, которые за свой труд получают деньги».

Не прав старший следователь только в одном: хотя бойцы группы захвата получают деньги и числятся в профессионалах, они далеки от этого высокого звания.

Такие же «профессионалы» действовали и в хвостовой части самолета. Ничего лучшего они не придумали, как, открыв люк, разрезать ножом коврик под ногами прямо у бандитов.

Однако было бы неверно во всем случившемся обвинять только группу захвата. От первого своего шага в аэропорту Иркутска до последней минуты в горящем самолете террористы Овечкины встречались с вопиющим непрофессионализмом. Исключение составляет, пожалуй, только экипаж самолета – не теряющие самообладания пилоты, мужественные бортпроводники. Остальные крепко повязаны неумением работать, низкой служебной квалификацией.

Первыми, кто сказал бандитам «счастливого полета», была смена иркутского аэропорта под руководством капитана милиции К. Джикая. На выходе номер три в тот день контролировали посадку и вели досмотр ручной клади сержант В. Макеев, младший сержант В. Журнист, в также диспетчеры отдела перевозок Г. Сергеева и И. Богомолова.

Кроме ручной клади и инструментов, других вещей у Овечкиных не было. Ничего подозрительного в поведении пассажиров милиционеры не обнаружили. Да особенно придиричиво и не присматривались, ведь это ж «сами Овечкины», музыканты, гордость области.

Один из старших братьев даже попытался поставить контрабас в рентгенотелевизионный интроскоп. Галина Сергеева попросила положить инструмент на стол, дернула молнию на чехле, махнула рукой: проходи! Вот и вся проверка.

О действиях группы захвата и тех, кто «встречал» на земле убегающих из горящего самолета пассажиров, мы рассказали. Надо добавить, что и в верхнем эшелоне руководства операцией профессионализма было не больше.

Начальник Управления КГБ по городу и области генерал-лейтенант В. Прилуков руководил операцией непосредственно из... Ленинграда. Как? На этот вопрос он отвечал сам: «Держал связь с Москвой».

Однако эта драма, потрясшая в свое время страну, хоть и не такая далекая, но уже история. Она забывается, и, возможно, ее не стоило бы ворошить, если бы жизнь не рождала новых «Симеонов», на пути которых по-прежнему оказываются «профессионалы», работа которых оплачивается человеческой кровью и жизнями.

...23 февраля 1992 года. Опять Ленинград, вернее, теперь уже Санкт-Петербург. Может, тут простое совпадение, но операция по освобождению заложников в знаменитой тюрьме «Кресты» закончилась провалом. Убит заложник, сотрудник следственного изолятора.

Тем не менее один из участников штурма, офицер ОМОНа, с уверенностью заявил: «Специалистами и руководством ГУВД исполнение операции оценено довольно высоко».

Трудно сказать, что стоит за «высокой оценкой» руководством ГУВД собственных омовцев, но специалисты во всем мире считают: операция с применением спецподразделений не имеет смысла, если в ходе нее уничтожаются как террористы, так и заложники. В таком случае достаточно роты солдат, которая, окружив захваченный бандитами объект, искромсает огнем автоматов и правых, и виноватых.

Иной оценки нет и быть не может...

И все-таки что же случилось в питерских «Крестах», или, как их официально именуют, в следственном изоляторе № 1 ГУВД Санкт-Петербурга тем февральским днем?

Во время прогулки семеро подследственных, вооруженных заточками (заостренными металлическими штырями) и двумя гранатами, набросились на контролеров В. Аввакумову и А. Яремского. Затащив пленников в служебное помещение и запершись изнутри, преступники выдвинули ультиматум: в обмен на жизнь заложников они потребовали два автомата, четыре пистолета с боекомплектом, гранаты, автомобиль. Было также

поставлено условие – обеспечить беспрепятственный выезд из тюрьмы и предоставить самолет.

Знакомство с личными делами бандитской семерки не предвещало легкой борьбы. Статьи уголовного кодекса, по которым предъявлены обвинения каждому из бандитов (разбой, убийство, насилие), тянули как минимум на 10 лет лишения свободы каждому. Да и большинство из них за решеткой не были новичками. Ситуация складывалась угрожающая.

В «Кресты» выехала группа захвата ОМОН.

Три с половиной часа вели переговоры с преступниками заместитель начальника ГУВД В. Фролов и исполняющий обязанности прокурора города В. Большаков.

Преступники категорически отвергали все предлагаемые варианты, по-прежнему угрожая расправой над заложниками. Не отрезвили бандитов слезы матерей, мольба жен и родственников, которых доставили в изолятор.

Из тюрьмы привезли «авторитетного» рецидивиста, который тоже советовал им сдаться. Не послушали. Вели себя нагло, агрессивно.

Переговоры, начатые в 10.45, завершились в 14.00. Преступники твердо стояли на своем, демонстрируя гранаты-«лимонки» (как впоследствии выяснилось, муляжи, слепленные из хлебного мякиша и раскрашенные).

Было принято решение в 14.15 начать операцию по освобождению заложников. Но как это сделать? Штурмовать камеру, в которой заперлись террористы? Да, хотя это один из самых сложных вариантов. В тюрьме, построенной еще до революции, все было сделано добротно: крепкие решетки, массивные двери с надежными замками. При подготовке штурма пробовали, зацепив тросом, вырвать оконную решетку. Толстый трос лопнул, а решетка даже не сдвинулась с места. Вот уж проклятый царский режим, и тут нам подгадил!

Другой путь для штурмовой группы – маленькое окошко на лестнице, через которое велись переговоры с преступниками. Оно бы и хорошо, да не пролезть могучим парням в окошечко.

Задача казалась практически невыполнимой. Сами омовцы признались: шанс на то, что при штурме заложники уцелеют, – один из ста. И все же выбрали именно этот, по существу тупиковый, безвыходный вариант. Почему? Непростой вопрос. Безусловно, были еще кое-какие варианты. Ведь ситуация с захватом заложников в следственном изоляторе не нова. Достаточно вспомнить сухумский изолятор. Там преступники вооружились не заточками и муляжами гранат, а боевым оружием –

пистолетами, десятками пистолетов, по несколько штук на каждого негодяя. Тогда «Альфу», как до того питерский ОМОН, тоже подталкивали идти на штурм камер, но не вышло. Ее начальник однозначно взял ответственность на себя и, все взвесив, настоял на так называемом варианте «рафик».

Бандитов выманили во двор, и когда они сели в микроавтобус, прозвучала команда группе захвата. Террористы в несколько секунд оказались арестованными, заложники – освобожденными. Хотя местное руководство, милицейские генералы боялись варианта «рафик»: как бы чего не вышло. Вдруг действительно, усевшись в микроавтобус, банды вырвутся на свободу, в город. Что делать с ними тогда? А так спокойнее, хоть и грозятся, орут, но в камерах, в тюрьме. Долго пришлось профессионалам из группы «А» убеждать высокое начальство. Убедили. И операция закончилась успешно.

Ничего подобного не произошло в Санкт-Петербурге. Две штурмовые группы выдвинулись на лестницу, к окошку, через которое шли переговоры. Приготовили трос с крюком, чтобы в нужный момент выдернуть решетку. У запертой двери стояла еще одна группа, которая после начала штурма должна была выбить ее с помощью подручных средств.

Потом в паноптикуме «Кресты» Александра Невзорова на экранах телевизоров все увидят, как боец подразделения отчаянно колотил в дверь кувалдой. Помогали ему и другие, но, как оказалось, безуспешно. Дверь открыли только изнутри после окончания операции.

О начале штурма преступников известил сам командир группы захвата. Он решил с ними поговорить. Предупредил: «Ваши требования невыполнимы. При штурме ложитесь на пол, тогда останетесь живы». И тем самым подписал смертный приговор заложникам. Естественно, после такого выступления ни о какой внезапности не могло идти и речи.

Потом омоновец объяснил, что пошел на своего рода маневр, он-де отвлекал внимание бандитов от выдвигающейся группы захвата, пытался «стянуть» террористов в одно место и, наконец, хотел в последний раз образумить преступников.

Не получилось ни того, ни другого, ни третьего.

Бандиты, как и следовало ожидать, приготовились и ждали штурмующих. Конечно, с заточками и муляжами они не могли противостоять вооруженным омоновцам, и с началом штурма один был застрелен снайпером, другой – из автомата при попытке сопротивления, остальные остались в живых. Но свое гнусное дело они успели сделать: убили заложника.

Интересно, что решетку из окна удалось вырвать лишь с третьей попытки, на что ушло 10 минут. Вся операция длилась 15 минут. В такой ситуации четверть часа – целая вечность.

Сыграли свою роковую роль и слабая техническая оснащенность, нехватка спецсредств. Подумать только, у милиции Питера не нашлось гранат светозумового действия, которые дают яркую вспышку и ослепляют на время преступников. Что же касается взрывного устройства направленного действия «Ключ», а оно «открывает» любые двери, то тут нужны специально подготовленные люди, умеющие его применять. «У нас их пока нет», – посетовал заместитель командира ОМОНа капитан Павел Пашаев.

Если отсутствуют спецсредства, нет профессионалов, умеющих их применять, может, лучше приглашать их со стороны, из «Альфы», например, ведь в ее практике не было провалов: заложники оставались в живых, террористы либо убиты, либо арестованы. Когда дело идет о жизни людей – не время для межведомственных распрей. Но руководство ГУВД Санкт-Петербурга всякий раз отвергало эту мысль с порога: мол, наши ничуть не хуже. Оказалось, как ни прискорбно признать, – значительно хуже.

Поговаривают, что с милицейским начальством города на Неве злую шутку сыграли удачи «Альфы». Еще бы, обезврежены террористы в Сарапуле, Тбилиси, Уфе. Операции прошли успешно, бойцы спецподразделения действовали умело, высокопрофессионально. Соответственно, были и награждены. Вот и решили местные руководители, что не боги горшки обжигают. Оказалось, чтобы бороться с террористами, надо быть богом в своем деле.

Штурм на аэродроме Вещево, по существу, захлебнулся в огне и крови. Но прошло время, многое забылось, стерлось в памяти, уволились в запас старые начальники, появились новые. А у «Альфы» опять победы – спасли детей в Минводах, обезвредили террористов в Баку, Саратове. И самое главное, «без шума и пыли» взяли следственный изолятор в Сухуми, захваченный вооруженными преступниками.

Со стороны посмотреть: все легко и просто. И поэтому вновь звучит знакомый мотив: «А мы чем хуже?»

23 февраля 1992 года газеты сообщили о гибели в «Крестах» заложника, отца троих детей. Тогда же было опубликовано другое сообщение: «Шестеро этапированных по железной дороге преступников, особо опасных рецидивистов, напали на караул, тяжело ранили трех конвоиров, забрали оружие и боеприпасы. На трассе бандиты остановили

«Икарус» с 30 пассажирами, ехавшими из Кзыл-Орды в Сарыачаг.

Преступники потребовали подготовить самолет для вылета в южную страну.

При въезде в аэропорт грохнули отвлекающие гранаты. Операция по захвату преступников длилась 3 секунды. Разбив окна, парни из подразделения по борьбе с терроризмом ворвались в «Икарус». Бандиты были расстреляны на месте».

Какие похожие сообщения, и какие разные судьбы у заложников. Откуда они, эти парни, сумевшие уничтожить бандитов и сохранить 30 жизней? Тоже из «Альфы». Из регионального алма-атинского подразделения антитеррористической группы «А».

Теперь, правда, оно уже стало самостоятельным.

Пострадавших не было

Из служебного отчета группы «А»:

«10 мая 1989 года в 16.45 группа подследственных изолятора № 1 УИТУ УВД Саратовского облисполкома: Рыжков В. Ю., 1969 г. рождения, арестованный за разбой, Семенютин Г. Л., 1972 г. рождения, Левахин Д. И., 1962 г. рождения, осужденные за разбой и другие преступления, Збандут Г. П., 1956 г. рождения, осужденный за умышленное убийство, угрожая самодельным холодным оружием, во время прогулки во внутреннем дворе изолятора захватили в качестве заложниц двух сотрудниц изолятора.

Завладев ключами от 3-го этажа корпуса, преступники открыли одну из камер и дополнительно взяли в качестве заложников двух несовершеннолетних подследственных: Федорова А. В., 1972 г. рождения, и Бекетова Ю. М., 1972 г. рождения.

Забаррикадировавшись на этаже, преступники требовали встречи с руководством УИТУ, представителями прокуратуры и УВД. В разговоре с прибывшими руководителями преступники выдвинули требование предоставить им 4 пистолета, 10 тысяч рублей, транспорт и возможность выезда за пределы области. В случае невыполнения требований преступники угрожали расправой над заложниками.

10 мая в 22 часа требования преступников были частично удовлетворены. Им был передан пистолет ПМ с 24 боевыми патронами, часть денег, за что они освободили женщину и подростка. Затем к дверям изолятора вплотную был подан микроавтобус, куда сели преступники с заложниками.

11 мая в 2 часа ночи, обнаружив за собой преследование, они потребовали прекратить его, угрожая в противном случае убить заложников. Преследование было прекращено, преступники скрылись в неизвестном направлении.

В результате принятых оперативных мер 11 мая в 15.00 было установлено местонахождение преступников в квартире Просвириных на 4-м этаже 6-этажного жилого дома по адресу: улица Жуковского, дом 20, квартира 58.

Преступная группа, возглавляемая Рыжковым В. Ю., захватила в качестве заложников хозяина квартиры с женой и двухлетней дочкой и его брата. Всего в квартире находилось 11 человек. Для проведения операции

по спасению заложников и задержанию преступников был создан оперативный штаб. Предпринятые штабом меры положительных результатов не дали. В связи с вышеизложенным руководством КГБ СССР было принято решение о направлении в г. Саратов сотрудников группы «А».

11 мая самолет «Ту-154» с 18 сотрудниками спецподразделения «Альфа» произвел посадку на военном аэродроме г. Энгельса. Командир подразделения Герой Советского Союза полковник Виктор Карпухин понял: им придется расхлебывать кашу, заваренную непрофессиональными действиями саратовских милиционеров.

В ноябре прошлого года полковник Геннадий Зайцев, который возглавлял группу одиннадцать лет, был назначен заместителем начальника 7-го управления. На группу поставили Карпухина.

Он из военной семьи, отец фронтовик, командир артиллерийского полка. Виктор вырос в гарнизонах – на чемоданах, на коробках, на скрипучей солдатской кровати с инвентарными номерами. Иного просто не знал. Рано научился стрелять, водить мотоцикл. Ел щи да кашу из солдатского котелка.

Как в любой офицерской семье, все было подчинено интересам отцовской службы. И годы вынужденной безработицы для матери, и двенадцать школ, которые сменил он за десять лет учебы.

Перед ним никогда не стоял вопрос – кем быть? Ответ на него он знал с детства: офицером, командиром.

Карпухин-младший окончил Ташкентское танковое училище с золотой медалью. Волей судьбы, единственный из выпуска, попал в КГБ. Приехал в Москву, получил распределение в пограничное училище. Служил командиром взвода, роты. Получил основательную практическую подготовку.

В те годы пограничные войска усиленно комплектовались техникой, боевыми машинами, приходилось мотаться по военным заводам, получать танки, бронетранспортеры, осваивать их, обучать курсантов.

Несмотря на занятость, Виктор Федорович окончил педагогический институт. Как иначе: подчиненных в роте три сотни человек. Хочешь не хочешь, надо быть педагогом.

С первым командиром группы «А», Героем Советского Союза Виктором Бубениным, их свела жизнь на танкодроме пограничного училища. «Альфовцы» упражнялись в вождении боевой техники. Карпухин помогал им, консультировал, обучал осваивать новые образцы. И признаться, не подозревал, что майор Бубенин давно приглядывается к

нему.

Подразделению нужны были специалисты, знающие боевую технику. Так он стал сотрудником группы антитеррора. Карпухину казалось, что после рутинной казарменной жизни – бесконечных подъемов и отбоев, учений, занятий, вождении – его ждет полная романтики жизнь. Но, увы, опять занятия, срочные вызовы, непрогнозируемые ситуации. И работа над собой – тяжелая, изнуряющая.

В Афганистане на штурме дворца Амина Карпухин показал себя грамотным, хорошо подготовленным командиром. Благодаря умелому руководству в его группе ранило только двоих, и то легко. Остальные же подгруппы пострадали значительно больше.

Был момент, когда механик-водитель БМП, в котором ехали «альфовцы», дрогнул. Тогда Карпухин дал ему команду: «Вперед, или застрелю!»

Да, действительно механик-водитель, молодой солдат, попав в такое пекло боя, растерялся, запаниковал. Машина затормозила. Еще мгновение-другое – и она бы вспыхнула свечой, как подбитый уже бронетранспортер. Но командир не растерялся. Окрик отрезвил механика-водителя, и БМП рванулась вперед.

Капитан Карпухин приказал как можно ближе подъехать к дворцу. «Под таким плотным огнем, – признается он позже, – не то что десантироваться, а высунуться и то было просто верхом безрассудства».

Механик-водитель подогнал боевую машину почти вплотную к главному входу, и только теперь Карпухин подал команду: «К машине!». И сам выскочил первым. Рядом с ним оказался Александр Плюснин. В два ствола открыли прицельный огонь по гвардейцам, которые стреляли из окон дворца.

Под прикрытием огня Карпухина и Плюснина из БМП благополучно десантировались и другие бойцы.

Виктор сам потом не раз задавал себе вопрос: как остался жив в той мясорубке? Все смешалось воедино: удача, военная смекалка, отменная подготовка и даже чудо, когда аминовский гвардеец располосовал бы ему грудь автоматной очередью, но кончились у него патроны. Война. Жестокая, страшная, бессмысленная...

Вернулся он с той войны Героем Советского Союза. Дослужился до больших чинов, стал начальником группы. И теперь вся ответственность ложится на его плечи.

Сложность ситуации заключалась в том, что после захвата заложников и выдвижения требований преступниками руководители УВД пытались

вступить в контакт с террористами, но разговор как-то не клеился. Милиционеры были к нему психологически не готовы, бандиты же буквально «брали за горло», грозясь уничтожить несчастных женщин и подростков. Представители правоохранительных органов вновь и вновь совещались. Время шло. Террористы проявляли все большую нервозность, сыпали угрозами. Наконец, результатом «сидения» руководства была полная капитуляция перед бандитами. Решили не рисковать. Подали террористам микроавтобус «РАФ» с полной заправкой бензином и, по существу, без борьбы выложили боевое оружие – пистолет Макарова и 24 патрона к нему. За что бандиты освободили женщину и подростка.

В 10 часов вечера из ворот следственного изолятора на улицы оживленного Саратова на высокой скорости выскочил «рафик» с четырьмя вооруженными бандитами. Остальных заложников, вопреки обещанию, те взяли с собой. Вскоре одну из пострадавших террористы выбросили из машины. Женщина была без сознания, едва не умерла от жестоких побоев.

Пять часов преступники колесили по ночному городу. Они чувствовали себя хозяевами: выезжали на полосу встречного движения, газовали на красный свет, неожиданно открывали огонь из пистолета. Бандиты захватили еще одну заложницу, 19-летнюю И. Закутаеву, продавца магазина, которая была свидетельницей по делу одного из бандитов.

Оперативный штаб, созданный из представителей УВД, Комитета государственной безопасности, прокуратуры и командования подразделений внутренних войск, с оцепенением следил за разбойными действиями террористов.

В 22 часа штаб проиграл еще один раунд борьбы – преступники, обнаружив преследование, выдвинули ультимативное требование: прекратить слежку, в противном случае угрожали застрелить заложников. Как напишут потом в оперативных милицейских документах, «преследование было прекращено, преступники скрылись в неизвестном направлении». Штаб потерял вооруженных бандитов.

Двенадцать часов о террористах не было ничего известно – убыли ли они на территорию другой области или здесь, в Саратове, готовятся к новым убийствам, а может, уже совершили их. С превеликим трудом к 15 часам следующего дня удалось установить: преступники находятся в квартире супругов Просвирных, в доме номер 20 по улице Жуковского, рядом с саратовским аэропортом. В квартире, кроме взрослых, – двухлетняя дочь Просвирных. Все они взяты заложниками в плен.

Теперь преступники выдвигали новые требования: предоставить самолет для вылета за границу, дать водку, наркотики, крупную сумму

денег. И снова грозили убить заложников. Предупреждали, что на случай штурма они привязали хозяйку квартиры с дочерью к дверям. Попытки убедить бандитов отказаться от преступных замыслов ничего не дали.

Так напряженно складывалась обстановка на момент прибытия группы «Альфа» в Саратов.

Было 23 часа 11 мая. Переговоры, которые вели с преступниками начальник ГАИ Саратовского облисполкома и заместитель прокурора области, в очередной раз зашли в тупик. Преступники вели себя агрессивно, нагло угрожали. Чтобы показать серьезность своих намерений, стали истязать женщину-заложницу. На просьбу выдать ребенка потребовали водки, наркотиков, автомат, бронежилет. То и дело в захваченной квартире распахивалось окно, террористы сажали на подоконник одного из заложников, кричали, что выбросят его с четвертого этажа.

Штаб принял решение выдать водку и наркотики. Их подняли в осажденную квартиру по веревке.

Стало ясно, выход один – штурм квартиры. «Альфа» подготовилась к штурму. Карпухин и Головатов провели рекогносцировку: прошли в квартиру этажом ниже той, что была захвачена преступниками, составили ее схему. Снайперы постоянно наблюдали с помощью приборов ночного видения за поведением преступников и их передвижениями. Вся информация передавалась в штаб.

А информация тревожная – действия террористов становились непредсказуемыми.

В 3.10 группа захвата заняла исходные позиции. В 3.25 начальник группы «А» отдал команду на штурм. Здесь следует подчеркнуть – магазины автоматов сотрудников «Альфы» были снаряжены холостыми патронами. Бойцы с помощью специального альпинистского снаряжения спустились с крыши и буквально влетели в окна захваченной квартиры, забросав преступников имитационными гранатами. Бандиты никак не ожидали штурмующих из окон. Они ясно видели, что лестниц под окнами нет, никто к штурму не готовится. В те же секунды дверь вышибла тараном вторая группа и ворвалась в квартиру.

Преступник, вооруженный пистолетом, успел сделать два выстрела. Пули пришили в бронещит.

Пользуясь фактором внезапности, группа захвата через несколько секунд обезвредила бандитов.

В последних строках отчета о действиях группы в Саратове начальник подразделения «А» напишет одну фразу, которая не нуждается в

комментариях, ибо она коротко и емко характеризует высокий профессионализм спецподразделения антитеррора: «Пострадавших при проведении захвата не было».

Горячая командировка в Баку

13 января 1990 года. Выходной день – суббота. Канун «старого» Нового года. В квартире Геннадия Зайцева раздался телефонный звонок. Приказ: срочно прибыть к генералу Филиппу Бобкову – первому заместителю председателя КГБ СССР.

Филипп Денисович был краток и лаконичен. Сегодня в 18 часов предстоит вылет из Шереметьева в столицу Азербайджана город Баку. В составе сводного подразделения сто сотрудников группы «А» и отряд «Витязь». Руководить этой командой предстояло генералу Зайцеву.

Как и было приказано, стартовали из Шереметьева и за час до полуночи прибыли в Баку.

В столице Азербайджана творилось такое, что трудно описать словами. Пылали костры погромов, лилась кровь невинных людей. Вооруженные бандиты расправлялись с людьми других национальностей: русскими, армянами.

На улицах висели плакаты: «Ни одного армянина в республике», «Русские, не уезжайте: нам нужны рабы и проститутки!»

Начались нападения боевиков на арсеналы флотилии. В Баку было три арсенала: центральный в поселке Зых, где хранились торпеды, снаряды, глубинные бомбы; филиал центрального в поселке Гобустан к югу от столицы – там складировались корабельные орудия. И третий арсенал в трех десятках километров от военного аэродрома Кала. Там находился НЗ на военный период. На этот склад чаще всего и нападали бандиты.

Начался массовый отток армянского и русскоязычного населения. Ситуация была настолько тяжелой, что беженцев приходилось вывозить морем, на кораблях Каспийской флотилии.

Чем занималась группа «А» в бушующем Баку? Своими прямыми обязанностями. Вот как об этом вспоминает генерал **Геннадий Зайцев**: «Мы работали в основном ночью по задержанию конкретных лиц, подозревавшихся в подрывной деятельности.

Когда смяли границу между Азербайджаном и Ираном, на территорию республики с сопредельной территории стали проникать эмиссары и представители спецгрупп, очевидно, не для того, чтобы содействовать стабилизации обстановки. Скорее наоборот. На операции мы шли вместе с местными товарищами, но те до конца в них не участвовали. Например, если сотрудники группы «А» работали по

конкретному дому или квартире, то наши коллеги, указав место, сами предпочитали остаться вдали от него: «Нам тут еще жить...»

Занимались «альфовцы» и лидерами Народного фронта, в частности, так называемым вождем «Черного января» Нейматом Панаховым, который возглавил комитет непрерывного митинга на площади им. Ленина, организовал массы людей на прорыв советско-иранской границы.

Сотрудники группы Василий Бурилин и Сергей Бурмистров занимались охраной и обеспечивали безопасность Первого секретаря ЦК компартии Азербайджана Абдул-Рахмана Визирова. Они, по сути, спасли ему жизнь, уберегли от расправы разъяренной многотысячной толпы.

Активисты Народного фронта возле здания ЦК поставили виселицу с болтающейся петлей. Она как раз и предназначалась для главы азербайджанской компартии. Так вот, однажды огромная толпа в несколько тысяч человек окружила дом, в котором располагалась квартира Визирова. Они требовали, чтобы он вышел к народу. Все это закончилось бы самосудом.

Сотрудники «Альфы» придумали интересный ход. Они нашли далеко не новые, неприметные «Жигули», подогнали их к дому, усадили в них Визирова и уехали. Привезли в местный Комитет госбезопасности, определили в комнату отдыха председателя КГБ Азербайджана. Через два дня партийного руководителя скрытно доставили в аэропорт. Оттуда Визиров вылетел в Москву.

Обстановка в Баку была напряженная. Это, конечно же, нервировало Кремль. Нервозность передавалась и руководству КГБ. Иногда с Лубянки следовали достаточно спорные распоряжения. Так, председатель КГБ СССР Владимир Крючков приказал деблокировать захваченный членами Народного фронта Дом культуры Завода им. лейтенанта Шмидта. Но сделать это было крайне сложно. Дело в том, что это здание – настоящая крепость высотой в четыре этажа. Массивные стены, отделанные гранитом. А внутри дома – шесть сотен боевиков, вооруженные автоматами.

Очередной звонок Крюčkова по ВЧ принял его заместитель генерал Гений Агеев, который в этот период находился в Баку и осуществлял общее руководство. Председатель КГБ был крайне недоволен действиями комитетских подразделений. Оказывается, министр обороны Павел Грачев доложил генсеку Михаилу Горбачеву, что придал бригаду спецназа ГРУ, а силы Комитета ведут себя пассивно.

Агеев возразил: в Баку нет никакой бригады спецназа. Но Крючков и не хотел слушать возражения. Свидетелем этого разговора Агеева с «большим шефом» стал Геннадий Зайцев.

– Видишь, Геннадий Николаевич, нам приказано штурмовать здание.

Зайцев ответил, что он солдат и коли есть приказ, будет его выполнять. Только у него люди и автоматы и никакого броневого прикрытия и поддержки. Потери будут большие. И пройдет немного времени, когда начнут искать тех, кто первым пролил кровь. Если это будет сделано руками КГБ, нам не отмыться.

А проблема с захваченным домом культуры решилась следующим образом. Когда боевики, засевшие в здании, открыли огонь по колонне боевых машин пехоты, которая входила в город, командир приказал дать залп по дому культуры. Было убито сразу четырнадцать человек, а боевики в страхе бежали. Вот вам и эффективность работы бронетехники, о которой говорил Зайцев.

Позже генерал Агеев признает правоту Геннадия Николаевича, поблагодарит его и пожмет руку.

Захват в Сухуми

Из служебного отчета группы «А»:

«11 августа 1990 года в г. Сухуми семь арестованных преступников, находящихся в изоляторе временного содержания (ИВС) МВД Абхазской АССР, захватили в качестве заложников трех работников охраны.

Овладев ключами, они выпустили из камер 68 подсудимых и осужденных. Среди 75 содержащихся в изоляторе 73 совершили уголовные преступления, 15 из них арестованы за убийство, 8 – за разбой, 1 – за угон самолета.

Инспиратор этой акции – трижды судимый матерый преступник П. Прунчак, взятый под стражу за убийство трех человек, двое из которых – сотрудники милиции».

...Порядком уставший от суточного дежурства постовой Козмава, гремя ключами, идет коридором первого этажа. Сейчас он повернет ключ в замке двери седьмой камеры, потянет железную ручку на себя, передаст ведро и веник. Обычное дело – уборка помещения. Так каждое утро, изо дня в день, из года в год. Правда, вчера начальник изолятора, инструктируя наряд перед заступлением на дежурство, велел быть особенно осторожным у седьмой и десятой камер. По некоторым данным, там вроде бы готовят побег. Но постовой привык к предупреждениям. Они звучат на каждом инструктаже. И, как правило, никаких последствий. Обязанность начальника – постоянно предупреждать об опасности. Понятное дело, не на конфетной фабрике работают.

Козмава знал, что идет на нарушение инструкции, ведь открывать дверь должен дежурный офицер в присутствии постового. То есть у камеры их должно быть двое. Но гудит голова после бессонной ночи, в ушах стоят крики и ругань заключенных, хочется скорее распрощаться с этим затхлым «каменным мешком».

Не взглянув в глазок, постовой открывает дверь. Резкая команда, стремительный бросок, удар по голове – Козмава падает на бетонный пол.

Дежурный офицер Шикирба не заметил, когда постовой забрал ключи. Опомился, увидев на пульте охранной сигнализации тревожное мигание желтого глазка: в седьмой камере открыта дверь.

Лейтенант помчался в камерный бок. А в дверь уже протискиваются заключенные Дзидзария и Бигвава. Офицер пытается затолкнуть их обратно в камеру. К нему на помощь прибежал постовой Нижерадзе со

второго этажа. Но уже поздно – семеро преступников вырвались из камеры, набросились на охранников, отобрали ключи, поспешно открыли другие камеры.

Четвертый охранник смены, постовой сержант Векуа, видя, что ничем не может помочь товарищам, захлопнул на перегородке, преграждающей выход из камерного блока, дужку замка, затем выбежал во двор, запер дверь изолятора и кинулся в дежурную часть МВД рассказать о нападении. Бежал и клял все на свете: из-за блокады железной дороги ломался график спецэтапов, вагоны с заключенными простаивали на путях вместе с десятками замерших поездов. Недели три не было поступлений, потом сразу привалило – сорок два заключенных. Требовалась усиленная охрана, да где ее взять. Ее и по обычному штатному расписанию не хватало: постовых в изоляторе восемнадцать человек, а должно быть двадцать четыре.

По камерам распикивали кого куда – судимых с несудимыми, совершеннолетних с несовершеннолетними.

Да и следователи, прокуроры, судьи – разве они считались с бедами изолятора? Из дальних уголков республики, из других изоляторов везли в Сухуми на допросы задержанных. А потом здесь же оставляли, и не на десять дней, как положено, а на недели, месяцы. Так, убийца, рецидивист Павел Прунчак сидел в изоляторе уже месяц, а суда все не было.

Когда Векуа докладывал о нападении, заключенные успели повалить стальную перегородку и открывали камеры второго этажа.

Еще через несколько часов взбунтовавшиеся преступники овладели оружием. Когда прокурор Квициния и руководство МВД Абхазии совещались, входить или не входить в изолятор, из-за решетки второго этажа выбросили горсть патронов и наган. Бандиты давали понять, что они вооружены. «Откуда у них оружие?» – удивился первый замминистра МВД Абхазии Аршба.

Действительно, откуда? Оказалось, что в изоляторе, в одном из помещений, хранилось более трех тысяч стволов нарезного и гладкоствольного оружия: винтовок, пистолетов, охотничьих ружей и 28 тысяч единиц боеприпасов, изъятых у населения, а также у преступников.

Верно сказал на следствии один из зачинщиков бунта, осужденный за убийство Петухов: «Какой же дурак держит в переполненной тюрьме боеприпасы и оружие? Для нас это был приятный сюрприз».

Теперь представим себе преступников, которым уже нечего терять, и в их распоряжении вот такой арсенал. Представим, что они вырываются на улицы города. Думаю, Абхазия в августе 1990 года стояла на пороге

страшной трагедии.

Возможно, кто-либо возразит, мол, они же не вырвались. Да, и только по двум причинам: в первое утро – случайно. К ним в руки не попал сержант Федор Векуа, и он успел захлопнуть щеколду на дверях. А на четвертые сутки, когда по их требованию был подан микроавтобус, на их пути уже стояла «Альфа».

14 августа с одного из московских аэродромов стартовал самолет, следующий в Сухуми. На его борту было 22 сотрудника группы «А» и 31 боец ОМСДОНа. «Альфовцы» знали: идут на трудное дело, тут тебе не террорист с ружьем или поддельным взрывным устройством, а десятки преступников, вооруженных до зубов. Что ж, работа есть работа. Из трех отделений группы отобрали лучших, отменных снайперов, мастеров рукопашного боя, опытных командиров. Руководил операцией начальник группы «А» Герой Советского Союза полковник Виктор Карпухин.

Экипировка по максимуму – тяжелые бронежилеты, электрошоковые дубинки, щиты, спецгранаты, приборы ночного видения.

В полете прокурор Абхазии ввел группу в обстановку. Три дня в руках вооруженных преступников томились заложники. Требования бандитов постоянно менялись. Они хотели, чтобы перед ними для безопасности выстроили жителей – женщин и детей, потом требовали бронетранспортер, чтобы уехать из города, ставили и такое условие: посадить недалеко от изолятора вертолет.

Город напоминал растревоженный улей – у изолятора собралась толпа жителей, родные и близкие преступников, просто любопытные. Квартал был оцеплен бронетранспортерами и войсками, низко кружил вертолет.

Все эти дни и ночи с преступниками вели переговоры руководители МВД Абхазии и Грузии, родственники, лидеры различных движений, просто друзья.

Зачинщик бунта, убийца Прунчак, выкрикивал свои требования из-за спин других. Его, совершившего немало преступлений, выследили в пещерах глухого Очамчирского района два милиционера. Прунчак застрелил их из охотничьего ружья. Но вскоре был сам ранен. Он бы, конечно, погиб, но министр внутренних дел Абхазии Ломинадзе отдал распоряжение, и Прунчаку сделали переливание крови, спасли жизнь. Кровь дал один из милиционеров.

Теперь Ломинадзе, стоя у решетки под винтовочными стволами, говорил: «Прунчак, если бы мы хотели тебя убрать, задержали бы переливание крови. И все. Обещаю, если вы сложите оружие и разойдетесь по камерам, за этот случай вас не привлекут к ответственности».

В ответ – крики, мат. И новые требования. Сразу после прилета в Сухуми и проведенной рекогносцировки «Альфа» стала прорабатывать варианты штурма изолятора и освобождения заложников.

Михаил Картофельников, сотрудник группы «А», участник операции в Сухуми:

– Когда преступники оказались хозяевами в изоляторе, они стали все ломать, крушить, рвать сигнализацию. Нашли свои уголовные дела, стали читать, выявили нескольких стукачей, ну и, наконец, добрались до комнаты с оружием.

Уже в самолете мы стали составлять план действий. Оружия у них было более чем достаточно – пистолеты Макарова, Марголина, ТТ, винтовки.

Много боеприпасов, тут войну вести можно. Потому каждый из нас спрашивал себя: как быть?

В городе их брать невозможно, могут пострадать тысячи мирных граждан. А бандиты требовали предоставить БТР, чтобы уйти в горы. Значит, в горах придется атаковать бронетранспортер. Это бы ладно, но есть другая опасность: прорываться в горы бандиты станут через город. Кто знает, что взбредет в их лихие головы, когда в руках окажется мощная боевая машина.

Местные органы предложить ничего не могли, у них не хватало сил. Три дня они выжидали, старались не выносить сор из избы, только куда уж там: пришлось обратиться в Москву.

Выходит, «альфовцы» могли рассчитывать только на себя.

А требования бандитов постепенно менялись. Кто-то из них соглашался уезжать, кто-то отказывался, количество людей называлось разное. Сначала требовали автобус, потом уже вертолет. Его посадили на площади Ленина, невдалеке. В изоляторе был слышен шум винтов. Те говорят: покажите экипаж. К изолятору пришли пилоты. Тут же требование – один из летчиков должен остаться заложником. На это мы не согласились.

Вскоре они отказались от бронетранспортера. Видимо, поняли, что горные дороги трудные, запас хода БТРа небольшой, могут подбить и взять.

Михаил Максимов, сотрудник группы «А»:

– Считаю, что самое удачное изобретение «Альфа» сделала в Сухуми. Буквально за один день нашли и разработали новый тактический прием. На одном из этапов переговоров бандиты отказались от БТРа. Значит, передвигаться они будут в автобусе или «рафике».

На этот случай есть хорошо отработанный прием, во всем мире его называют «прием лопатки». Разбиваются окна автобуса, ставится трап, и по нему бойцы спецподразделения врываются в салон. Но тут была иная обстановка: пока мы схватим террористов, они убьют заложников. Значит, надежный, проверенный вариант тут не годился.

У омсдоновцев есть прием, когда в машине прячут специальную взрывчатку и, к примеру, в момент остановки у нее направленным взрывом отрывает колеса. Для нас этот прием не подходил, но натолкнул на мысль: начинить пиротехникой «Раф», который будет предложен бандитам. Снаряжали его всю ночь.

Дополнительное отвлекающее взрывное устройство было заложено во дворе изолятора.

М. Картофельников:

– Подогнали «рафик». Бандиты долго выясняли отношения, орали, ругались. Вспыхнула драка. Видимо, решали – кому ехать. Потом внутри помещения началась стрельба. Как выяснилось позже, они опробовали оружие, приводили его в боевое состояние.

Выпустили «шестерку». Тот внимательно осмотрел «Раф». Не понравилось, что нет шторок. Ладно, повесили шторки.

И вот, наконец, десять отъявленных преступников, большинство убийцы – Прунчак, Дзидзария, Петухов, Ахведиани, Малов, Бигвава и другие, натянув на головы чулки с прорезями для глаз, прихватив с собой Козмаву и Нижерадзе (тоже в масках), с рюкзаками и с оружием, вышли из дверей изолятора.

Снайперы оказались парализованными: в кого стрелять, где бандиты, а где заложники? Однако на них особенно и не рассчитывали – достаточно того, что они вели наблюдение за террористами и были готовы в любую минуту открыть огонь.

Тут произошла небольшая накладка. Взрыв в «Раф» должен произойти, как только бандиты его заведут, но вот он катится уже метров десять на выезд из ворот, а взрыва нет.

Представляете состояние некоторых генералов, которые как раз и боялись этого. Еще десяток-другой метров – и преступники на свободе. Конечно, даже в том случае, если бы пиротехника не сработала, машина с бандитами на улицу не вырвалась бы – ворота перекрыл бронетранспортер.

М. Максимов:

– По расчету мы начинали одновременно. Нас было три группы – первая действовала на «рафике», вторая проникала через люк с

четвертого на третий этаж, еще одна группа взрывала боковую дверь изолятора.

Для нашей группы сложность состояла в том, что люк, через который предстояло спуститься на «оккупированный» этаж, мы не видели. Он находился под паркетом. Определили примерное его месторасположение, но вскрывать паркет не могли: боялись выдать себя шумом.

Что касается двери, то там возникли свои проблемы. Рядом с дверью, метрах в двух-трех, – цементный забор. Дверь взорвать не проблема, опасна ударная волна. Надо было так рассчитать силу взрыва, чтобы и дверь убрать с дороги, и самим остаться в живых. Не колотить же кувалдой, как это делала группа захвата в санкт-петербургских «Крестах».

Хотя в «Крестах» двери – не чета советским, сухумским. Бандиты надавили плечами – вывалилась стальная перегородка, отделяющая камерный блок от остальных помещений. Боковые штыри перегородки не были даже закреплены в кирпичных гнездах. Окажись перегородка покрепче, так бы и остались преступники на первом этаже, не прорвались к оружию. Если бы да кабы...

В тот день, перед штурмом, мы пригласили к себе прораба, который строил изолятор. Он посмотрел на тротиловые шашки и откровенно предупредил: «Осторожно, ребята! Строили изолятор кое-как, материалы тащили, воровали. Балки перекрытия лежат на честном слове. Рванете – упадет наша тюрьма». Ладно, хоть нашел мужество признаться.

После его слов подошел Карпухин, снял одну тротильную шашку с центра люка.

М. Картофельников:

– «Рафик» подогнали почти вплотную к дверям. Всем трем подгруппам, которые брали его, надо было бежать примерно одинаковое расстояние. Но он выкатился вперед. Мы стали стрелять по колесам. По салону вести огонь нельзя. Террористы сидели с заложниками вперемешку.

Моя подгруппа штурмовала машину сзади. Пока преодолевали расстояние из засады к «Рафу», бандиты успели выпустить в нас 20 пуль.

Мы выбили заднее стекло. Рукояткой пистолета я «вырубил» ближнего бандита, второго схватил за шиворот и вытащил. А преступник оказался мощный, ростом под метр восемьдесят. Потом ребята удивлялись: как ты смог такого борова выволочь?

Где у него только не было оружия: за пазухой, в карманах, за поясом.

При штурме ранили Игоря Орехова. Когда он навалился на бандита, Прунчак, сидевший на переднем сиденье, выстрелил. Пуля попала в незащищенную часть шеи между каской и бронежилетом, пробила шею. Счастье, что террорист стрелял из малокалиберного пистолета Марголина, а не из «макарова» или ТТ.

Ну и как всегда, рядом не оказалось врача. Как снять боль? Ребята из местного КГБ бутылку коньяку притащили. Принял Игорь, тут и «Скорая» подоспела. Так Орехов отпраздновал свой день рождения.

Признаюсь, что и я в тот день выкурил несколько сигарет, хотя никогда в жизни не курил. Как-то совсем не весело, когда в упор по тебе палят из пистолетов.

М. Максимов:

– Когда у самых ворот «взорвался» «рафик», мы тут же подорвали и люк. Снизу он, оказывается, был еще закрыт на засов. Крышка люка вылетела, но засов остался, разделяя люк на две части.

Боец ОМСДОНа все рвался к люку. Я его удерживал, так как преступники снизу стреляли. Одним выстрелом он был легко ранен в ногу. Я отвел его в сторону, бросил в люк шумовую гранату и спустился вниз на канате. Оказался в комнате, где прежде хранилось оружие. Бандиты уже сбежали отсюда, дверь заперли. Пришлось взрывать дверь, прорываться дальше».

На пути ребят, которые штурмовали этаж через дверь, уголовники устроили баррикаду, открыли огонь.

Штурмующие на огонь не отвечали. Они применили так называемое «психологическое оружие». Что это за оружие, разъяснять пока не станем. Скажу только – достаточно было одного выстрела, чтобы бандиты сдались.

...На следующее утро бойцы «Альфы» пришли к морю. Как были в поту и в грязи, так и пришли: отмыться, полежать на солнышке. Загорающие догадались: «Это ребята, штурмовавшие изолятор!» Окружили, обступили, с улыбками, с поздравлениями. Кто-то позавидовал: «Наверное, за такую работу кучу денег получите!»

«Альфовцы» смущенно улыбались: они-то знали – их зарплата рассмешила бы любого абхазца или грузина. Но восхищение подкупало.

Кто-то уже протягивал им арбузы, дыни, цветы. Расталкивая обступивших, пробился через толпу высокий усатый грузин. Опустил на песок ящик, раскрыл объятия:

– Генацвале! Родные мои! Для вас вино, настоящее кахетинское!

Вино и вправду было отменное.

Заканчивались 80-е... «Взорвались» Армения и Азербайджан. Детонатором послужил Нагорный Карабах. Движение за «национальное самоопределение» переросло в требование независимости и воссоединения с Арменией. Вспышки демонстраций и митингов вылились в кровавые столкновения.

Мир содрогнулся, услышав впервые название мало кому известного азербайджанского города – Сумгаит. Зверские убийства, насилие, расправы захлестнули городские кварталы. Улицы потонули в дыму пожарниц и костров.

Правоохранительные органы республики оказались бессильны противостоять «цунами» национализма.

Кровь и смерть армян Сумгаита вывели на улицы Еревана, Ленинакана, Кировакана и других городов тысячи возмущенных и требующих отмщения людей. Начались грабежи и убийства азербайджанцев.

Ситуация накалялась. Обстановка в Азербайджане приближалась к критической отметке – в Баку, Кировабаде (ныне Гянджа), в Физули боевики громили органы управления и МВД.

Весной «вспыхнул» Тбилиси. Традиционно мирная республика была превращена в «суверенную, свободную», где «суверенен» всяк имеющий автомат. Агрессия национализма нанесла удар по институтам государственной власти, была направлена против органов правопорядка и армии. Ситуация выходила из-под контроля.

Страна вползала в хаос межнациональной вражды. В эпицентре этих событий армия, ее лучшие мобильные силы – десантные войска, спецподразделение КГБ СССР «Альфа».

В декабре 1991 года перестанет существовать великая держава – Советский Союз. Начнется новая страница нашей истории. Новая страница в жизни группы «А».

СНОСКИ

1

Термин, принятый в международном авиационном сообществе, означающий захват самолета.